

Х.Г. Тхагапсоев, Л.М. Мосолова,
И.В. Леонов, В.А. Соловьева

ИДЕНТИЧНОСТЬ

КАК НАВИГАТОР СОЗНАНИЯ

Санкт-Петербург
2016

Х.Г. Тхагапсоев, Л.М. Мосолова,
И.В. Леонов, В.Л. Соловьева

ИДЕНТИЧНОСТЬ

КАК НАВИГАТОР СОЗНАНИЯ

 Астерион
Санкт-Петербург
2016

УДК 101.3
ББК 87.5
Т 92

Монография рекомендована к публикации кафедрой теории и истории культуры института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (протокол №16 от 01 июля 2016 года).

Рецензенты:

Л.В. Никифорова, доктор культурологии,
профессор (РГПУ им. А.И. Герцена);

А.А. Хлевов, доктор философских наук,
профессор (Крымский Федеральный университет)

Тхагапсоев Х.Г., Мосолова Л.М. Леонов И.В., Соловьева В.Л.
Идентичность как навигатор сознания : монография [Текст] /
Х.Г. Тхагапсоев, Л.М. Мосолова, И.В. Леонов, В.Л. Соловьева. —
СПб. : Астерион, 2016. — 170 с.

ISBN 978-5-00045-381-0

Книга посвящена одному из наиболее актуальных направлений развития современных технологий — технологиям безущербного управления сознанием человека, именуемым «гуманитарными технологиями». Это коллективная монография, которая представляет собой результат межуниверситетского сотрудничества ученых в контексте развития современной российско-петербургской философии культуры и культурологии. Книга написана в научно-просветительском жанре и нацелена на ознакомление любознательного читателя с одним из вариантов аналитической культурологии.

Издание адресовано широкому кругу специалистов, занятых в массмедиа, сфере образования, маркетингологии, PR-менеджменте, коммуникативистике, а так же преподавателям и студентам философских, культурологических, педагогических, политологических, исторических и других факультетов.

ISBN 978-5-00045-381-0

© Х.Г. Тхагапсоев, Л.М. Мосолова,
И.В. Леонов, В.Л. Соловьева, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ..... 5

I. ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

В ТРЕНДАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ..... 9

1. Гуманитарные технологии: что это такое?..... 12
2. К сущностным нюансам гуманитарных технологий 15
3. К принципам формирования гуманитарных технологий 20
4. Риск как аспект гуманитарных технологий 30
5. Образование как сфера гуманитарных технологий 36
6. Гуманитарные технологии в системе вызовов
и стратегий современной России 38
7. Гуманитарные технологии в общей системе
технологического бытия человека 44
8. Технология как мировоззренческий фактор..... 49

II. ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТРУКТУРЕ

ГУМАНИТАРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ..... 59

1. Идентичность как мера бытия
и навигатор сознания..... 61
2. Вектор развития познания: от сущностей структур
и процессов к спектрам их идентичностей..... 70
3. Контекстный фактор в системе идентичности 77
4. Грани операциональности категории
«идентичность» 80

III. ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОПЕРАТОР ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	87
1. Оператор в системе технологии.....	88
2. К принципам и механизмам действия операторного потенциала идентичности в гуманитарных технологиях	90
3. Как возможно проектирование гуманитарных технологий ...	96
4. Гуманитарные технологии в повседневности: особенности их операторов	98
5. К особенностям операторов педагогических технологий.....	99
6. Типологизация идентичности как метод проектирования гуманитарных технологий.....	105
IV. КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССАХ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ	115
1. О когнитивно-методологической «недостаточности» культурологии.....	118
2. Идентичность в когнитивной системе культурологического познания.....	121
3. Идентичность как способ и механизм познания субъекта культуры	123
4. Культурная форма как мера культуры и принцип ее познания.....	125
5. Культурная форма как основа гуманитарных технологий....	130
V. НЕПОЛНОТА ДИСКУРСА КАК ФОРМА И МЕРА ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	133
1. Сколько технологий в педагогических технологиях?.....	135
2. Социальный проект как индустрия и рынок гуманитарных технологий.....	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ	150
ЛИТЕРАТУРА	161
Технологии — общие вопросы.....	161
Гуманитарные технологии	163
Идентичность.....	167

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поясним, прежде всего — почему в заглавии «тонкая материя» сознания соотнесена с грубым техническим устройством — «навигатором». Для чего это сделано? И при чем в данном случае идентичность?

Как, вероятно, догадывается читатель, представленный труд касается сферы информационных и гуманитарных (педагогических, рекламных, психотерапевтических, политических) технологий.

Человек на протяжении веков выстраивал свое могущество, создавая различные технологии и опираясь на них. Сегодня едва ли кто-либо возьмется пересчитать их — этих бесчисленных, «бессловесных» и, как правило, безотказных помощников человека. Но в необъятном мире технологий водятся три, принципиально (сущностно) различающихся вида.

- К первому относятся те технологии, которые принято именовать инженерными — они связаны с переработкой, преобразованием и трансформацией вещества и энергии. Именно эти технологии лежат в основании современной мощи материального производства и многообразия материальных артефактов, окружающих нас.
- Второй вид составляют технологии, оперирующие информацией в отчужденных (физических, цифровых) формах ее бытия. Подобные технологии, как известно, именуются информационными — они обслуживают такие сферы человеческой деятельности, как коммуникация и управление в самом широком понимании (включая и управление в технических сис-

темах, значимость которых в жизни современного человека едва ли поддается оценке).

- И, наконец, интенсивно развивается третий вид технологий, призванный воздействовать на сознание человека, опираясь при этом на особым образом организованные знания и знаково-символическую информацию. Они известны как «гуманитарные». Именно этому модусу технологий и посвящена книга, которую вы открыли, дорогой читатель.

Если инженерные технологии для человека стали глобальным помощником и основой всех форм его жизнедеятельности (от бесхитростных занятий по приготовлению простейшего завтрака до обуздания энергии атома и освоения просторов Космоса); если информационные технологии, породили современные формы массмедиа, роботизированные производства и новое культурное пространство существования человека, — «социальные сети», то гуманитарные технологии только и норовят завладеть сознанием и подчинить его, чтобы управлять человеком, его поведением и действиями. Хорошо это или плохо? Этот вопрос мы пока оставим на суд морали и этики.

Нас же интересует прагматическая сторона дела — как возможны гуманитарные технологии, как их организовать и выстроить наилучшим образом. Ведь эти технологии ныне широко распространены и сопряжены практически с любой формой деятельности человека, а в ряде случаев (например: политика, педагогика, маркетинг) составляют едва ли не главную основу деятельности. К тому же, ныне в истории технологического прогресса намечается парадигмальный поворот — на арену выходит принципиально новый тип технологии, — «конвергентная технология», — которая интегрирует в себе процессы и механизмы инженерно-технических, биологических, информационных, когнитивных и гуманитарных технологий. Речь идет о технологиях, которые сегодня больше известны как НБИКС (нано-био-информационно-когнитивно-социально-гуманитарные) технологии. Они уже задают горизонты технологической будущности человека, а значит — и культурные смыслы и горизонты его социально-культурного

бытия, требуя внимания и рефлексивного участия всех социально-гуманитарных наук.

Дело в том, что конвергентные технологии обращены, прежде всего, на человека; более того — они претендуют на формирование плоти, облика, духа «человека будущего», который качественно будет отличаться от нас за счет симбиоза с IT-средой и биотехнологиями. Таким образом, конвергентные технологии, в потенции сулящие человеку неограниченные возможности в плане интеллектуального развития, образования, коммуникации, а в целом — личного развития, влекут за собой не только кардинальные изменения технологического и культурного бытия человека, но и облика наук. *Ведь в ситуации, когда стираются грани между технологиями, а точнее — инженерные технологии синтезируются с гуманитарными, научное познание (наука) возможно разве что в модусе междисциплинарного подхода. Это в первую очередь относится к тем наукам, которые по существу (целям, кругу задач, методам исследования) являют собой форму междисциплинарного дискурса — к культурологии, педагогике, политологии.* Сюда же можно отнести и некоторые другие науки и междисциплинарные направления, способные преодолевать рамки классической научной парадигмы, либо возникшие за ее пределами.

Остается только добавить, что междисциплинарный подход, как правило, включается в исследовательский процесс ровно в такой мере, в какой этого требуют объекты и задачи познания.

К числу объектов, апеллирующих к междисциплинарной методологии, несомненно относятся гуманитарные технологии, которые, как уже подчеркивалось, претендуют стать ядром конвергентных технологий, опирающихся — практически — на ресурсы всех наук.

Очевидно также, что указанные обстоятельства выдвигают на арену научной и общественной мысли проблематику гуманитарных технологий, адресуя ее, прежде всего, философии и наукам «широкого плана» — в частности, культурологии.

Именно этому и посвящен представленный на суд читателя труд.

В свою очередь, обозначенный в заглавии акцент на идентичность обусловлен тем, что в современных условиях на фоне роста

значимости гуманитарных технологий, а также интенсивной дифференциации всех типов связей/отношений в социуме и глобальной визуализации культуры, идентичность становится главенствующей мерой бытия, основной «оптикой» его восприятия человеком и основой само-соотнесения человека с миром — природным, социальным, культурным, политическим.

Авторы

I. ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ТРЕНДАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Современная эпоха глобализирующегося беспримерными темпами мира в научных дискурсах определяется по-разному, — как «постиндустриальная», «информационная», «общество знаний», — в силу необычайной изменчивости ее характерных черт. Бесспорна и устойчива, пожалуй, лишь одна черта времени. Она заключается в том, что ныне технология выступает не только в качестве базового механизма экономического и культурного бытия человека, не только в ролидемиурга форм его жизнедеятельности (чем она, заметим, всегда и была), но и как регулятивный фактор прогресса, т.е. как особый вид ценности, который определяет цели и ценности цивилизационного развития и даже некий мировоззренческий конструкт (как далее будет показано).

В этом контексте установка на технологию обретает тотальный характер и модус парадигмы культуры, настойчиво заявляя о себе всюду — в мышлении и деятельности человека, в науке и образовании, в управлении и искусстве, словом, во всех сферах социально-культурной практики.

К тому же, и сама наука «расщепляется» и «расслаивается» на науки двух родов — на «познающие» (теоретические) и на «делающие», т.е. технологические [1]. Более того, в современной науке само миропонимание неуклонно становится «технологическим» — мир теперь видится и полагается наукой не столько как предметные множества, требующие описания, объяснения, понимания и интерпретации, сколько как процессы/трансформации, т.е. потенциальные технологии, освоение коих полезно и выгодно. При таком отношении к миру неизбежно меняются и ценностные ориентиры научного познания. В итоге сегодня все чаще актуальный интерес представляет скорее не знание само по себе, а те

технологии, что в них потенциально заключены. Более того, и сама деятельность по выработке научного знания уже встраивается непосредственно в процессы создания, отладки, запуска, развития и тиражирования новых технологий. Это особенно типично для новых направлений развития технологии, в частности — для нанотехнологий [2].

В такой ситуации целью науки реально становится не столько познание, сколько генерирование технологий. Увы, это относится и к социально-гуманитарному познанию — едва ли не главной мерой гуманитарного знания, способов его организации и построения ныне становятся «технологическая пригодность» и «технологическая эффективность».

Но дело в том, что в контексте нарастающей тенденции к «технологизации» социально-гуманитарного знания встает целый ряд проблем философско-методологического порядка, без прояснения которых гуманитарные технологии (далее ГТ), а тем более — подходы к их созданию и управлению ими, обречены на неудачи, неэффективность.

Самая тривиальная из этих проблем — это риск «застрять» при создании гуманитарных технологий на уровне метода «проб и ошибок», «соскользнуть» таким образом на манипулятивность и массовые формы «профанации технологий» из-за отсутствия теоретического фундамента у тиражируемых в угоду моде гуманитарных технологий. В этом плане характерны, если не сказать симптоматичны, непрекращающиеся призывы и заявления из рядов гуманитариев, непосредственно включенных в процессы строительства гуманитарных технологий такого плана: «есть необходимость условиться — какое содержание мы вкладываем в понятие гуманитарные технологии, надо бы определиться» [3].

И в самом деле, в отличие от естественнонаучных знаний, перевод которых в технологии давно стал «хорошо поставленным делом» целого спектра видов инженерной деятельности по трансформации знания в технологии, соотнесение гуманитарных технологий и социально-гуманитарного знания пока сопряжено с множеством неясностей, методологических проблем и нюансов, требующих, как уже подчеркивалось, осмысления. В прояснении нуждается, как свидетельствуют факты, прежде всего, сущность ГТ.

1. ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

На дискурсивной арене циркулирует множество различных определений, претендующих выразить суть и смысл ГТ. Так, руководитель лаборатории МГУ «Гуманитарные технологии» профессор А.Г. Шмелев указывает на следующие определения. Гуманитарные технологии — это:

- инструменты влияния, мягкого взаимного воздействия институтов, корпораций и отдельных лиц друг на друга;
- набор приемов и техник непрямого воздействия на общество (т.е. на общественное сознание);
- создание и изменение правил взаимоотношений людей согласно вызовам внешней среды;
- внедрение в массовое сознание информации, содержание которой желательно для определенных групп общества [4].

В свою очередь, автор статьи «Гуманитарные технологии: проблема выбора методологических оснований» А.В. Курочкин, апеллирует к определениям, трактующим сущность ГТ как:

- метод обучения (педагогический метод);
- метод психотерапии, «глубинного психоанализа»;
- воздействие СМИ на человека в целях манипуляции его поведением.

При этом цитируемый автор приходит к заключению, что в среде социологов «отсутствует понимание того, что такое гуманитарные технологии» [5]. Самому автору статьи гуманитарные технологии представляются как некие комплексы стратегических методов управления социально-гуманитарными системами, т.е. поведением и действиями людей.

В последнее время гуманитарные технологии особенно активно соотносят со сферой образования, видя в ГТ, прежде всего, «форму и тип инновационной педагогики» [6]. При этом выдвигаются интерпретации сущности гуманитарных технологий, которые вписаны в педагогическую логику. В итоге ГТ трактуются как способы понимания, объяснения, анализа или же как метод гуманитаризации образования [7].

1. Гуманитарные технологии в трендах цивилизационного развития

Общий недостаток приведенных определений очевиден — они, как правило, выражают некие конкретные виды или специализированные формы гуманитарных технологий, но не аккумулируют и не выражают сущностных признаков и оснований «гуманитарной технологии» как таковой, а значит — того общего и универсального в гуманитарных технологиях, без чего не может быть и речи о создании, анализе, проектировании этих технологий и управлении ими. Иначе говоря, бытующие ныне определения ГТ в большинстве своем построены, что называется «от печки» — от функций, выполняемых этими технологиями в той или иной сфере, в том или ином виде деятельности. Но общее и схожее во всех рассмотренных определениях заключается в том, что ГТ понимается как способ воздействия на сознание и поведение человека в конкретной ситуации ради достижения конкретной цели. По мнению П.Г. Щедровицкого, под гуманитарными технологиями подразумевается «систематизация, организация и упорядочивание в пространстве и времени компонентов целенаправленной коллективной деятельности на основе современного гуманитарного знания» [31]. Добавим также, что по суждению М.К. Мамардашвили, это технологии, обусловленные и обуславливающие «разрешающие» возможности человека [32].

В этой связи заметим, что и инженерные технологии тоже в общем и формально могут быть определены как способы воздействия на некие объекты с определенной целью — скажем для производства полезных, вещей, товаров. Однако, как нетрудно понять, вид, тип и прочие особенности инженерной технологии обретают конкретность, определенность и структуру, а сам технологический процесс становится управляемым лишь тогда, когда технология определена и выстроена от неких сущностных оснований (электрических, магнитных, тепловых, химических, электронных, лазерных, механических, фазовых, структурных).

Чтобы преодолеть бытующую пока ситуацию явно недостаточного прояснения сущности ГТ, уместно обратиться, прежде всего, к философскому пониманию сути и смысла категории «технология». Ведь технология в наше время соотносится не только с инженерией, рецептурными материально-производственными процессами-воздействиями на вещество и энергию (как это было некогда), но прак-

тически с любым видом деятельности и любой сферой знания. Достаточно хотя бы бегло ознакомиться с современными дискурсами в отношении технологии, чтобы убедиться, что категория «технология» ныне соотносится практически со всеми аспектами бытия. В этом контексте технология фактически являет собой, все, что связано с познанием и применением знания — от методов и процессов выработки знания («когнитивные технологии»), его системного построения в форме понятий, законов, теорий, гипотез, парадигм («технология организации знания») до утилитарного применения и использования (инженерные технологии, социальные технологии, медицинские технологии, гуманитарные технологии). Все это (и не только это) относится к миру технологий. *Технология в такой, предельно широкой интерпретации предстает как способ функционирования и бытия знания*, что, разумеется, относится и к гуманитарным знаниям, способным трансформироваться в ГТ.

Однако здесь встают новые вопросы, требующие прояснения или же методологических конвенций. Так, Б.Г. Юдин вполне резонно, на наш взгляд, обратил внимание на двойной характер смысла дефиниции «гуманитарная технология» [8, с. 20]. С одной стороны, речь идет об отнесении этих технологий к гуманитарным знаниям. Но, в то же время, поскольку речь идет о человеке и направленности ГТ на человека, не может быть и речи об ограничении знаниевой базы этих технологий гуманитарными науками — необходимо обращаться фактически ко всем типам знания: к социальному, естественнонаучному, медицинскому. Ведь иначе не выразить человека, который, так или иначе, изучается всеми науками.

Возможно, кому-то покажется, что речь идет об очевидном (тривиальном) — мол, гуманитарные технологии опираются не только на гуманитарное знание, но и на биологическое и социальное, за которым, как известно, стоит естественнонаучное и инженерно-техническое знание. Однако все гораздо сложнее. Ведь совсем не очевидно, что гуманитарное знание в характерных для него формах бытия (закон, закономерность, теория, принцип, гипотеза, нарратив) может непосредственно составить основу гуманитарной технологии (к чему мы еще вернемся). В этом смысле ключевым в методологии ГТ является вопрос о той структурной форме гуманитарного знания и тех процессах оперирования им, которые способны трансформировать

знание в ГТ, а значит — породить «гуманитарную технологию» и методы управления ею. Однако, как мы далее убедимся, нюансы, требующие прояснения в данном случае и этим не исчерпываются.

2. К СУЩНОСТНЫМ НЮАНСАМ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Начнем с вопросов разграничения социальных и гуманитарных технологий. Если придерживаться подходов Б.Г. Юдина, там, где речь идет о воздействии на индивида, следует говорить о гуманитарных технологиях, а когда речь идет о воздействиях на социальные общности (любого масштаба — учебная группа, аудитория некоего ток-шоу или же этнический социум), имеет смысл говорить о социальных технологиях [8, с. 21]. Однако, кажущаяся очевидность подобного различения на самом деле обманчива, если учитывать, что доступ к сознанию «другого» (индивида, на которого направляется гуманитарная технология) всегда пролегает через феномен и механизмы интерсубъективности (т.е. через социальное). И наоборот — социальные технологии, формально адресуемые общностям людей, могут достичь преследуемых целей (воздействовать на общность, его поведение) лишь в том случае, если они мотивированы, окрашены, детерминированы интересами, запросами и потребностями индивида (или значительной части индивидов в данной конкретной общности, целевой аудитории).

В свете этих уточнений очевидно, что границы между социальными и гуманитарными технологиями весьма условны, поскольку «социальное» и «индивидуальное» в человеке неразделимы. Перечень подобных непроясненных в должной мере вопросов в отношении ГТ можно продолжить и далее — в их числе и проблемы типологии гуманитарных технологий и подходов к их построению.

Как известно, предварительным условием обращения к любой реальности, является возможность выделять формы и типы, в которых бытует и в которых поддается репрезентации данная реальность, что в полной мере относится и к гуманитарным тех-

нологиям. А под технологией в современной науке понимают некую сложную реальность, которая функционально обеспечивает существование и развитие всех цивилизационных достижений человека (выступая, таким образом, как основной механизм социального бытия и развития) и представляет собой сферу целенаправленных усилий познания, деятельности, управления, потребления, ресурсного обеспечения, детерминированных определенными социально-культурными факторами [9]. К этому следует добавить и то обстоятельство, что технология сегодня понимается как некая «полиструктурная и синтагматическая система», заведомо включающая в себя не только «инженерное», но и «гуманитарное», в частности — социальные ценности, экологические императивы, образ желаемого цивилизационного будущего [10].

Если следовать обрисованной логике понимания сущности технологии (а в ее рамках смысловая доминанта технологии — это интеллектуальные усилия и деятельность, направленные на освоение, преобразование и «пере-конструирование» реальной действительности), то очевидно, что за технологией стоят не только знания, но и социальные институты, нормативы регулирования, включая мировоззренческие конструкты, а также неартикулируемые феномены сознания (неявные знания, интуиция, феномены бессознательного). В этом контексте вопросы «Что понимать под гуманитарной технологией?» и «Какая форма знания лежит в ее основании?» — явно не риторические. К тому же, судя по всему, реальность по имени «гуманитарная технология» функционирует не в общеизвестной и привычной логике знания, не в формах его массового построения (научный факт, закон, теория и т.д.), а в логике и структурах поведения и деятельности, т.е. в мотивационной, целевой и деятельностно-алгоритмических, поведенческих и коммуникативных формах активности человека. В этом контексте все технологии вполне можно делить на те, «что властвуют над нами» (это гуманитарные — они создают и поддерживают пространство интересубъективности и интересубъективных отношений); а также на те, «над которыми властвуем мы» (инженерные, материально-процессные), разрешая на их основе наши противоречия с природой и обществом, а также выстраивая артефактную среду собственного обитания.

Впрочем, обрисованное здесь широкое понимание гуманитарной технологии, разумеется, требует детализации, по меньшей мере, в планах ее структуры и назначения, принципов проектирования и механизмов регулирования (управления).

Вот здесь впору вновь обратиться к техническим наукам и инженерии, к сфере деятельности, где изначально формировалась идея «технологии», развивалась методология ее генерации (проектирования), принципы ее типологизации и классификации (тем более, что развитие наук происходит, в том числе, и за счет взаимного влияния, заимствования, переноса и использования идей, принципов и методов одной отрасли наук в другую) [11]. В инженерии, в частности, в качестве критериев для типологизации технологий используются:

- субстанциональная основа технологии (вещественные, энергетические, информационные);
- деятельностная сфера или область применения (промышленные, аграрные, транспортные, медицинские, технологии);
- целевое назначение (технологии добычи, извлечения, диспергирования, плавления, формообразования, сборки, покраски, упаковки);
- процессная сущность технологии (механическая, тепловая, химическая, электрическая, лазерная, биологическая).

Разумеется, перечень критериев типологизации инженерных технологий этим не ограничивается. В роли типизирующего критерия здесь могут выступать различные характеристики технологии: форма временной организации технологии (непрерывные или дискретные технологии), масштабность производства, обслуживаемого технологиями (технологии массового или единичного производства), способ управления технологиями, уровень их механизации и автоматизации и т.д.

Понятно также, что о прямом переносе логики инженерных технологий и критериев их типологизации в гуманитарную сферу не может быть и речи уже хотя бы потому, что инженерные технологии строятся и функционируют в мире объективных сущностей, детерминированных природными факторами и законами объектно-процессных отношений, в то время как гуманитарные технологии являют собой реальность интересубъективных, а значит — ментально-психологических отношений.

В то же время, очевидно, что такие критерии типологизации как сфера применения, целевое назначение технологии соотносимы и с ГТ. Однако принципиально открытым остается вопрос о субстанциональном основании и процессных механизмах гуманитарных технологий.

Уточним еще раз: в общем, в качестве основания гуманитарных технологий выступает гуманитарное знание. Но открытым остается вопрос о конкретной форме (формах) используемого в этих технологиях знания и способах его «технологизации» (т.е., о способах трансформации гуманитарного знания в гуманитарную технологию). Скажем, может ли социальный закон или социальная теория напрямую выступать как основа гуманитарных технологий (как это имеет место в отношении физических и химических законов, которые непосредственно выступают в качестве основы инженерных технологий)? Увы, не могут — уже в силу того, что социальные законы лишены той однозначности и детерминированности, что присуща физическим, химическим и прочим законам природы, обеспечивая таким образом инженерным технологиям, а точнее — их принципам и операциям, непосредственную связь с типом научного знания и его содержанием (физическим законом, например). Здесь все просто: химические технологии базируются на законах химии, а точнее на отраженных в них процессах и механизмах «химизма»; механические технологии (технологии механической обработки) — на строгих и однозначных законах механики. Это относится также к электрическим, термическим, магнитным, лазерным и прочим инженерным технологиям.

Иначе говоря, будучи основанием той или иной инженерной технологии, естественнонаучное знание продолжает выступать в имманентных для него формах существования (в форме научного закона, принципа, каузальных отношений). Именно это позволяет рассчитывать количественные и качественные параметры технологий, с высокой точностью прогнозировать ход технологических процессов, управлять ими.

Другое дело гуманитарные технологии, — в их рамках гуманитарное знание становится «технологией» (т.е. фактором воздействия на индивида, его сознание и поведенческую диспозицию) лишь опосредованно, через пространство и ткань intersубъективности и intersубъективных отношений. А значит, ровно в той

мере, в какой затрагиваемое и вовлекаемое в технологический процесс гуманитарное знание «начинено» мотивациями, подвигающими человека к мысли, активности: когнитивной, коммуникативной, интеракционной, деятельностной, а в итоге — к познанию, общению, действиям и к выбору.

В итоге получается так, что основания гуманитарных технологий носят сложный, неоднородный и опосредованный характер, а сами ГТ предстают не только как способ бытия конкретного знания (как это имеет место в инженерных технологиях), но и как опосредующая реальность, т.е. как пространство субъект-субъектных, субъект-объектных и ценностно-мотивационных отношений.

Однако этот, кратко обрисованный «предварительный портрет ГТ» (заметим — разительно отличающийся от инженерных технологий) вполне соответствует взглядам современной философии на сущность технологии, которая трактует технологию как некую специфическую и разнородную реальность и сферу целенаправленных усилий, детерминируемых и опосредуемых социально-культурными факторами. Но дело в том, что любая онтологическая реальность имеет некие основания (материальные или идеальные). Каково же основание ГТ, в чем его сущность?

При сопоставлении изложенных обстоятельств напрашивается вывод, что основания гуманитарных технологий, вероятно, состоят не только и не столько из знаний в обычных формах их бытия и функционирования (закон, теория, гипотеза, научный факт), сколько из специфических способов существования, обращения и трансформации знания, «подпитывающих» механизмы intersубъективности, прокладывая таким образом пути к психологии, когнитивистике и теории сознания. В этом смысле проблематика гуманитарных технологий вполне относима и к *парадигме междисциплинарного подхода*.

Однако здесь необходима и осмотрительность. Дело в том, что междисциплинарный подход, хотя и являет собой эффективную стратегию, призванную обеспечить максимальную полноту познания (конкретного объекта, формы реальности и сложных процессов) и знания, не решает проблем организации/построения знания, что принципиально важно в данном случае. Ведь знания, полученные методами междисциплинарного подхода, чаще всего сводятся к неким дискурсам (текстам), т.е. не имеют особой структур-

ной специфики. К тому же, способы получения знания не влияют на механизмы его функционирования. А в данном случае очевиден запрос именно на конкретно-специфическую форму знания (вроде моделей, теоретических схем объекта и др.), легко трансформируемую в технологии, т.е. в наборы типизированных ГТ, а также на особую форму трансформации знаний в многообразие ГТ. Как это возможно и возможно ли?

3. К ПРИНЦИПАМ ФОРМИРОВАНИЯ ГТ

Гуманитарному знанию, как известно, почти не присущи строгие законы. Наиболее распространенная форма их существования — это всевозможные типологии, которые могут применяться и в естественных науках. К тому же, в гуманитарных науках (в отличие от естественных) типологии активно выступают и как способ познания, т.е. как способ проникновения в сущность познаваемого объекта. В этом контексте резонно задаться вопросом о том, может ли типологизация знания пролить свет на сущность оснований ГТ, ее внутреннюю структуру, т.е. на феномены, лежащие в ее основании ГТ.

Вновь обратимся к параллелям между ГТ и инженерными технологиями.

Как уже отмечалось, подходы к построению типологии инженерных технологий весьма многообразны. В их числе: субстанциональное (сущностное, природное) основание технологии, сфера ее применения, конкретное целевое назначение и др. Однако, в отношении гуманитарных технологий некоторые из перечисленных критериев явно под вопросом. Например, далеко не очевидна приемлемость в отношении ГТ такого критерия типологизации, как «субстанциональная основа» технологии, поскольку основы ГТ — это знания и межсубъектные, интересубъективные, ментально-психологические отношения, являющиеся, по сути, виртуальными, т.е. лишенными субстанциональности.

В то же время, гуманитарные технологии типизируются, репрезентируются и активно рекламируются, по целевому назначению

(в частности: технологии формирования политической активности, этнической и религиозной толерантности, идеологической избирательности; технологии межэтнического и межкультурного диалога; технологии модерации в сфере научного взаимодействия и пр.), либо по сфере применения (политические технологии, театральные технологии, технологии PR — коммуникации).

Но дело в том, что такие критерии как «цель, целевое назначение» и «сфера применения» являются внешними по отношению к любой технологии, т.е. каузально и напрямую не связаны с ее природой и основаниями. А значит, приведенные критерии типологизации не выводят нас на механизмы проективного и управляющего воздействия на ГТ, а тем более — на сущность гуманитарных технологий.

В итоге получается так: типология и типологизация применяются как методы гуманитарного познания и способы (механизмы) функционирования знания, но они, увы, не проливают (не способны пролить) свет на механизмы гуманитарных технологий, которые, формально являют собой ничто иное, чем обычный, общеизвестный, распространенный способ и форму применения и функционирования гуманитарного знания.

Все это вновь и вновь свидетельствует о специфичности ГТ и явной неразработанности их научных оснований при том, что естественные языки (т.е. самая глобальная форма и сущностное основание гуманитарных технологий), изобретены человеком десятки тысяч лет назад (что переводит ГТ в разряд самых древних из всех технологий, которыми располагает и пользуется человек).

Здесь впору вновь вернуться к эвристическим параллелям между инженерными и гуманитарными технологиями.

Принципы проектирования инженерных технологий, как свидетельствуют факты, — универсальны и строятся, прежде всего, на «игре человека» с субстанциональной основой технологии (т.е. с веществом, энергией, информацией), а также с характерными для этой субстанции процессами, которые и определяют суть и потенции данной инженерной технологии. Так, все электрические технологии построены на «игре с электричеством» по правилам и законам физики (природы). Все химические технологии — на управлении (игре) химическими реакциями. В этом плане напрашивается вопрос о возможности выстроить и гуманитарные технологии как «игры

с некими сущностями». Оказывается, это возможно — ГТ тоже могут быть построены «на играх» с некими сущностями, с нюансами отношений этих сущностей. Речь идет о разыгрывании отношений между такими сущностями как «знание» и «информация».

В обыденном сознании их, увы, отождествляют: говорят «книга — кладезь знаний», хотя книга — это массив информации. В ходу и такой оборот — «я приму эту информацию к сведению», хотя человеку на самом деле передавали знание, с ним делились знанием. Это иллюстрации к тому, что массовое сознание ошибочно отождествляет знание и информацию.

На самом же деле знание и информация — это принципиально разные сущности. Знание являет собой субъективную, ментальную форму бытия реальности в голове (сознании) человека, в то время как информация существует объективно, как неотъемлемая часть природы (как и вещество или энергия). Однако существует и такая форма информации, которая изобретена человеком и широко используется в социальной практике — знаково-символическая информация. Именно эта форма информации на каждом шагу и отождествляется со знанием, к чему мы еще вернемся.

А пока сосредоточимся на особенностях знания. Оно (знание) в современной эпистемологии определяется как сложный ментальный феномен, т.е. как нечто такое, что присуще лишь только сознанию [12]. Но самая главная особенность знания в контексте его отношения к ГТ — это многообразие знания. Наряду с научным, широко распространены также мифологические, эзотерические, квазинаучные и обыденные знания, которые способны в определенных обстоятельствах также стать основой ГТ.

Теперь, что касается информации. Информация — одно из важнейших онтологических оснований бытия, которое стоит в ряду фундаментальных категорий: материя, пространство, время, система, процесс, выражая такие особенности реальной действительности, как структурность, изменчивость, разнообразие, порядок. Таким образом, информация, с одной стороны, существует в природе объективно. Она неразрывно связана со всеми формами бытия, прежде всего — с веществом отражая его состояние, свойства и способность к взаимодействиям. Иначе говоря, информация существует независимо от нас в любом ма-

териальном объекте в виде многообразия его состояний. С другой стороны, информация характерна еще и тем, что передается от объекта к объекту (равно как и субъекту) в процессах их взаимодействия — как некие сигналы и указания об объектах и явлениях, их параметрах, свойствах и состоянии, которые уменьшают неопределенность их состояния/поведения, а также неопределенность нашего знания об этом состоянии. Наука об информации относительно молодая и пока допускает широкий круг определений ее сущности:

- Информация — это мера порядка (Бриллюэн);
- Информация — это мера сложности структур (Моль);
- Информация — это мера потенциального разнообразия состояния (Урсул);
- Информация — это вероятность выбора системой некоего определенного состояния (Яглом).

Итак, информация представляет собой объективное свойство реальности, которое проявляется в структурности, однородности или неоднородности (асимметрии) распределения материи и энергии в пространстве и времени; в неравномерности протекания всех процессов, происходящих в мире живой и неживой природы, в обществе и сознании человека.

В современной науке установилось представление, согласно которому все многообразие реальной действительности (неживой и живой природы, социума, культуры, мышления) является результатом взаимодействия, связей и отношений трех базовых сущностей — материи (вещества), энергии и информации.

Итак, информация является одним из трех сущностных (базовых) оснований бытия. Она вездесуща в природе, — уже по этой причине, она вездесуща также в обществе, культуре, процессах управления, в формах жизнедеятельности человека. В то же время, человек и сам производит информацию в непрерывно возрастающих количествах и оперирует ею, решая самые различные задачи своего существования. Речь идет, напомним, о знаково-символической информации, которая существует в виде речи, кинестетических знаков, письма и письменных текстов, музыки, хореографии, изобразительных средств, аудио и видеоматериалов. В итоге получается так, что информация является частью и аспектом всех социальных

и культурных процессов, с которыми имеет дело человек. При этом можно выделить следующий спектр типов информации.

По форме восприятия:

- визуальная;
- аудиальная;
- тактильная;
- обонятельная;
- вкусовая.

По форме представления:

- текстовая;
- числовая (цифровая);
- графическая (в виде изображений предметов, графиков);
- звуковая;
- видеоинформация.

По целевому назначению:

- массовая;
- специальная;
- личная.

При этом любая информация существует только на основе определенных носителей (знаково-символических, цифровых, акустических, оптических, электрических, лазерных и др.).

Спектр современных типологий информации этим не исчерпывается — он весьма обширен, но для наших целей приведенных сведений достаточно.

Здесь впору вернуться к главной идее наших размышлений — к возможности строить ГТ как «игры по правилам» с некими сущностями, как это происходит с инженерными технологиями. Тем более, что мы уже представили, обрисовали эти сущности, — речь идет о знании и информации.

Дело в том, что любое знание трансформируется в различные формы знаково-символической информации (в тексты, формулы, символы, графики, видео и аудио-ряды) и наоборот — знание и смыслы возникают, идентифицируются, а затем люди ими обмениваются (легитимируя их таким образом) в процессах декодирования, расшифровки, «прочтения» информации. Так мы подошли к главному — именно процессы приема и декодирования адресных (целевым образом сформированных) пакетов информации состав-

ляют основу гуманитарных технологий. Более того, некоторые типы ГТ сводятся к декодированию, а значит — к превращению в знание, некоторой целевой информации, непосредственно адресованной объекту гуманитарной технологии. В частности, большая часть педагогических технологий призвана именно декодировать специальную информацию, извлекая, таким образом, из нее знания и смыслы и формируя на их основе некие компетенции. Соответственно, успешность обучения определяется успешностью обрисованной гуманитарной технологии, а именно — успешностью декодирования специальной информации во имя извлечения знания и смыслов, а также их передачи субъектам образовательного процесса. Остается лишь заметить, что в плане формирования и оперирования ГТ особая роль принадлежит именно специальной информации — ее селекции, структурированию, организации. Дело в том, что специальная информация содержит специфический набор понятий, терминов, категорий при использовании которых происходит передача сведений, смыслов, ценностных ориентиров, побудительных мотивов, адресованных целевой группе или конкретному индивиду. Так строится образовательный процесс на основе гуманитарных, педагогических технологий.

Если учитывать изложенные обстоятельства, очевидно, что за гуманитарной технологией стоят не только знания, но также и способы его бытия в информационных формах, а также социальные институты и нормативы социального регулирования, включая мировоззренческие конструкты, без чего трудно себе представить педагогический процесс.

Однако самое главное заключается в том, основа ГТ, как выясняется, может быть результатом «игры» с такими сущностями как знание и информация. При этом игра в данном случае носит «реверсивный» характер, т.е. ГТ может строиться: и как процесс трансформации знаково-символической информации в знание и смыслы (так строится большинство педагогических технологий); и как процесс перевода знаний и смыслов в особым образом организованные формы информации: текстовые, визуальные, аудиальные, компьютерные, комбинированные. Подобный «технологический процесс» также широко используется в обучении. Но, пожалуй, самой яркой иллюстрацией к рассматриваемому процессу являются рекламные

ролики, которые адресуют нашему сознанию знание производителя или продавца о товаре в притягательных, приковывающих внимание человека информационных формах — на основе сочетания текстов, музыки, цвета, динамики видеоряда. К тому же, в это сочетание, как правило, вносится нечто парадоксальное, что часто не имеет практически никакого отношения к рекламируемому товару, услуге. Так, в последнее время в широком ходу такой прием, когда реклама предваряется неким философским мини-текстом (размышлением едва ли не о мироздании в целом), который по смыслу не имеет отношения к рекламируемому товару или имеет весьма отдаленное и косвенное отношение. Есть и другие, не менее эффективные приемы. Например, видео-реклама часто включает в себя перформансы, не связанные с рекламируемым товаром или услугой.

Но самое главное в данном случае заключается в том, что «игра» с информацией и знанием, в результате которой эти сущности взаимно-превращаются (знание обретает форму информации или из информации в процессе ее декодирования извлекается, реконструируется знание) порождает не гуманитарную технологию как таковую, а ее ключевую основу, а точнее сказать — широко распространенный когнитивный процесс, который совершает каждый из нас, читая книгу или сочиняя некий текст.

Подчеркнем еще раз: данный когнитивный процесс (перевод знания в форму информации или же, напротив, — извлечение знания из информации) является важной составной частью гуманитарной технологии, но требующей некоего дополнения для того, чтобы она обрела сущность и функции ГТ. Дело в том, что суть гуманитарной технологии — это целенаправленное воздействие кого-то (назовем его «субъект ГТ») на сознание некоего индивида (играющего в данном случае роль «объекта ГТ»), чтобы сориентировать сознание этого индивида определенным, заранее спланированным образом «как надо». Именно «разворот сознания» объекта в заранее спланированном направлении составляет цель, сущность и предназначение ГТ.

А что касается трансформации знания в информацию или извлечения знания из информации, то они представляют собой массовую форму когнитивного процесса (когнитивной технологии), без которой гуманитарная технология невозможна, но которая

не способна выступить в роли ГТ без дополнения неким «третьим» элементом, к чему мы еще вернемся.

Так мы в очередной раз убеждаемся в том, что в отношении гуманитарных технологий и процессов их создания (формирования, проектирования) не срабатывают некие общие принципы игры по формальным правилам (как в инженерных технологиях). В этом смысле каждая гуманитарная технология по-своему оригинальна, требует изобретения, а также поиска и выявления того самого «третьего элемента», который и создает «прицельность» ГТ. Этот элемент, природу и сущность которого еще предстоит прояснить, может быть назван «оператором», «навигатором» и даже «прицелом» гуманитарной технологии. Насколько удалась гуманитарная технология зависит от того, в какой мере удачно подобраны для нее оператор, «прицел».

А пока подведем некоторые предварительные обобщения. Все, что касается гуманитарной технологии, может составить ее основание, стать ключом к ее проектированию лежит в сфере сознания, т.е. в пространстве субъект-субъектных и смысловых отношений, превращая в субстанциональное основание гуманитарных технологий зыбкий, спонтанно изменчивый виртуальный мир этих отношений. В этом смысле гуманитарные технологии по существу являются собой технологии коммуникации, интеракции, познания, а если образно — игры в неких формах их сочетания и синтеза. При подходе с таких позиций, очевидно, что ГТ принципиально ориентированы на выход за пределы «привычного порядка вещей» (обычной, повседневной социальной и культурной практики), т.е. на создание и раскрытие новых субъектно-объектных и субъектно-субъектных связей/отношений, на придание существующим отношениям новых интенций, новых векторных ориентиров, новых смыслов и новой динамики. Только такая методологическая позиция способна открыть реальные подходы к пониманию сущности ГТ, к их эффективной систематизации и типизации, а в конечном итоге — к успешному формированию методов их проектирования и регулирования.

Гуманитарные технологии, как уже не раз подчеркивалось, имеют лишь одну «субстанциональную основу», а именно — мир субъектно-субъектных, субъектно-мотивационных, субъектно-ценностных отношений. Но эта основа характерна тем, что включают в себя такие процессы-операции, которые и порождают ГТ,

в которых и проявляется сущность и потенции гуманитарных технологий. Это — такие процессы/операции как: мотивационные, ориентационные, эмотивные, когнитивные, рефлексивные, интеракционные, нормативно-регулятивные, дискурсивные и др.

Однако эти процессы (операции) являются «простейшими элементами» ГТ в том смысле, что реально практикуемые гуманитарные технологии представляют собой их (элементов) сложные комбинации и синтез. Например, педагогические технологии непременно должны включать когнитивные и коммуникативные элементы (процессы, операции). Очевидно также, что педагогические технологии будут куда эффективнее, если включают в себя, наряду с рационалистическими (когнитивными) аспектами, также мотивационный и эмотивный элементы. А что касается политических технологий, для них, вероятно, эмотивный аспект куда важнее когнитивно-рационалистического (типичный пример — известный слоган из политических технологий эпохи Президента Ельцина «Выбирай сердцем!»).

Приведенный (разумеется, не исчерпывающий) спектр элементарных форм, а точнее — составных элементов гуманитарных технологий, будучи дополнен набором принципов их структурирования (линейные, полифакторные, циклические, симультанные) и проектирования способны создать предпосылки, как к содержательному анализу, так и к управлению ГТ.

Если придерживаться означенных подходов в методологии ГТ, то любые тематические (проблемно-тематические) дискурсы по таким наукам (дисциплинам) как философия, этика, эстетика могут числиться в ряду гуманитарных технологий. В то же время, весьма ценным физико-математическим дискурсам (и образовательным технологиям), рассчитанным на логические операции и рациональные калькуляции, скорее всего, потребуются дополнительные «гуманитарные оснащения», мотивирующие обучаемого (скажем, по принципу «обучая, развлекай, развлекая — обучай»), без чего трудно рассчитывать на эффективность. Впрочем, в реальной образовательной действительности так и происходит.

В этом смысле в отношении ГТ напрашивается широкое обобщение, смысл которого заключается в следующем: наряду с предметным знанием и в дополнение к нему, сложную и противоречивую

основу-среду («субстанцию») гуманитарных технологий составляет мир культурных смыслов и субъектно-ценностных отношений.

Гуманитарные технологии, таким образом, предстают не только как способ бытия знания, но и как форма отношения знания к конкретным условиям его бытия, включающим социально-культурный контекст и широкий спектр психологических факторов, включая уровень активности и мотивированности объекта ГТ. Эти обстоятельства диктуют, с одной стороны, требования к той форме знания, которая выступает как основание ГТ, с другой — определяют неоднозначный, рискованный и трудно управляемый характер гуманитарных технологий. Следует добавить и «двойственный» характер гуманитарных технологий — они, с одной стороны, соотносятся с гуманитарными науками (и формально должны бы обходиться знаниями в их рамках), а с другой — сфокусированы на человеке (и не могут не учитывать естественнонаучных знаний о нем, как уже подчеркивалось). Но двойственность ГТ этим не исчерпывается.

Дело в том, что идея и феномен «гуманитарная технология» глубоко противоречивы во всех измерениях, поскольку «технологическое» утилитарно и «насиловственно», а «гуманитарное», напротив — делает упор на бескорыстный интерес к человеку, к его уникальной индивидуальности, к свободному раскрытию его духовного мира, реализации его выбора. В этом контексте функциональность ГТ возможна лишь в такой мере, в какой удалось сбалансировать эти противоречивые аспекты в процессах ее формирования.

Понятно, что любое нарушение баланса этих сторон в гуманитарной технологии чревато, либо антигуманной технократизацией бытия человека, либо псевдогуманной профанацией тех сфер бытия и деятельности человека, где ГТ находят применение (образование, культура, массмедиа). Так что гуманитарный технолог всегда стоит перед дилеммой «насколько гуманно то, что возможно технологически», поскольку гуманитарная технология «уходит» своими целями и основаниями одновременно в «социально-вещное» и «духовное», требуя учета этого обстоятельства и в теории и в практике, а точнее сказать — актуализируя философско-методологические контуры осмысления проблем гуманитарных технологий.

В дальнейшем, после прояснения вопроса о «третьем элементе» ГТ, а точнее — вопроса о потенциальных «операторах»

и «навигаторах» гуманитарных технологий, обеспечивающих их прицельно-адресное воздействие на сознание объекта, мы еще вернемся к вопросам типологизации гуманитарных технологий. Ведь «операторы и навигаторы» также определяют особенности гуманитарных технологий, в том числе и критерии их типологизации (наряду с такими критериями, как объект технологии, ее целевое назначение и сфера применения).

Остается лишь заметить, что гуманитарные технологии специфичны не только своей противоречивостью и сложной структурой, но и тем, что невозможно гарантировать достижение поставленной цели, т.е. выход на запланированный (ожидаемый, предполагаемый) результат применения ГТ. А значит — ГТ всегда чреваты рисками.

4. РИСК КАК АСПЕКТ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Дело в том, что в отличие от инженерных технологий (являющих собой замкнутую и управляемую систему с гарантированным выходом на запланированный результат), технологии, соотнесенные с гуманитарными знаниями, являются принципиально открытыми «системами-процессами», в которых происходит не только трансформация знания в мотивационные установки, поведенческие диспозиции и в стратегии действия человека, но и в сложные, противоречивые, спонтанные и эмотивные интерессубъективные процессы. Соответственно здесь возможны не только планируемые (желательные) поведенческие реакции на воздействие ГТ, но и нечто такое, что не ожидалось — как в негативном, так и в позитивном смысле. Например, вполне возможно появление у человека новых смыслов, нового знания и новой стратегии поведения, которые не предусматривались данной ГТ.

Иначе говоря, гуманитарная технология (в отличие от инженерных — точно калькулируемых, логизированных и детерминированных на базе «точных наук» — физики, химии, биологии) может:

- не достигать изначально поставленных целей (желаемого результата);

- превзойти запланированный результат в том смысле, что выводит сознание на новый уровень восприятия реальности, подводя к принципиально новому видению изначальной проблемы, что вновь и вновь указывает на необходимость основательного и системного исследования всех аспектов гуманитарных технологий.

Более того, отдельные исследователи настаивают на том, что любая ГТ изначально ориентирована на вторжение в сознание конкретного человека с целью сориентировать его «как надо», что по существу аморально и посягает на свободу воли и свободу выбора человека. В этом контексте гуманитарные технологии трактуются как угроза психическому здоровью человека и один из источников социальных рисков [13; 14].

Ситуация осложняется тем, что на «рискованность» ГТ оказывает влияние среда (внешние условия) ее протекания. В этом плане, когда речь идет о гуманитарных технологиях, исследовательского внимания требует не только структура гуманитарных технологий и их специфические особенности, о чем до сих пор шла речь, но и социально-культурные условия функционирования ГТ. Речь, иначе говоря, идет о контекстной зависимости гуманитарных технологий (скажем, от этнического или конфессионального объектов ГТ или их культурно-идеологической приверженности).

Известно, что контекстная детерминация реальности (а любая технология, как уже подчеркивалось, являет собой форму реальности) — явление универсальное, «вездесущее» и в этом смысле «неустранимое». Однако контекстная зависимость гуманитарных технологий явление особое — здесь в качестве определяющих (детерминирующих) факторов выступают не объективные, каузально-онтологические сущности (как это имеет место в случае инженерных технологий), а тренды, мода, мейнстрим социальной жизни, т.е. вызовы времени и места «здесь и сейчас» в их субъективной интерпретации, а также привходящие, случайные, разовые ситуации (исторические, политические, культурные, экономические, технологические). Это особенно ярко прослеживается на примерах функционирования гуманитарных технологий в сфере образования. В частности, современная тотальная установка (мода) на технологии в качестве приоритетной цели цивилизационного развития, в переносе на сферу образования озна-

чает переход в этой сфере от знаниевой (академической) парадигмы к деятельностной, компетентностной. А это, в свою очередь, меняет запрос на типаж ГТ — ведь педагогические технологии вполне успешные в знаниевой парадигме образования, оказываются не пригодными в условиях компетентностного образования. Дальше — больше.

Деятельность, будучи условием и способом бытия человека (культуры, общества) универсальна, что с неизбежностью предполагает ее постоянное обновление во всех своих формах и видах. А значит — проблематика ГТ связана с тенденциями развития самой деятельности на данном этапе истории, поскольку именно в формах и видах деятельности сокрыты вызовы человеку, мотивирующие его активность, интересы и выбор стратегии действия и поведения, а значит — детерминанты гуманитарных технологий.

Анализ данных соответствующих предметных наук — социологии труда, экономики, культурологии и др. дает основание говорить о следующих принципиально значимых тенденциях развития деятельности в наше время, в эпоху информационного общества:

- резкое, «взрывное» расширение спектра видов и форм деятельности (о чем свидетельствуют такие примеры как возрастание числа рабочих профессий с 50–60 наименований в начале 20 века до 4–5 тысяч к концу века);
- дифференциация науки, что уже привело к появлению порядка тысячи предметно-специализированных наук, ориентированных на конкретные формы и виды практической деятельности;
- усложнение структурных схем, средств и процессов деятельности, что сопровождается технологизацией всех аспектов и форм бытия человека и общества;
- непрерывное возрастание роли культурно-символических (виртуальных) ресурсов, в социальном бытии и деятельности человека, что настоятельно вызывает к жизни феномен гуманитарных технологий.

Понятно, что учет каждой из этих тенденций принципиально важен для социальной практики, для всех без исключения сфер социально-культурного бытия — политики, экономики, культуры, науки, морали, права. Но самое главное в данном случае, заключается в том, что указанные тенденции развития деятельности, — будучи

взяты вместе, — выступают как вызов не только образованию и его парадигмальному укладу, но и как вызов спектру и типологии ГТ, явно неся риск «хронического отставания» гуманитарных технологий от запросов времени и требований контекстных обстоятельств. Однако возможна и такая ситуация, когда неэффективность и даже обреченность ГТ, обусловлена не дефектами самой технологии, а отставанием от хода времени той области или формы деятельности, которая обслуживается данной конкретной гуманитарной технологией. Порой складывается такая ситуация, когда неэффективность ГТ связана с тем, что формы деятельности, обслуживаемые этой технологией, в силу каких-то причин дискредитировали себя в общественном восприятии. Это особенно характерно для рекламных технологий (в самом широком смысле) — в политике, культуре, образовании, экономике. В частности, самые масштабные и тотальные ГТ используется в интересах распространения и закрепления в сознании человека той или иной идеологии. Эта технология, как известно, именуется пропагандой. Но пропаганда, как показывает практика, успешна ровно в такой мере, в какой соответствующая политическая идеология пользуется благосклонным вниманием человека. Как только идеология утрачивает влияние на человека и интерес к себе, обслуживающие ее ГТ (т.е. ее пропаганда) сталкивается с критикой и неприятием, а чаще всего — отвергается как некий анахронизм. Это зримо проявилась в истории советской системы, ее идеологии и пропаганды; нечто подобное в современном мире происходит в отношении либеральной идеологии — ее пропаганда все чаще сталкивается со скептицизмом.

Здесь, вероятно, уместно обратиться к известной идее Маркса о «превращенных формах» бытия, получившей новые интерпретации в работах М.К. Мамардашвили [15]. В них (интерпретациях) «превращенная форма» понимается в предельно широком смысле — как способ бытия сложных систем и функционирования единства их содержаний и форм. «Превращенная форма» в этом контексте понимается как продукт преобразований, искажений, повреждений и инверсий внутренних связей и отношений некоего сущностного аспекта, элемента, феномена бытия, который продолжает «оставаться» за формой, будучи уже чем-то иным. Так что, в «превращенной форме» имманентное (органичное, изначальное)

содержание формы подменяется этими «иными», которые становятся на место имманентного. А дальше, больше — превращенная форма начинает играть самостоятельную роль в бытии (политике, экономике, культуре, образовании) и его процессах, выступая как их явленные, «реальные» модусы. Самая известная иллюстрация к феномену «превращенная форма» — это отношения стоимости и цены товара, когда на место объективной (исчисляемой, верифицируемой) сущности «стоимость», становится ее превращенная, субъективная, принципиально открытая в своих границах и по сути произвольная «цена», которая и выдает себя на публичной арене (на рынке) за стоимость — со всеми вытекающими последствиями.

В социальном бытии (особенно в политике) превращенные формы, как показывает анализ, довольно распространены и их возникновение, связано с подменой смыслов политического бытия и политических действий символами и знаками: политическими догмами, утопическими лозунгами, ритуально-риторическими мероприятиями, «иконизацией лидера» и поклонением ему [16]. В этих ситуациях гуманитарные технологии, обслуживающие политическую пропаганду также утрачивают эффективность, деградируют.

Что касается управления, превращенные формы в этой сфере всегда подстерегают там, где цели и методы управления не соразмерны и не соответствуют друг другу или же сложность объекта управления не учтена в должной мере. Так что, любая несогласованность, диспропорция, просчет в управленческой деятельности чревата появлением ущербного результата, т.е. «превращенной» формы, которой трудно (или вовсе невозможно) обеспечить рекламную и пропагандистскую поддержку на основе тех или иных гуманитарных технологий.

В этом плане характерна «история ЕГЭ». ЕГЭ в качестве механизма равного доступа всех юных россиян к высшему образованию бесспорно важен и ценен уже потому, что являет собой форму социальной справедливости и значимый аспект социальной политики. Можно понять и желание управленцев стратегического уровня в системе образования России поставить такое «большое дело» на рельсы современных информационных технологий. Но, как выяснилось, самое главное в школьном образовании, а именно — его направленность на максимальное развитие мышления, культуры ус-

тной и письменной речи невозможно адекватно выразить в эффективных внешне технологиях компьютерного тестирования, что обрекло ЕГЭ на несоответствие целей и средств и, таким образом, — на судьбу «превращенной формы». Очевидность «неадекватности» этой ситуации привела к тому, что рекламировать и пропагандировать ЕГЭ стало «немодно».

Феномен превращенной формы в социально-политическом бытии так значим, что его частные (отраслевые) типы проявления квалифицируется как некий закон или принцип. Пример — так называемый закон Гудхарта, суть и смысл которого заключается в следующем: если какой-то экономический или социально-культурный показатель (развития, роста) становится объектом и целью политики, то этот критерий перестает быть объективным и заслуживающим доверия, а точнее сказать — деградирует, обретает выхолощенный и даже фальсифицированный характер [17].

Это можно увидеть на примерах в отечественной наукометрии. Современная наука столь затратна, что очевидна необходимость объективной оценки ее эффективности, как и результативности ученого. На это и претендуют существующие наукометрические показатели — индексы цитирования и Хирша, импакт-факторы и др. Но проблема в том, что эти показатели, став объектом и инструментом политики и управления, стали утрачивать объективность, обретая превращенные, искаженные, выхолощенные формы в духе «закона Гудхарта». Как следствие, мы видим вокруг неизвестные в научном сообществе журналы с «запредельными» импакт-факторами; научных работников, якобы «лидеров научного цитирования», у которых уровень само-цитирования близок к 100%. Более того, ныне здравствующие российские доктора и кандидаты наук без особого труда предстают в базах РИНЦ в роли соавторов классиков научной и философской мысли — Канта, Пригожина, Тоффлера, Гидденса и других великих, обретая, таким образом, индекс цитирования выше, чем у любого классика [18]. В такой ситуации трудно или практически невозможно обеспечить рекламно-пропагандистскую поддержку отечественной наукометрии.

Впрочем, закон Гудхарта характерен тем, что подвластные ему феномены проходят три стадии в своем генезисе:

1. Появление социальной инновации;

2. Признание значимости ее конструктивного потенциала (коммуникативного, мобилизационного, креативного), а в связи с этим и постановка этой инновации на контроль властных структур;
3. Постепенная деградация и инверсия былой инновации в фетиш, «в превращенную форму».

Уже эти обстоятельства, т.е. существование превращенных форм социального и культурного бытия, а также действие закона Гудхарта обрекают ГТ на риски, на сбой и неэффективность.

К тому же — риски и неэффективность ГТ могут быть обусловлены и тем широко известным обстоятельством, что различные жанры искусства — опера, драма, роман, поэзия; как и различные формы и цвета костюма — крой и фасон платья; различные привычки и увлечения — курение, туризм, кинология и т.п. периодически «входят в моду» и «выходят» из нее, обрекая целые направления рекламной деятельности и стоящие за ней ГТ на провал.

Итак: в отличие от инженерных технологий ГТ не обладают автономностью, поскольку, как правило, они взаимосвязаны с другими ГТ (политическими, экономическими, образовательными и т.д.), а также зависят от контекстных условий реализации (трендов и мейнстримов социально-культурного бытия, течений моды) и степени превращенности тех культурных смыслов и феноменов, к распространению и внушению которых призваны ГТ. А это, в свою очередь, обрекает ГТ на риски и ненадежность.

5. ОБРАЗОВАНИЕ КАК СФЕРА ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Известно, что педагогические технологии являют собой один из важнейших и наиболее распространенных типов ГТ. А ныне ситуация в сфере образования, как известно, складывается в направлении формирования компетентностной, а по существу — деятельностной парадигмы образования. Это принципиально важно, поскольку перенос (проецирование) структуры и логики деятельности на обра-

зование открывает широкий методологический простор для переосмысления всех аспектов образования и его технологий:

- форм и типов субъектности в сфере образования, которые должны учитываться и в рамках гуманитарных технологий;
- объектного мира образования — структуры и закономерностей мира знаний, социальных ценностей, культурных смыслов и форм, видов и типов технологий;
- типологии и закономерностей функционирования субъектно-субъектных и субъектно-объектных отношений в сфере образования в различных социальных, региональных и культурных контекстах;
- спектра целеполаганий в сфере образования, а также их истоков и мотивирующих механизмов (в различных социально-культурных контекстах);
- структур и закономерностей развития неспецифических и специфических средств образования (в том числе и гуманитарно-технологических);
- закономерностей развития процессов образования (дидактических, информационно-технологических, психологических, организационных, управленческих);
- критериев оценки результатов образовательного процесса и их качества (в частности, компетентностных).

Иначе говоря, компетентностный ракурс образования позволяет ставить на системную методологическую основу весь комплекс базовых проблем образования, без учета которых гуманитарные технологии, встраиваемые в процессы образования, не могут быть эффективны.

И еще — деятельностная (компетентностная) концепция образования создает теоретическую базу для обоснования компетентности как критерия оценки качества и эффективности образования. Дело в том, что компетентность не сводится и не сводима к сумме знаний, поскольку имеет именно деятельностную, а значит — технологическую природу, являет собой способность к действиям по созданию, развертыванию и реализации неких процессов и технологий (в целях выхода за пределы привычного порядка вещей, наличной структуры и динамики связей-отношений между людьми, людьми и вещами). Но компетентность как аспект

деятельности специфична тем, что она — принципиально ситуативна, проявляется как действие (как технология действий) «здесь и сейчас», в конкретных ситуациях. Более того — компетентность не может проявиться и существовать вне этих ситуаций, которые, заметим, могут быть штатными и нештатными, форс-мажорными и критическими. Таким образом, умение действовать эффективно в условиях, прежде всего, нештатной ситуации и является высшим мерилком компетентности и качества образования. Соответственно, одним из отправных моментов синтеза и проектирования гуманитарных технологий для сферы образования, т.е. педагогических технологий является выявление и учет возможного спектра штатных и нештатных ситуаций в рамках той профессиональной деятельности, с которой соотносится та или иная компетенция будущего специалиста, его компетентность в целом. А это значит: проектирование образовательных технологий изначально предполагает выявление и учет не только требований к компетенциям и к их знаниевым аспектам (на чем пока сосредоточено основное внимание стратегов образования), оно также предполагает выявление и учет спектра возможных ситуаций (штатных и нештатных) действия, связанных с осуществлением профессиональной деятельности в рамках той или иной профессии (профиля подготовки, специальности).

При этом следует учитывать, что нештатные ситуации в профессиональной деятельности, как правило, являются предметом сценарных оценок, а главное — их типология в последнее время становится предметом внимания науки. Так, авторы работ [19; 20] выделяют в качестве универсальных или характерных для большинства сфер деятельности следующие типы ситуаций: «инструментальные», «рецептивные», «эвалютивные» (оценочные), «презентационные», «креативные», «принятие решения», к которым, как нам представляется, можно было бы добавить «коммуникативные», «интеракционные», «апеллятивные» и др.

Понятно, что образовательные (гуманитарные) технологии призваны «работать» на формирование базовых элементов и аспектов компетентности — готовить обучаемого к эффективным действиям, что называется, «в любых ситуациях». В этом смысле стратегии гуманитарных технологий обретают шансы стать более эффектив-

ными и успешными в контексте процессов перехода от знаниевой парадигмы образования к компетентностной (деятельностной). Однако здесь многое (или почти все) зависит от качества, скрупулезности и системности конкретизации и типизации ситуационной структуры компетенций и компетентностей будущих специалистов, что пока еще, увы, не стало предметом должного внимания и непременным элементом ФГОС.

6. ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ВЫЗОВОВ И СТРАТЕГИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Подобная постановка, так или иначе, вновь приводит к уже затрагивавшемуся вопросу «что будем понимать под гуманитарной технологией». А точнее — к вопросу о том, обладает ли статусом гуманитарной технологии оперирование любой формой знания (его трансформация) в целях воздействия на сознание индивида и его поведенческую стратегию (скажем, по ходу лекции). Ведь, как следует из всего изложенного до сих пор, гуманитарные технологии — это не только способ бытия знания, его «утилизации», но и форма отношения знания к конкретным условиям реальной действительности (к политическим, социально-культурным, субъектно-субъектным, психологическим). В этом смысле, казалось бы, социально-гуманитарное знание, которое по сути своей является ценностно-нагруженным (выражением различных отношений в обществе и культуре), долженствует быть «технологическим» и «технологичным», т.е. несущим и «навязывающим» ориентационные и оценочные интенции, поведенческие диспозиции и алгоритмы действий человеку.

К этому следует добавить, что запрос на эффективные гуманитарные технологии (начиная с технологий и стратегий рациональной коммуникации — политической, культурной) весьма актуален. Ведь страна вот уже четверть века проходит один из сложнейших этапов своей истории — этап преодоления советского уклада жизни и далеко не во всем удачных реформ политического, экономи-

ческого и культурного бытия, разворачивающихся в условиях глобализации мира и резкого обострения глобальной конкуренции за технологическое, экономическое, культурное и политическое влияние и доминирование на мировой арене, что на публичной «сцене» часто квалифицируется как информационная, т.е. «гуманитарно-технологическая война», как бы парадоксально это не звучало.

К тому же преодоление советского уклада происходит через появление и расширение опасных разломов в обществе на: «бедных и богатых», «центр и провинцию», «мегаполисы и моногорода», «русских и нерусских», «наших и не наших», что порождает самые различные формы отчуждения — а в итоге коммуникативную и интеракционную дисфункцию в обществе, актуализируя формирование, проектирование и активное применение гуманитарных технологий, способных хотя бы смягчить эту ситуацию. Ведь указанные вызовы ставят нашу страну, прежде всего, перед проблемой общенациональной консолидации. Однако, ГТ, как уже подчеркивалось, специфичны тем, что их эффективность (например, эффективность политической пропаганды) зависит от контекстных обстоятельств в момент их применения, что порой приводит к «технологическим парадоксам» и неожиданным результатам.

Заметим, что реальный путь к формированию прочной и долговременной консолидации российского общества пролегает через снижение уровня неравенства и социальной несправедливости в стране (здесь ГТ помочь не в состоянии), а также на основе формирования российской национальной (гражданско-политической и социально-культурной) идентичности, в котором хорошо продуманные и системно выстроенные ГТ могут стать одним из ключевых факторов.

Понятно, что в многоэтничной и поликультурной России становление единой нации — это сложный, болезненный и противоречивый процесс уже хотя бы потому, что предполагает (требует) сближения и трансформации множества этносов и культур. неизбежно встают вопросы: «Какие препятствия стоят на этом пути? Каковы возможные механизмы их преодоления и какова роль гуманитарных технологий в этом?».

Эти вопросы адресуются не только политической элите и политической практике современной России, но и к социально-гуманитарной науке и сфере образования. Речь идет о том, станут

ли наука и социально-гуманитарное образование пространством и механизмом решения ключевых проблем консолидации и развития современной России: развития демократии, формирования российского гражданско-политического сообщества, а значит — реальным механизмом модернизации страны.

В частности, станет ли социально-гуманитарная наука интеллектуальной основой и моральным лидером рационально-критической коммуникации в российском обществе в самом широком смысле (политическом, социальном, культурном), оказывая, таким образом, влияние на выработку и принятие соответствующих стратегических решений в государстве. А значит — сосредоточатся ли социальная наука и социально-гуманитарное образование на дискуссиях, полемике, на активном реагировании на все происходящее в обществе. Иначе говоря, речь идет о том, станут ли социально-гуманитарная наука и образование интеллектуально-моральным камертоном российского общества, пространством генерации эффективных моделей гражданского общества, образцов демократии и технологической культуры.

Как нетрудно понять, если в обществе не сформулированы и не стали «императивами» подобные «ценностные ориентиры» науки и образования, если культура образования не сопряжена с проективно-технологическими стратегиями и демократическими формами бытия власти и государства, то гуманитарные технологии (и гуманитарное образование как таковое), в лучшем случае, имеют шансы стать продуктом «локального» или «внутреннего» потребления (в рамках самой сферы образования или в рамках неких отраслевых или региональных проектов и задач), так и не выходя на арену реальной социальной практики, а значит — не имея шансов стать основой стратегий развития страны, а в связи с этим — и массовой основой компетенций будущих специалистов.

Увы, в стране пока все так и обстоит — роль гуманитарной науки в политической и управленческой практике страны невелика. А такие масштабные формы ГТ, как культурологическая и социальная экспертиза решений властей, включая законотворчество, практически не используются.

В то же время в СМИ, рекламной деятельности, шоу-бизнесе и в некоторых сферах политики (а точнее — политических техноло-

гий) безраздельно доминирует парадигма гуманитарных технологий «гламурного бытия». Она, как известно, не обременена гуманистическими ценностями и щепетильными моральными мерами, заполняя в итоге массовое сознание эгоцентризмом и консьюмеризмом, ведя к атомизации социума и, что самое грустное — утверждая в сознании человека неверие во все глубинное и системное в социальном бытии — в мораль, культуру, традиции, социальные устои, личную ответственность за судьбы культуры и цивилизации. В этом плане встает вопрос об истоках действенности «гуманитарных технологий». И этот вопрос адресован, прежде всего, гуманитарной науке и образованию. Расхожие объяснения, что действенность «гуманитарных технологий гламура» кроется в ее обращенности к низменным мотивам человека, если и верны, то лишь — отчасти, как и утверждения о том, что синтез масскультуры и нейролингвистического программирования порождает такую силу манипулирования сознанием, перед которым человеку не устоять [14, с. 183].

Впрочем, как показывает анализ, высокую действенность обнаруживают далеко не все ГТ из этого ряда, а только те, которые выстроены в форме неких «фреймов». А именно — в форме открытых, не конкретизированных в деталях (или слабо конкретизированных, «облачных») смысловых структур, присутствующих в данном сообществе и управляющих как коллективными, так и индивидуальными процессами интеракции и коммуникации. Примерами таковых смысловых структур могут стать: «современность», «прогресс», «либерализм», «демократия», «мода», «стиль», «бренд», «инновация», «успех», «лидерство», «мейнстрим». Едва ли не все сетевые молодежные течения, как и «фанизмы» (фанклубы, движения) строятся именно на основе или «от» подобных фреймов. Ведь «фан-процесс» являет собой, прежде всего, аккумуляцию, корректирование и синхронизацию энергетики и действий значимых групп людей, т.е. типичную гуманитарную технологию, действующую в контексте порыва обожания объекта фанизма.

Здесь мы вновь и вновь сталкиваемся с уже отмеченной методологической проблемой гуманитарных технологий — они чрезвычайно чувствительны к контекстному (контекстно-средовому) фактору. Именно по этой причине особая роль в процессах функционирования ГТ (в их успешности или же не успешности) при-

надлежат господствующим «здесь сейчас» идеологическому и политико-стратегическому факторам — самым масштабным формам контекстного фактора. Ведь идеология (или политика), что доминирует в обществе может гасить и подавлять ГТ, не отвечающие ее интересам и напротив — поощрять и «резонировать», усиливая таким образом ГТ, обслуживающие интересы этой идеологии (политики).

В то же время, как показывает анализ, даже господствующие идеологии могут рассчитывать на эффективность лишь будучи дополнены целой системой конкретных гуманитарных технологий мотивирующего и «поддерживающего плана». В частности, в виде фреймов, мотивирующих активность человека, его устремление к само-изменениям и к успеху в интенциях данной идеологии. Например, наряду с фреймом «инновационность развития» (что ныне в большой идеологической моде), актуальны также поддерживающие эту идею гуманитарные технологии с такими целевыми установками, как: «стабильность», «гражданское общество», «справедливость», «историческая правда», «многосоставная российская культурная идентичность», «перекрывающий консенсус», «социальные лифты», «гражданская инициатива» и др.

Необходимо подчеркнуть также, что характер задач, перед которыми ныне стоит Россия таков, что они непременно должны быть решены — иначе трудно гарантировать историческую перспективу страны. В этом смысле речь идет лишь о выборе методов их решения — либо на основе «мягкого» и ориентирующего воздействия на человека, т.е. рационально выстроенных социально-гуманитарных технологий (что, конечно же, предпочтительно), либо же путем политической мобилизации человека, общества (со всеми вытекающими отсюда издержками, негативными последствиями). В этой связи заметим: если для решения задач инновационного экономико-технологического развития страны могут быть использованы материальные и финансовые ресурсы, а также принуждающие потенции закона и административного управления, то формирование национальной идентичности и консолидация российской нации — дело, прежде всего, духовных усилий на основе тонких гуманитарных технологий.

И в добавление к изложенным обстоятельствам заметим: современный мир таков, что именно открытые рационально-коммуникативные отношения (т.е. гуманитарно-технологическая активность)

несхожих социальных сообществ — носителей различных идентичностей, стилей и форм социального бытия являются главным механизмом культурного прогресса и цивилизационного развития. Для России, которая более всего характерна сосуществованием множества несхожих культур и социально-культурных идентичностей, означенная политическая стратегия «глобальной гуманитарной технологии» со всей очевидностью имеет императивный характер.

Представленный в этом разделе анализ, на наш взгляд, дает основание к следующим выводам:

- ключевая проблема методологии гуманитарных технологий заключается в том, что не изучены и не систематизированы должным образом наиболее технологичные (легко трансформирующиеся в ГТ) формы и типы социально-гуманитарного знания;
- активность и масштабы практического применения гуманитарных технологий явно опережают степень их реальной изученности и методологической обоснованности способов их проектирования и применения;
- но и при этих обстоятельствах характер вызовов, проблем и противоречий, перед которыми стоит Россия, актуализирует запрос на гуманитарные технологии, на их активное применение.

Именно этой, последней проблеме будут посвящены последующие разделы книги. Но, забегая вперед, заметим: как показали наши исследования [21] в качестве «технологичной» формы знания выступает дефиниция (категория, знаниевый конструкт) «идентичность», что далее будет подробно анализироваться.

И еще одно замечание: то обстоятельство, что в этом разделе гуманитарные технологии соотносились, главным образом, со сферой образования и политической практикой отражает лишь широко известный факт — наибольшую распространенность ГТ в этих сферах. Однако гуманитарные технологии, можно сказать, вездесущи и пронизывают все сферы жизнедеятельности человека. Особенно велика их роль, пожалуй, в социально-культурной коммуникации, в когнитивистике и управлении, что, понятно, «приковывает» исследовательское внимание, в первую очередь, к этим сферам применения ГТ.

Между тем, практически вне поля зрения науки остается такой аспект познания гуманитарных технологий, как отношения ГТ к ин-

женерным технологиям, а точнее — неразрывная связь гуманитарных и «не гуманитарных» технологий (кавычки в данном случае призваны подчеркнуть, что любая технология так или иначе выполняет гуманитарные функции, поскольку является условием и формой жизнедеятельности человека). В последующем мы попытаемся хоть в какой-то мере восполнить указанный пробел дискурсов в отношении ГТ.

7. ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

В каком-то смысле история человека и цивилизации — это история изобретений технологий и технологического прогресса. И в самом деле, важнейшими рубежами становления человека, общества, культуры и цивилизации являются такие базовые технологии социального и культурного бытия, как:

- изобретение естественных языков и членораздельной речи, а по сути — самой универсальной формы гуманитарных технологий;
- освоение огня (и открытие, таким образом, самой доступной и массовой формы преобразования вещества и энергии, предтечи и «праформы» всех последующих инженерных технологий);
- спектр технологий неолитической революции (оперирование обширными знаниями о природе, особенно — биологическими знаниями; изобретение аграрных технологий и технологий формообразующей обработки камня и древесины);
- металлургия железа;
- спектр строительных технологий и технологий строительных материалов, включая технологию стекла;
- технологии пороха и бумаги;
- технология книгопечатания;

- «революция пара» (обретение инженерными технологиями статуса системного основания социально-экономического уклада общества после изобретения парового двигателя — мобильного источника энергии и движения). Как известно, именно «революция пара» положила начало современной технологической цивилизации.

Разумеется, важнейшими вехами в социальной и культурной истории человека также стали:

- «революция электричества» (изобретение и распространение технологий массового производства и широкого применения самой универсальной и транспортабельной формы энергии — электрической);
- энергетическая (освоение энергии атома и возобновляемых источников энергии);
- «революция информационных технологий» (что стало также основой массовизации ГТ);
- био-технологическая революция.

Ныне облик цивилизации все больше определяется именно технологическими революциями середины XX — начала XXI века, в числе которых:

- информационно-технологическая и био-технологическая;
- а на очереди сложные НБИК-технологии, в которых нано-, био- и информационные технологии будут синтезированы с когнитивными процессами.

К информационно-технологической революции мы еще не раз вернемся, поскольку именно ее плоды определяют основной спектр современных форм и типов гуманитарных технологий, а также способы их бытия.

После этих предварительных замечаний впору вернуться к основному вопросу — о формах и причинах «сквозного присутствия» ГТ практически во всех типах и формах технологии. Но и здесь вновь напрашиваются уточнения.

Разумеется, «масштабы присутствия» ГТ в технологиях негуманитарного характера зависят от конкретного типа технологии, ее назначения и области применения. Вероятно, можно говорить о «минимальном присутствии ГТ», скажем, в простенькой инженерной технологии штамповки неких деталей. Но когда мы имеем

дело с медицинскими технологиями, с их обширным техническим оснащением — с одной стороны, и большим объемом психологической подготовки к процессам лечения (к операциям, процедурам) — с другой, трудно сказать, чего здесь больше: естественно-научного или гуманитарного.

Даже когда речь идет о, казалось бы, сугубо отчужденных и «офизиченных» технологиях регулирования дорожно-транспортного движения светофорами, мы оказываемся в такой ситуации, когда многое (если не все) решает именно «гуманитарная составляющая» технологии: фокусировка внимания человека и его ситуативные интенции. А что касается технологий управления сферами жизнедеятельности общества (рынками, промышленностью, например), они по своей сути являются гуманитарными (даже если внешне базируются на формализованных механизмах и «вещественных инструментах» — финансовых, материально-ресурсных, логистических), поскольку тот же рынок сам являет собой универсальный механизм выявления и регулирования интересов, потребностей и мотивации человека. В этом смысле рынок вполне можно рассматривать как тотальный механизм гуманитарной технологии.

Все эти примеры (а их ряд можно продолжать и продолжать) подтверждают тесную связь и неразрывность технологий гуманитарного и негуманитарного планов, а точнее сказать — присутствие ГТ в той или иной мере во всех технологиях. Это вполне объяснимо и закономерно, если учитывать, что в основе любой технологии лежит знание, оперирование знанием. В этом плане остается лишь согласиться с уже упоминавшимся А.И. Ракитовым [10, с. 11] в том, что можно выделить следующий спектр ключевых функций знания в жизни человека, порождающих весь спектр технологий:

- определение отдаленных во времени целей (ориентиров жизни) человека;
- формирование образов желаемого (в текущей жизни, в досягаемой перспективе);
- обобщение опыта предшествующей деятельности (извлечение уроков из прошлого);
- проектирование артефактов, услуг, процессов, отношений;
- выработка правил и процедур их создания и регулирования;

- планирование и регулирование деятельности с учетом поливариантности жизненных ситуаций и контекстных обстоятельств;
- выработка и систематизация абстракций, фиксирующих свойства объективной и субъективной реальности;
- создание абстрактных моделей изучаемых или проектируемых феноменов;
- создание и построение символического мира естественных и искусственных языков, теорий.

Приведенная систематизация функций знания примечательна, на наш взгляд, тем, что может с таким же успехом именоваться и систематикой сфер применения знания, а также практически исчерпывающей системой типов технологий (производства, управления, познания, образования, культуры и т.д.). Это не удивительно. Дело в том, что когнитивные технологии носят универсальный и вездесущий характер — они имплицитно присутствуют в любой форме деятельности человека. А значит — гуманитарные технологии неустрашимым образом интегрированы практически во все технологии, практикуемые человеком, хотя «гуманитарные измерения» инженерных технологий пока не стали предметом должного внимания и ресурсом повышения эффективности техники и технологий. По-видимому, взаимное переплетение и проникновение, разнородных технологий проявляется так массово и в таких привычно-обыденных формах, что на дискурсивной арене давно числится в ряду «само собой разумеющегося», не вызывая особого научного интереса. Между тем, взаимная детерминация гуманитарных и инженерных технологий имеет множество аспектов, заслуживающих самого пристального внимания. Это прослеживается, в том числе, и на примерах истории и логики развития технологий.

Так, длительное время «идеалом» инженерно-промышленных технологий оставалась «линейно-операционная» организация (структура), когда технология строилась как совокупность простейших операций, реализуемых в строгой последовательности и очередности. Основой и средоточием этой технологической парадигмы стал конвейер — символ индустриального этапа истории цивилизации. Здесь знание, т.е. «гуманитарно-технологическая составляющая» в технологической цепи опосредовано орудиями

в такой степени, что работник может не владеть этим знанием, которое лежит в основании конвейерного производства — достаточно выполнять простейшие, доведенные до автоматизма действия. Однако, по мере развития техники и инженерных технологий, особенно после возникновения кибернетики и проникновения ее идей в инженерию, логика инженерных технологий меняется — их идеалом становится совмещение технологических операций и их концентрация на одном рабочем месте. Типичные примеры этого плана — роботизированные производства и «обрабатывающие центры», обеспечивающие выполнение десятков и сотен операций на одном и том же рабочем месте, что достигается за счет нетривиальных методов управления и высокого уровня подготовки работника (т.е. за счет активного включения когнитивных, гуманитарно-технологических составляющих в инженерную технологию). На последующих этапах развития техники и промышленных технологий идеи самоорганизации и саморегулирования, т.е. гуманитарные технологии, становятся доминантами технологического мышления и технологических решений (а по сути — идеалом технологической культуры). Типичный пример — нанотехнологии, которые в идеале, как мыслится инженерами, должны строиться и регулироваться сами по себе, действуя как некие «разумные» само-сборные (сами себя собирающие и регулирующие) машины.

Новейшее поколение инженерных технологий, следующих означенным идеям, именуется по-разному — «хай-тек» или «наукоемкая». Но характерны они прежде всего тем, что здесь в стоимости технологии преобладают вовсе не материально-вещественные затраты (как это имело место в инженерных технологиях еще со времен линейно-конвейерных технологий), а стоимость и вклад знаний (когнитивной эвристики, изобретений, ноу-хау), т.е. вклад именно гуманитарных технологий.

Неразрывная связь и органичное единство гуманитарных и инженерных технологий особенно ярко проявляется, как уже подчеркивалось, на примерах современного этапа истории технологического прогресса, в частности, в появлении так называемых НБИК-технологий (нано-био-инфо-когнито-), призванных обеспечить синтез биологических и информационно-когнитивных процессов на нано-уровне и на основе нано-принципов [22-24]. Ожидания

от этого поколения технологий — большие. В частности, предполагается, что их широкое применение в будущем приведет к многократному снижению энергетических и вещественных затрат в жизнедеятельности человека. Ведь в НБИК-технологиях преобладает не логика экстенсивной инженерии (операционное расчленение действий, силовое преобразование вещества и т.д.), а гуманитарно-технологический принцип самонастройки и самоорганизации.

Даже этот беглый обзор лежащих на поверхности фактов показывает, что гуманитарные составляющие инженерных технологий (а точнее — в общей системе технологий, составляющих современную основу жизнедеятельности человека) обнаруживают историческую тенденцию к росту, но, в то же время, остаются недостаточно изученным «ресурсом» повышения эффективности техники и технологий.

8. ТЕХНОЛОГИЯ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ФАКТОР

Та сложная совокупность взглядов, представлений и убеждений, что именуется мировоззрением, а по сути является «берегами сознания человека», всегда была подвержена определяющему влиянию фундаментальных знаний и прорывных теорий науки на каждом конкретном этапе истории. И наоборот — появление принципиально новых научных идей и открытий, как правило, влечет крах прежних мировоззрений и утверждение новых. Примеры, отражающие динамику изменений мировоззрения в западноевропейской культуре Нового и Новейшего времени, широко известны:

- появление гелиоцентрической концепции Коперника фактически положило начало мировоззренческой революции эпохи Ренессанса;
- по мере становления и развития эмпирического естествознания Галилея-Ньютона научное мировоззрение практически вытеснило все прочие формы воззрения на мир, вызвав к жизни, в конечном итоге, секуляризованную мораль и культуру светского (гражданского) общества;

- очередной «мировоззренческий переворот» случился в связи с великими открытиями в физике в начале XX века (появлением теории относительности Эйнштейна, квантовой механики и открытием строения атома), в свете которых привычный и единый мир распался на три мира (макро-, мега- и микромир), каждый из которых, как выяснилось, подчинен собственным законам, как бы демонстрируя, что наука (научная теория) не обладает той универсальностью, на чем всегда основывались ее претензии на абсолютный мировоззренческий статус.

Однако и сегодня миропонимание и миро-отношения современного человека определяются именно «передним фронтом» науки. Это — идеи глобального эволюционизма, теории физической космологии (включая концепцию Большого взрыва) и принципы синергетики. Иначе и быть не может, ведь мировоззрение человека есть не что иное, как понимание мироустройства и места человека в мире, призванное стать ответом на неизбывные кантовские вопросы «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?». Монопольным источником ответов на эти вопросы, понятно, является наука. В этом смысле научное мировоззрение, можно сказать, является самой глобальной формой гуманитарной технологии, т.е. технологии «ориентирования» сознания человека, соответственно — управления человеком, социумом, трендами цивилизационного развития. И в то же время мировоззрение является собой самую универсальную форму когнитивного механизма. Впрочем, в современной философии науки мировоззрение так и рассматривается — именно в качестве предпосылочной формы знания, от которой и отталкивается весь процесс познания.

Здесь в пору задаться вопросом: «Какое же отношение может иметь технология к мировоззрению, если оно вырастает из глубинных посылов науки, а технология всегда была лишь «приземленным способом» утилизации знания и его прикладного бытия?». К тому же, многие (если не бо́льшая часть) технологий вовсе не претендуют на научные основания, обходясь простейшими рецептами и обыденными знаниями или навыками, передаваемыми от поколения к поколению (примеры — суггестия, гадание).

Именно так все и обстояло до недавнего времени. Однако теперь это уходит в прошлое — в деятельности человека начинают доми-

нирывать технологии принципиально новых типов, рождающихся в самих стратегиях выработки научного знания. В этом контексте деятельность по выработке знания сегодня все чаще встраивается непосредственно в процессы создания, отладки, запуска, развития и тиражирования новых технологий. А это, в свою очередь, выдвигает на повестку дня вопросы становления так называемого «второго типа» познания [25; 26], когда новое знание появляется не в результате теоретических усилий (как это было прежде, до сих пор), а в ходе создания современных технологий. Естественно, что и само миропонимание в этой новой научно-познавательной ситуации становится «технологическим»: мир видится и полагается не столько как предметные множества, требующие описания, объяснения, понимания и интерпретации и соотнесения с человеком, сколько как процессы и трансформации, направляемые и управляемые человеком. Так технология перестает быть лишь формой, условием и механизмом производства, фактически превращаясь в способ соотнесения мира с человеком, т.е. в форму мировоззрения, в мировоззренческий конструкт и в элемент «культурной картины мира».

Широко известные примеры из истории философии и техники явно свидетельствуют о том, что тренды технологического развития всегда, так или иначе, определяли философское и культурологическое виденье «грядущего мира» и «грядущего человека», т.е. детерминировали мировоззрение. В этом плане характерны изменения философских моделей человека в общем контексте истории общества, культуры, техники.

Так, еще со времен Античности человек понимался и интерпретировался как существо разумное, «*Homo sapiens*», поскольку человек будучи «микрокосмом» причастен к космическому разуму, к «макрокосму», как мыслилось в античной философии. Однако концепция человека на различных этапах истории уточнялась и дополнялась различными моделями, «созвучными времени» и его «культурно-технологическим» доминантам. Так, в средние века и в эпоху Возрождения — в пору зарождения классических форм искусства человек понимается как «творец», воспринявший эту способность от Бога-Творца и реализующий ее в живописи, скульптуре, архитектуре, музыке, литературе, технике. Практически параллельно утверждается и другая модель человека — «*Homo*

faber», «человек мастеровой, умелый в ремеслах», так или иначе превращающая «технологическое измерение» в часть и аспект философии человека, а если шире — мировоззрения.

В Новое время на фоне триумфа классической механики и порожденных ею форм техники/технологий (часового механизма, ткацкого станка) в философскую «моду» входит понимание человека как некоего сложного автомата.

В последующем, в общем контексте процессов становления индустриального общества и либерально-рыночной экономики на первый план выходит понимание сущности человека как субъекта и агента экономических отношений — модель «*Homo economicus*». Но эта концепция, по сути сводящая человека к сумме экономических интересов (к одному из множества измерений), под влиянием нарастающей мобильности человека и утверждающегося в пору индустриального общества мультикультурализма дополнялась моделью «*Homo symbolicus*» (человек как творец знаков, символов и форм культуры).

На исходе двадцатого века вновь радикально меняются тренды культурно-технологического развития — теперь сущность и образы человека осознаются, прежде всего, в соотнесении с компьютером и информационными технологиями, которые преобразуют все формы жизнедеятельности человека в невиданных доселе темпах. Результатом философского осмысления этой новой «технологической ситуации» и прогностического соотнесения человека с «миром осязаемого грядущего» становится рождение модели «*eHomo*» [27] — «человека электронного».

Появление этой модели примечательно во многих отношениях. Прежде всего тем, что манифестирует о становлении информационных и компьютерных технологий доминантой технологической культуры цивилизации, а значит — и решающим фактором детерминации образа жизни человека и отправной позицией его (человека) философского понимания. Не менее примечательно и то, что идеи модели «*eHomo*» сопряжены или перекликаются с философскими идеями трансгуманизма и «постчеловека». Хотя «горизонты» видения в рамках теорий трансгуманизма (среднесрочная перспектива) и «постчеловека» (отдаленная историческая перспектива) различаются, исходной позицией в осмыслении будущего для обеих теорий

является бытие человека в мире информационных и сопряженных с ними НБИК-технологий [28-30]. В этом контексте ключевым становится вопрос о сущности и онтологическом статусе человека, оснащенного нейроинтерфейсами и имплантированными компьютерами, т.е. человека со сменяемыми по мере необходимости (старения, износа) анатомическими органами и когнитивными инструментами.

Но главное заключается в том, что в системе грядущей (а точнее, уже становящейся) культуры сверхвысоких технологий ключевое положение видится именно за гуманитарными технологиями. Более того, именно моральная философия гуманитарных технологий составляет ядро теории трансгуманизма, которая всерьез настаивает на необходимости снятия запретов на манипулирование сознанием человека и его биопсихической природой [30]. Хотя позиция трансгуманизма, на первый взгляд (формально), вступает в конфликт с классической моральной максимой «не навреди», она объективно вытекает из исторической логики развития технологии.

Дело в том, что на протяжении длительного времени в бытии человека доминировали технологии «внешние» по отношению к нему, т.е. технологии, направленные на природу, на разрешение противоречий между человеком и природой (на добывание пищи, сооружение жилища, обустройство городов, дорожной сети, инженерной инфраструктуры за счет неконтролируемого потребления природных ресурсов). Теперь ситуация принципиально иная: средоточием и объектом современных, прежде всего, информационных и НБИК-технологий является не внешний мир, не преобразование и освоение природы, а сам человек — его тело и мозг, его психика и ментальность, что выдвигает на философско-мировоззренческую арену проблемы отношений «hi-tech» (высоких технологий, направленных «вовне») и «hi-home» (высоких технологий, направленных на человека) и последствий их пересечений в человеке. Если учитывать еще и фактор искусственного интеллекта, его возможности и перспективы в плане составить конкуренцию человеку и его интеллектуальному потенциалу, ключевой для философии становится мировоззренческая проблема «как возможен человек в этой принципиально новой технологической парадигме». В этом контексте технология становится ключевым и определяющим фактором мировоззрения человека.

Здесь в пору еще раз вернуться к философско-культурологической и антропологической концепции «eНото», к ее аспектам.

Дело в том, что развитие информационно-компьютерных технологий, в частности виртуализация бытия и связанные с этим процессы симуляции и сублимации, в мире человека имеют противоречивые последствия. В частности, виртуализация порождает феномен бегства человека от реальности, чреватого эскапизмом и атомизацией общества. В этом контексте явно нарастают тенденции к «Я-центризму», нарциссизму, а также стремление человека к самопрезентации в мире (несчетные сонмы современных телевизионных ток-шоу только на это и рассчитаны). К тому же, гедонизм начинает играть доминирующую роль в поведении человека. Все это явно грозит утратой атрибутивных признаков личности.

Однако, как это ни парадоксально, нарциссизм и попытки человека укрыться от реальности в локусе собственного Я и своего «микро-социума», что фактически стало глобальным феноменом времени, порождают и такие формы социально-культурного бытия, которые обладают беспрецедентной степенью открытости, высоким динамизмом и возможностью обретения человеком новых свобод (хотя при этом возникает далеко не безопасная для общества ситуация), а именно — возможность управлять сознанием и действиями человека из любой части глобального мира.

В этом контексте говорят о возникновении **eНото** — человека будущего, который качественно будет отличаться от нас за счет симбиоза с новой IT-средой, как будет отличаться и творимая этим человеком цивилизация от нашей. Цивилизация **eНото**, как предполагается, будет касаться всех аспектов человека — его личности, тела, образа жизни. Синтез человека и техники — от «чипов» до нанороботов — приведет к кардинальному реинженерингу его организма. Эти же технологии порождают неограниченные возможности для образования, коммуникации и личного развития человека. Вместе с этим они порождают ситуацию растущей зависимости eНото от IT-среды (информационно-коммуникативно-технологической). Уже сегодня потерю данных с компьютера можно сравнить с внезапно возникшей информационной и коммуникационной инвалидностью. Ведь утрата архивов, текстов, фотографий, музыки, контактов, накопленных за многие годы — это утрата части личности.

Таким образом, инженерная технология перестает быть «внешней средой» по отношению к человеку, вторгаясь в его телесность и психику. Но самое главное заключается в том, что высокая технология становится мерой бытия человека (еНото) и мировоззренческим конструктом, детерминирующим взгляд на будущее человека, социума и культуры.

Ведь за процессами превращения технологии в имманентный фактор мировоззрения и в мировоззренческий конструкт стоят, как уже подчеркивалось, тенденции развития науки. Дело в том, что философия науки утверждает о завершении эпохи академической (теоретической, объяснительной) науки и наступлении эры «пост-академической науки», в которой неразрывно слиты теоретические (объяснительные) и технологические начала. Как образец и детище пост-академической науки рассматривается «техно-наука» или «нано-наука». Но поскольку главной основой мировоззрения цивилизованного человека была и есть наука и принципы научного знания, то переход науки в парадигму пост-академического бытия, т.е. в форму техно-науки, с неизбежностью влечет видение мира в образах и схемах технологий: процессов, состояний, трансформаций, реагирования, структурирования, конструирования, деструкции, динамизма, самоорганизации, обратной связи.

Но главное заключается в том, что если в современном и грядущем мире материально-вещественная сторона бытия человека (экономика, производство, транспорт, связь, медицина) пронизаны самыми разнообразными инженерными технологиями (в том числе биологическими и информационными), то культурно-духовная сторона пронизана не менее многообразным набором гуманитарных технологий. И эти два видовых модуса (формы) технологии переплетены и находятся в отношениях взаимной дополнительности, что пока практически не учитывается в теории и практике гуманитарных технологий, не исследуется в оптике культурологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мамчур Е.А. Фундаментальная наука и современные технологии // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 80–89.
2. Горохов В.Г. Проблема технонауки — связь науки и современных технологий // Философские науки. 2008. № 1. С. 33–57.
3. Валицкая А.П. Нравственно-эстетические универсалии культуры и гуманитарные технологии // Вестник Герценовского университета. 2008. № 3. С. 41–49.
4. Шмелев А.Г. Что такое «гуманитарные технологии»? // Электронный ресурс: Human Technologies. Режим доступа: <http://www.ht.ru/cms/component/content/article/1-aricles/587---q-q> (дата обращения 03.08.2016).
5. Курочкин А.В. Гуманитарные технологии: проблема выбора методологических оснований // Электронный ресурс: Центр гуманитарных технологий. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/725> (дата обращения 03.08.2016).
6. Соломин В.П. Гуманитарные технологии как инновация в образовании // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 4. С. 124–127.
7. Гончаров С.А. От теории коммуникации и герменевтики к гуманитарным технологиям // Актуальные вопросы современного университетского образования. Modern concepts of University educations. Материалы X Российско-Американской научно-практической конференции (2007 г.). СПб., 2007. С. 26–33.
8. Юдин Б.Г. Наука и жизнь в контексте современных технологий // Человек. 2005. № 6. С. 6–27.
9. Розин В.М. Технология // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 65.
10. Ракитов А.И. Прологомены к идее технологии // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 3–14.
11. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
12. Касавин И.Т. Знание // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 246–247.
13. Нариньяни А.С. Между эволюцией и сверхвысокими эволюциями // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 3–18.
14. Назаретян А.П. Специфика современной коммуникации в контексте Универсальной истории: знания массового поражения и парадигма выживания // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова / Ин-т человека; Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 320.

15. Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 264–266.
16. Тхагапсоев Х.Г. К особенностям социального бытия современной России // Философские науки. 2007. № 9. С. 48–66.
17. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/>.
18. Тхагапсоев Х.Г. Издательская деятельность как высшая форма философского творчества? // Высшее образование в России. 2015. № 2. С. 155–158.
19. Тхагапсоев Х.Г. Парадигмальный подход в образовании: к проблемам становления // Педагогика. 2015. № 5. С. 8–17.
20. Шкурко А.В. Анализ ситуаций и проблема компетентности // Эпистемология и философия науки. 2007. № 1. С. 129–146.
21. Тхагапсоев Х.Г. Идентичность как философская категория и мера социального бытия // Философские науки. 2011. № 1(специальный выпуск). С. 10–26.
22. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 3–38.
23. Наука. Технология. Человек (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 5–39.
24. Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий — прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. 2011. № 1-2 (т. 6). С. 15–23.
25. Федотова В.Г. Академическая и (или) постакадемическая наука? // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 44–53.
26. Киященко Л.П., Тищенко П.Д. Новый тип производства знаний и проблема ответственности в биологии и медицине XXI века // Философские науки. 2010. № 12. С. 38–43.
27. Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 75–83.
28. Юревич А.В. Ассиметричное будущее // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 76–84.
29. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ; ЛЮКС, 2004. С. 234.
30. Лукьянец В.С., Соболев О.Н. Проблема постчеловеческого будущего // Электронный ресурс: Российское трансгуманистическое движение. Режим доступа: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/555/94/> (дата обращения 03.08.2016).
31. Конева А.В. Парадигма современности и феномен гуманитарных технологий // Вестник Герценовского университета / РГПУ. СПб., 2009. № 1(63). С. 12.
32. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация: Выступления и доклады. СПб.: Изд. группа «Лениздат», «Команда А», 2014. С. 43–69.

II. ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ГУМАНИТАРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Главная особенность гуманитарных технологий, как показано выше, состоит в том, что они базируются на когнитивных процессах и технологиях, но не сводятся к ним — включают в себя еще нечто. Понятно, что без прояснения сущности и природы этого «нечто» не приходится всерьез говорить о формировании, проектировании и рациональном применении ГТ.

Напомним, что когнитивные процессы многообразны и включают в себя весь спектр форм познания: от ощущений и восприятия до мышления и речи, т.е. всю технологическую цепь выработки знания и его перевода (кодирования) в знаково-символическую информационную форму существования.

Но в реальной действительности когнитивная деятельность человека далеко не всегда предполагает развертывание всего перечисленного арсенала, всей цепи процессов познания. Уже накопленный массив знания так велик, а формы перевода (кодирования) знания в информацию так многообразны, что чаще всего когнитивная активность человека (разве что за исключением ученого) сводится к работе с информационными носителями знания (с книгой, видео- и аудио-рядом, текстом, гипертекстом) и переводом различных форм информации в актуальные знания, также к созданию текстов в широком смысле, т.е. к переводу (трансформации) знания в ту или иную форму информации. И что принципиально важно, когнитивный процесс не всегда (и не обязательно) предполагает опоры на интер-субъективные отношения — достаточно работы человека с собственным сознанием, его интенциональной сосредоточенности на реалиях бытия. Иное дело ГТ — она возможна только в форме интер-субъективных отношений коммуникатора (источника и создателя информации) и коммуниканта (транслято-

ра и реципиента информации). Но для того, чтобы гуманитарная технология состоялась, и этого недостаточно. Надо еще суметь так организовать (отобрать, проструктурировать, «окрасить») информацию и подать реципиенту (т.е. объекту ГТ), чтобы это произвело бы воздействие на его сознание в нужном и выгодном для транслятора (заказчика и субъекта ГТ) плане. Вот здесь ГТ, скажем образно, призывает к себе на помощь идентичность, ее дифференцирующий, маркирующий, «окрашивающий» потенциал.

1. ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК МЕРА БЫТИЯ И НАВИГАТОР СОЗНАНИЯ

Дискурсивная лексика науки, как известно, всегда отмечена печатью времени (эпохи). Вероятно, этим объясняется апеллирование современных научно-гуманитарных текстов к дефиниции «идентичность». Ведь ныне состояние цивилизации осознается не иначе как «пороговое», как преддверие смены всех форм жизнедеятельности человека, от экономико-технологических и социально-культурных до экзистенциальных. В такой ситуации главными мерами бытия становятся темпы и масштабы перемен в жизни человека, их множественность и изменчивость. Очевидно, что эта ситуация требует прежде всего идентификации — преломления и интерпретации в смысловом пространстве категории «идентичность», на основе ее дифференцирующих маркеров и паттернов, поскольку на общем фоне динамизма и изменчивости современного мира аутентичность реальности, само-подобие и само-тождественность ее проявлений (что и соотносится с идентичностью) становятся едва ли не единственно возможным ориентиром человека. Однако «бурное дискурсивное хождение» идентичности в науках о человеке, обществе и культуре, как справедливо подмечено автором [1], несет и явные «неудобства».

Дело в том, что практически каждая дисциплина (политология, педагогика, культурология) вкладывает в понятие «идентичность» то конкретное содержание, что работает на цели и задачи этой дисциплины. Особой активностью отличаются этнология и конфликтоло-

гия, которые так монополизировали эту категорию, что порой создается впечатление будто идентичность соотносима только с драмами и конфликтами этносов и межэтнических отношений. При этом все этническое подается так, будто в смыслах идентичности сокрыты все надежды и последнее прибежище этноса (всего этнического). В итоге, бытует множество трактовок сути идентичности. Однако эти интерпретации, как показывает анализ, могут быть объединены в три типические группы [2]. При этом к первой могут быть отнесены трактовки, в которых ключевая роль отводится субъективному началу, т.е. идентичность соотносится с ментально-психическими процессами само-отождествления индивида (Я, Эго) с некими образцами (типами, схемами, формами, эталонами, нормами) социального и культурного бытия. Иначе говоря, за идентичностью видится лишь тип субъективной позиции человека по поводу того, «кто он есть, с кем схож», «кто — свой, кто — чужой». При таком понимании идентичность фактически становится «вещью в себе», исключая возможность ее объективации и анализа. Но именно в этом значении дефиниция «идентичность» применяется особенно широко — как опора мировоззренческой и поведенческой диспозиции человека в социуме («кто Я», «с кем схож»); как «дорожная карта» ориентации человека в повседневности; как механизм и способ консолидации и интеграции общества (национальная идентичность), а значит — как форма, способ и средство выражения «эмоций отношения» индивидов и социальных групп (симпатий и антипатий, приятия и неприятия), что принципиально важно, когда речь идет о гуманитарной технологии.

Ко второй группе относятся те трактовки, в которых идентичность предстает как нечто эссенциальное, объективно существующее, онтологическое, что особенно характерно для психологических наук и этнологии.

К третьей группе отнесены те интерпретации, которые за идентичностью в той или иной форме видят (полагают) нечто предикативное (т.е. когнитивно-гносеологическое), а именно: признаки, свойства, отношения и связи, точнее, их целостности, выражающие тождественность, аутентичность, самоотождественность объекта или вещи любой природы. При этом, что важно отметить, признаки и свойства, о которых идет речь, таковы, что могут быть объективированы и означены как некие маркеры (паттерны), сис-

темно-целостная совокупность которых создает и выражает идентичность данного конкретного объекта (предмета).

Но в целом ситуация с дискурсом идентичности пока такова, что распространены в основном «пригнанные к целям» той или иной предметной дисциплины интерпретации идентичности, но нет общего и операционального определения этой дефиниции. Наиболее характерны «узкие формулы» такого плана: «идентичность — это свойство человека, связанное с его ощущением принадлежности к определенной группе» или «идентичность — это свойство индивида сознавать себя в качестве личности» [2, с. 11]. Будто личность возможна и вне человечества. В психологии же идентичность понимается исключительно предметно — «как внутренний стержень человека», т.е. как мера устойчивости психики и психического здоровья человека [3; 4].

Выход из очерченной ситуации, порождающей, как уже подчеркивалось, «неудобства», а по сути — неясности и методологическую путаницу в дискурсах по поводу идентичности, возможен при формировании (обосновании, выдвижении) претендующего на универсальность определения понятия «идентичность». При этом наша исходная позиция такова: распространенная формула определения «идентичность суть самоотождественность» представляется явно тавтологичной и лишенной операциональности — как, скажем, «время суть длительность» или «пространство суть протяженность». Ведь любое понятие, как известно, суть единство главнейших аспектов, граней и моментов предмета понятия. При этом предназначение любого понятия в том и заключается, чтобы выразить это единство главнейших аспектов и граней. Многообразие значений, соотносимых с идентичностью, как уже подчеркивалось, таково, что объемлет едва ли не все сферы познания, затрагивая необычайно широкий круг разно-сущностных вещей и затрудняя, таким образом, формулирование и осмысление этого понятия. Значит, идентичность является собой не какой-то особый тип субъектности (Я-образ, Я-концепцию, самость) или же некую реально бытующую субстанциональную сущность («стержень личности», «возрастная мера юного человека», «ядерная идентичность этноса»), как утверждают предметные науки (социология, психология, политология), а некую меру бытия и форму предикации вещественных, ментально-психических, знаково-

символических объектов. Иначе говоря, *идентичность* — это мера определенности и форма предикации структурно-процессной, количественно-качественной и пространственно-временной определенности и само-тождественности вещи (материальной, идеальной, материально-идеальной) и отношений вещей [5].

Если исходить из этого определения, идентичность относима практически к любой сущности (природной, социоприродной, духовной, ментальной) в качестве меры ее определенности, аутентичности, само-тождественности или тождественности образцу (норме, модели, схеме, парадигме, тренду и т.д.).

Здесь впору обратиться к особенностям философских категорий, к коим относится идентичность. Они (философские категории) специфичны тем, что не могут быть определены в рамках одной какой-то науки (ее лексическими средствами), поскольку выражают предельно общие формы мысли, обеспечивая перенос универсальных способов структуриации и дешифровки бытия во все сферы познания [6]. В то же время, философская логика такова, что дефиниции, претендующие выразить бытие, неминуемо оказываются в единой сети взаимосвязи и взаимной обусловленности с другими категориями — в общей категориальной сети, включая идентичность.

Как показывает анализ текстов, оперирующих смыслами идентичности, данное понятие предикативно соотносится практически с любой философской категорией, за исключением «времени», «пространства» и «количества». В отношении этих категорий допускаются лишь такие варианты предикации как «идентичность эпохи», «идентичность пространственной организации», «качественная идентичность», в которых, как нетрудно понять, время, пространство и количество опосредованы. И еще — в известных нам дискурсивных текстах практически не встречаются примеры соотнесения идентичности с идеализированными объектами познания, которые конвенционально наделены признаками гомогенности или дискретности. Характерные примеры этого плана — геометрическая точка, прямая линия, элементарные частицы (протон, электрон) и т.д. В то же время, формы материи (барионная, небарионная), бытие атома, молекул и макромолекул, как и геометрических поверхностей, все чаще оказываются проблемными для идентификации, требуя анализа и осмысления именно в рамках и в смысловом мире категории «идентич-

ность». Мы обращаем внимание на эти обстоятельства потому, что именно от них зависит роль и место идентичности в структуре гуманитарных технологий. Например, ключевой целью (предназначением) педагогических технологий является предъявление сознанию реципиента (обучаемого, т.е. объекта ГТ) нюансов идентичности тех же макромолекул, геометрических поверхностей, экологических систем, жанровых форм, поведенческих стратегий человека и т.д.

Дифференцирующий, маркирующий и идентификационно-верификационный потенциал идентичности проявляется многообразно и практически во всех сферах бытия, превращая апелляцию к сознанию объекта ГТ (студента, например) именно посредством идентичности, через ее призму, в главнейший компонент гуманитарной (прежде всего, педагогической) технологии. В подтверждение этого тезиса приведем примеры развернутого характера.

Первый пример. Инверсия социальной идентичности, что периодически случается в истории, является пока еще не оцененным в должной мере механизмом (и формой) социальной процессности. Поясним, о чем идет речь.

Как уже подчеркивалось, идентичность в дискурсах социально-гуманитарной науки чаще всего соотносится с человеком, его психическим становлением и само-позиционированием в социуме [7; 8]. Это и понятно — особенности социального бытия находят преломление/отражение именно в типах личности и персональной идентичности человека, поскольку идентичность в проекции на человека есть не что иное, как форма агрегации и констелляции в индивиде смыслов бытия, форм социальности.

Но следует учитывать, что персоналистические формы культурного бытия (а значит — идентичности) имеют собственную историю, — они стали возможны лишь с выходом на историческую арену европейского капитализма. На предшествующих этапах истории человеку надлежало оставаться в рамках сакрализованной идентичности «данной от рождения» (с учетом сословно-классовой и религиозной принадлежности), а ее поддержание и воспроизводство составляло смысл бытия человека. В этом контексте выход капитализма на арену истории означает смену приоритетов в системе культурно-мировоззренческих универсалий — теперь в роли «главной» универсалии оказывается «прогресс», т.е. перемены к об-

новлению-развитию. В итоге, по мере становления капитализма, а значит — дифференциации форм деятельности и социальности, складывается новый, способный к трансформациям («трансформативный») тип социальной идентичности. Так, за поступью истории оказывается («маячит») инверсия смыслов и форм социальной идентичности, — в пору капитализма ее (идентичности) ценность не в «сакральной инвариантности», а в способности трансформироваться и варьироваться, обеспечивая адаптацию человека к изменяющимся реальностям индустриально-капиталистического бытия.

Культурно-историческая ситуация вновь кардинально меняется во второй половине двадцатого века. В общем контексте появления и развития принципиально новых средств коммуникации и нарастания темпов глобализации мира формируется такой модус социальной идентичности который, на наш взгляд, может быть определен как «коммуникативно-спектральный», поскольку выражает характерные личностные качества современного человека — универсальную (ментальную, культурную профессиональную, поведенческую, пространственную) мобильность и коммуникативную активность [9]. А коммуникативное бытие ныне таково, что настойчиво предлагает множество заранее выстроенных и подаваемых в красочной форме комбинаций смыслов, ценностей, жизненных ориентиров и поведенческих стратегий, т.е. «готовых проектов» идентичностей. В итоге социальная идентичность обретает не только множественный, но и «абберирующий» характер, внушаемый (активируемый) действием привходящих факторов (малой социальной группой, СМИ, политическими технологиями, культурными авторитетами), порождая «Х-тип» персональной идентичности. В этом плане характерно появление фигуры «пранкера» (pranker) — человека переменной в необычайно широком диапазоне коммуникативной идентичности, способного даже в публичной ситуации выдать себя практически за кого угодно, в том числе за широко известную и медийную персону (министра или президента государства).

Так заявляет о себе очередная инверсия социальной идентичности, трансформирующая ее смыслы и формы в «вещь напрокат», в роли на выбор и разновидность потребительского товара.

Остается лишь добавить: в бытующей сегодня атмосфере цивилизационного бытия на первый план выходит вовсе не самотождествен-

ность человека, а спектр его изменчивости (ментальной, поведенческой, профессиональной, жизненно-стилевой), что манифестируется как креативность. Более того, социальная идентичность, базирующаяся на «устойчивых формах» бытия (религия, этнос, семья, национальное государство, политическая идеология, этическая система), ныне воспринимается как признак реакционности, угроза свободе и прогрессу. Неудивительно, что в этой ситуации привычные способы бытия человека все чаще обретают развоплощенный характер и «превращенные формы», — государство утрачивает суверенность и превращается в некую форму корпорации; семья трансформируется в «клуб по интересам»; рынок превращается в орудие «противорынка» [10]; банки отрываются от экономики, оборачиваясь в технологию производства «вторичных денег» (деривативов); наука и ее академические методы сдают свои позиции перед технаукой, за которой видятся лишь технико-технологические приложения знания [11]; политика перестает быть реальным способом системного выражения интересов больших групп людей, оборачиваясь волнами «цветных революций», кибератак и сериалами политтехнологических шоу, призванных обеспечить перераспределение ресурсов в пользу узкого круга сильнейших групп влияния, поддерживая при этом иллюзию «роста демократии».

Но главное в данном случае заключается в том, что все эти обстоятельства, ныне реально довлеющие над нашим существованием, а тем более — нюансы облика вот-вот грядущей эпохи трансгуманизма и пост-человека, настоятельно требуют апелляции к идентичности, к его познавательному, маркирующему, гуманитарно-технологическому потенциалу — иначе трудно разобраться и сориентироваться в динамично-изменчивом мире культуры, форм жизнедеятельности, способов коммуникации.

Приведем еще один пример, иллюстрирующий сказанное. Речь идет о роли идентичности в процессах повседневности, в частности — в повседневной социально-культурной коммуникации.

Ныне едва ли не главным трендом повседневной жизни стала активная демонстрация малыми группами своих идентичностей: от толерантно-умилительных (у «сетевых друзей», «умной толпы», движений арт-данса) до агрессивных (у футбольных фанатов, экстремистов всех окрасов) и «ущемляемых меньшинств», так и отдающих нерефлексивным духом повседневности. Именно на этом фоне в обществе

выстраиваются коммуникативные действия, призванные обеспечить циркуляцию социальной информации и интерсубъективные связи — базовое предпосылочное условие включения человека в социальное целое. Но здесь принципиальное значение имеет существование двух типов социальной информации — «безусловной», которая отражает происходящее «здесь и сейчас», и «условной», структурированной и организованной в виде системных кодов, операциональных символов и знаков, т.е. когнитивно-культурных форм (естественных и научных языков, ритуалов, обычаев, норм традиций, моды, поведенческих моделей и форм общения в том числе в социальных сетях), на идентичной основе которых и становится возможной интерпретация безусловной информации [12]. Получается, что к формам условной социальной информации относится и идентичность.

Дело в том, что современный социум не только сильно дифференцирован, но и перегружен информацией, что ведет к дифференциации информационных потоков в «адресные сети» и «поля информации». В итоге повседневная жизнь человека, как правило, протекает в «маркированных» информационных полях, в которых обыденное сознание действует в опосредованных и некритично-доверительных («стертых») формах (к каковым относятся: имидж, бренд, новизна, уникальность, мода, мейнстрим, успех), т.е. как идентификатор, — устанавливая и фиксируя степень совпадения или отличия наблюдаемого по отношению к тому, что ценится и поддерживается в малой группе, к которой этот человек принадлежит [13]. Это касается, подчеркнем еще раз, знаний о тенденциях повседневной жизни, профессиональной деятельности и культурной коммуникации, о модах и лидерстве в различных сферах жизни, а точнее — знаний об их идентичностях. В итоге идентичность культурных и социальных феноменов, вещей и людей, а также интерпретация в логике, семантике и информационном поле «своей» малой группы направляет поведение человека в турбулентном потоке повседневности. Так, *идентичность, в очередной раз оказывается соотносительной с социально-культурным бытием во всех его аспектах (конструирования, интерпретации, идентификации, воспроизводства), выступающая, таким образом, как основа гносеологической (познавательной) культуры человека, а точнее — как его «когнитивный навигатор» в повседневном бытии, в социальной практике.*

Поскольку это обстоятельство имеет принципиальное значение в плане понимания сути ГТ и подходов к ее формированию, конструированию и управлению ею, еще раз отметим: при сегодняшних донельзя высоких жизненных ритмах человек повседневности не различает уровни познания окружающей реальности («не до этого»). «Единственной его гносеологической потребностью является информация о *подобии и различии объектов...*» [13, с. 47]. А идентичность, будучи универсальной мерой подобия и различия, выступает не только как основа гносеологической культуры пресловутого «клипового сознания», но и как самый доступный ориентир и навигатор в мире социальных практик повседневности. Все это лишь свидетельствует о высоком гуманитарно-технологическом потенциале знаниевого конструкта «идентичность».

В заключение подчеркнем, что в современном социально-культурном бытии существуют факторы, прямо скажем, тотального характера и глобального действия, которые превращают идентичность в навигатор сознания, задающий интенции внимания и интереса человека, его мотивационные установки, предпочтения и выборы, а также формы и векторную направленность его активности, действий. Это, прежде всего, нарастающая роль визуальной культуры в бытии человека, когда видеоряды с телеэкрана, Интернет и YouTube стали едва ли не основным источником информации для обывателя. А в итоге — неуклонное распространение «клипового сознания», что, как бы к этому не относиться, является объективным порождением запредельных темпов социальной жизни в условиях циркуляции необъятных объемов знаний и спектров технологий.

В этой ситуации ориентир на идентичность того, «что надо здесь и сейчас» — знания, технологии, моды, стиля, формы коммуникации, образа жизни, образа успеха, типа кумира, — становится необходимо, образно говоря — «нитью Ариадны» современного человека. Так ориентир на идентичность важнейших элементов бытия становится прибежищем и «спасением» человека в сегодняшних условиях динамично-изменчивого существования в крайне сложном мире.

К тому же, как показывает анализ, роль когнитивного потенциала идентичности исторически (в ретроспекции) возрастает.

2. ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ПОЗНАНИЯ: ОТ СУЩНОСТЕЙ СТРУКТУР И ПРОЦЕССОВ К СПЕКТРАМ ИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Философские и культурологические категории, к коим относятся и идентичность, будучи универсальной когнитивной формой, выполняют обширный спектр функций: обобщение и синтез знания, перенос (трансфер) знания из одной области познания в другую, рефлексирование над универсалиями культуры и, конечно же, моделирование и предикацию бытия в ее целостности и системно-структурных аспектах. В этом контексте генезис категориальной системы являет собой особое измерение процесса познания, его «зеркало». Так, предикативный арсенал Аристотеля базируется на категориях: сущность, субстанция, количество, качество, отношение, место, положение, но при этом самыми главными считаются «место», «время» и «положение» [14]. Получается так: аристотелевские категории (философия Аристотеля) скорее манифестируют бытие и его некие аспекты, нежели интерпретируют или объясняют их системно и в соотнесении с человеком. В лингвистике такая форма предикации определяется как «незавершенная» [15].

Новым этапом в генезисе способов предикации (описания) бытия в европейской философии становится кантовская система «априорных форм»: количества (единство, множество, всеобщность); качества (реальность, отрицание, ограничение); отношения (субстанция, причина, взаимодействие); модальности (возможность — невозможность, существование — не существование, необходимость — случайность). Эти категории обеспечивают куда более высокий уровень дифференциации и полноты предикации бытия. Однако и в данном случае бытие остается внеположным человеку, «вещью в себе», по отношению к которой человеку дано лишь как-то позиционироваться на основе априорных форм.

Очередной вехой в генезисе предикации бытия становится философия Гегеля. Гегелевские «триады» и «диады»: «бытие — небытие — становление»; «количество — качество — мера»; «сущность — явление», «форма — содержание», «причина — следствие», «возможность — действительность», соотнесенные с ключевой ка-

тегорией «противоречие», не только открывают множество новых граней бытия, но и выражают их в динамике, в сложных и противоречивых измерениях, адресуясь, казалось бы, восприятию человека, соотносясь с ним. Но поскольку реальным субъектом бытия и его процессов в гегелевской философии является идея (дух), а человеку отведена лишь роль механизма воплощения намерений, планов и проектов Духа, презентация бытия в рамках этой философии, по сути, не предполагает содержательной интерпретации отношений человека и бытия. Более того, внеположность бытия в гегелевской системе обретает своеобразную форму — человек оказывается рабом детерминированного процесса, что, впрочем, воспроизводится и в историческом материализме (хотя марксистская идея отчуждения, как и деятельностьная концепция социальности, явно противоречат идее детерминированности истории).

Новый этап развития форм предикации бытия задается индустриальной эпохой. Тектонические сдвиги во всех сферах жизни человека (в науке, культуре, технологии, социальных отношениях) в контексте индустриальной революции, набирающей обороты с начала XIX в. «на тяге парового двигателя», вызывают к жизни новую картину мира, в которой первые позиции отведены сущностям «сила», «движение» «энергия», «действие», пригодным в равной мере как для механистической, так и для иррационалистической (Шопенгауэр, Ницше) интерпретации бытия.

Однако по мере развития индустриального общества и его трансформации в постиндустриальное возрастает многообразие форм социального бытия. В этом контексте множественный характер обретает не только культура, но и философия (позитивизм, марксизм, философия жизни, экзистенциализм, прагматизм, фрейдизм, постмодернизм), порождая ситуацию «абберации» и «стигматизации» картины мира и аспектно-ракурсной (мозаичной) предикации бытия. К тому же, радикально меняется и «облик мира» в представлении науки: объектно-вещная онтология сменяется онтологией многообразных процессов и их сложных сетевых отношений, требуя новых, дифференцированных форм предикации. В этой ситуации идентичность, ее маркерно-дифференцирующий потенциал, который может бесконечно наращиваться (конструироваться), как нельзя лучше отвечает когнитивному запросу

сегодняшнего дня. И еще: форма регулярности бытия, выражаемая на основе категориальной меры «идентичность», характеризуется рядом специфических черт. В их числе: отсутствие жесткой детерминации связей-отношений, подвижность границ (области) их существования (проявления), а также значительная мера условности отображаемой на основе дефиниции «идентичность» регулярно, — в силу ее конвенциональной заданности (на основе образов, моделей, типов), что хорошо вписывается в логику постнеклассической науки, в логику «незавершимости описания» бытия.

Подчеркнем: приведенные примеры не только иллюстрируют роль философско-культурологической категории «идентичность» в когнитивных процессах и в структуре ГТ, но и представляют собой примеры конкретных педагогических (т.е. специализированных) технологий, которые могут быть задействованы в учебном процессе по истории, педагогике, культурологии, философии науки.

Впрочем, когда речь идет о социальной идентичности, необходимо учитывать и специфические особенности самого социально-гуманитарного знания. Так, естественно-научные знания, как известно, отличаются высокой однозначностью и способностью подтверждаться эмпирически; они успешно функционируют не только в процессах познания, т.е. выработки нового знания (что относится и к социально-гуманитарным знаниям), но и в отчужденно-превращенных формах, в виде рецептурных технологий, которые, как правило, не рассчитаны на приращение научного знания. Напротив, главной особенностью социально-гуманитарного знания является то, что оно всегда функционирует в актах общения, интерпретации и деятельности, постоянно корректируясь (т.е. прирастая новыми знаниями, уточняясь, трансформируясь). Этот момент имеет для нашего анализа принципиальное значение, требуя определенной детализации. Но поскольку все формы социального действия взаимосвязаны и пронизаны процессами коммуникации индивидов, ограничимся лишь детализацией особенностей коммуникативного действия, а точнее, его соотнесенности с категорией «идентичность» и актами идентификации, его влияния на процесс гуманитарного познания.

И в самом деле, коммуникативное действие одновременно является собой: обмен информацией, интеракцию и социальную перцепцию [16]. Именно в этом контексте феноменологическая социология

понимает суть и природу социальности как некую intersubjective структуру, определяемую исключительно смысловыми значениями коммуникации и интеракции людей [17]. Иначе говоря, в основании форм общности людей и социального порядка в рамках феноменологической социологии видятся (полагаются) не только формы собственности, типы производственных отношений, форма религии или характер властных структур, но и совместное производство людьми смысловых значений и обмен ими. Если стать на такую позицию, социальный мир предстает как «мир смыслов и смысловых идентичностей», создаваемых (конструируемых), распознаваемых и интерпретируемых в повседневной жизни в актах коммуникации, интеракции и деятельности людей. Иначе говоря, идентичность в обществе оказывается соотнесенной с социальным бытием во всех его аспектах, поскольку выступает как способ и механизм структуризации и дешифровки смыслов бытия, как транслятор этих смыслов и стоящих за ними знаний в культуру, социальную практику.

Здесь, вероятно, уместно еще раз подчеркнуть общеизвестную истину, что функциональность и операциональность, т.е. технологичность, знания связаны с особенностями его организации и построения.

Так, социально-гуманитарные науки широко оперируют такой специфичной формой знания, как «идеальный тип» (психотипы, типы личности, социотипы, типы культуры, литературных героев т.д.), поскольку она (форма знания) создает возможность строить содержательные типологии и классификации, т.е. обобщенные формы знания. Но «идеальный тип» имеет и очевидные недостатки, — он (тип), как правило, носит абстрактный характер, лишен внутренней структуры и противоречивого многообразия оттенков и черт, что, понятно, снижает его креативный и методологический потенциал, а значит, и операциональность знаний, построенных на его основе.

Однако ситуация меняется существенным образом при введении в оборот такой категории (формы знания) как «идентичность», которая интегрирует целостную совокупность знаний о реальности. А точнее сказать — синтезирует как эмпирические «маркеры», так и уже бытующие теоретические «абстрактно-идеальные типы» в некие «крупные» формы знания, обладающие смысловым единством. В этом контексте показательна активность, с какой разрабатывает-

ся идентичность в этнологии (на что мы уже обращали внимание). Именно соотнесение и синтез идеальных типов и объективированных маркеров — культурных, антропологических, ментальных, поведенческих, — позволяет не только различать идентичность, скажем, татар и башкиров, русских и украинцев, балкар и карачаевцев, абхазцев и адыгов, но и рационально выстраивать этнологические дискурсы теоретического уровня. В итоге в этнологию на смену мифологии и произвольного описательства экзотичных «форм уникальной самобытности народа» приходит дискурс идентичностей.

Все эти факты свидетельствует, что дефиниция «идентичность» в системе социально-гуманитарного знания выступает как содержательная и высоко операциональная категория.

Впрочем, идентичность как категория имеет и такие особенности, которые пока нами не затрагивались. В частности, ее смысловое содержание включает три пласта (аспекта) — когнитивный, коннотативный и эмотивный. При этом когнитивный аспект выражает форму и тип идентичности, ее внутреннюю смысловую структуру; коннотативный — влияние контекста (ситуации, среды) идентификации; а эмотивный аспект — субъективную позицию (симпатии, антипатии, любовь или вражду) идентификатора. Это неизбежно накладывает свой отпечаток на смыслы, стоящие за категорией «идентичность» и сопряженные с ней процессы идентификации. Так, когда идентичность соотносится с миром логики или математики, за ней, понятно, стоят смыслы и знания высокой однозначности (в форме чисел, схем, графиков и математических отношений). Напротив, в системе социального бытия (а значит — социально-гуманитарных знаний) за категорией «идентичность» оказываются смысловые миры и знаково-символические формы ментально-психического, культурного и социального бытия человека, отличающиеся крайней неоднозначностью, принципиальной открытостью и спонтанной изменчивостью. По этой причине социальная идентичность, как правило, отмечена широким диапазоном субъективности, коннотативных и эмотивных наслоений.

К тому же, идентичность, когда речь идет о социуме и человеке, соотносится с субъект-субъектными связями «Я и Другой». В данном случае за этой категорией неизбежно оказывается сложный комплекс смыслов, знаков и символов, агрегация и репрезентация которых со-

пряжена с действием «оптики» социальных ценностей и ценностных мер, культурно-мировоззренческих позиций, религиозных и эстетических предпочтений тех людей, кто пребывает в актах коммуникации и интеракции в интерсубъективных отношениях.

Это особенно ярко проявляется в отношении идентичности социальных общностей или культур, которые являются «чужими» для субъекта-идентификатора (воспринимаются им в таковом качестве). В итоге в нашей жизни порой бытуют такие стереотипы взаимного восприятия социумов, которые выглядят как карикатуры на оригиналы.

Категория, как известно, являет собой, прежде всего, способ предикации и форму систематизации знания. Соответственно, категориальная дефиниция «идентичность» обладает (должна обладать) признаками, присущими знанию и формам его существования (понятиям, теории, научной картине мира). На самом деле так и получается. В частности, та же «этническая идентичность», как и теория, обобщает и синтезирует в целостность некие знания, в которых отразились типы ментальности и социальности, психотипы и формы культуры, поведенческие схемы и ценностные установки, жизненные стратегии и темпоральности крупных социальных общностей (русских, татар, лезгин, чеченцев и др.). В то же время, идентичность, как и понятие, находит смысловое наполнение и обоснование лишь в определенной конкретной сфере предметного знания (психологии, культурологии, социологии, политологии, этнологии). И, наконец, идентичность, как и научная картина мира, выступает в качестве предпосылочного знания, поскольку познавательный процесс непременно включает стратегии идентификации образов, форм и качеств познаваемого объекта.

У понятия идентичность есть еще одна важная грань — его востребованность в системе естественно-научного знания, что, можно сказать, автоматически переводит идентичность в ключевой аспект педагогических (объяснительных, толковательных, иллюстрационных) технологий и приемов.

Сегодня границы функционирования этого понятия в естествознании уже не ограничиваются теориями биологических видов и экологических систем, геологией и минералогией, давно апеллирующими к идентичности, — оно (понятие) простирается на кван-

товую физику, теорию мозга и сознания. В этом плане характерна активно обсуждаемая проблема соотношения «ментальных состояний» и «состояний мозга», точнее, их идентичности [18]. Да и появление таких понятий как «фрактал», «странный аттрактор», «темная материя», «темная энергия», «цвет кварка» воспринимается не иначе как выход на арену естествознания вопроса о типологии идентичностей физического мира и, конечно же, будет конкретизироваться по мере развития науки и методов научного познания, а также проникновения идей глобального эволюционизма в физику, перечеркивая тем самым былые представления науки и вечной и неизменной заданности физических сущностей и законов.

Таким образом, дефиниция «идентичность» соотносится с весьма широким спектром форм бытия — от формализованных логико-математических конструкторов и природных объектов естественно-научного познания, до уникальных и спонтанных форм самоощущения человека. Но оно обретает типизирующее и индивидуализирующее содержание только будучи соотнесенным с конкретными предметными сферами бытия и познания. Так, касаясь объектных миров (природных, социальных), идентичность выражает ту целостную совокупность признаков и черт, которая создает и выражает тождественность и самотождественность объекта. Касаясь же сложнейших сфер мира человека и психических процессов, она отражает и репрезентирует уникально-типизирующие черты внутреннего само-стояния человека. Соответственно, как несхожа в содержательном плане, скажем, теория механического движения с теорией нейронных процессов (хотя речь идет, казалось бы, о формах движения), так не схожи и конкретно-смысловые содержания категории «идентичность» в отношении к различным предметным сферам и субъектно-процессным мирам. Однако это не отменяет категориального, т.е. общего и универсального характера этой категории. А общее и универсальное в данной категории заключается в том, что речь во всех указанных выше случаях идет о фиксации некоей формы регулярности и порядка — тождественности и самотождественности вещи. Иначе говоря, *идентичность выступает как мера состояния — мера порядка, регулярности, самотождественности, аутентичности бытия, а также как мера тождественности объекта неким образцам (типам, моделям, стереотипам поведения).*

К изложенному следует добавить еще одно обстоятельство. Дело в том, что понятие «социальная идентичность» выражает не только признаки объекта (социума, индивида, культуры) или связи (отношения объектов и субъектов), но и то, как эти отношения воспринимаются и интерпретируются субъектами отношений («свой», «чужой»), вновь и вновь соотносясь с системой репрезентации и интерпретации бытия, что и является сутью когнитивных процессов и целью гуманитарных технологий.

3. КОНТЕКСТНЫЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Фактор «среды, окружения, привходящих обстоятельств» особенно значим, когда речь идет о социальной идентичности во всех модусах ее бытия — персональной, групповой.

Так, едва ли необходимо доказывать, что социум, а также формы и обстоятельства его бытия оказывают влияние на формирование всех граней индивида и его персональной идентичности. Очевидно также, что, в свою очередь, групповая социальная идентичность (политическая, гражданская, культурная, религиозная) являет собой референтную систему, производную от идентичностей социума.

Однако, как показывают факты, решающую роль в формировании типа персональной идентичности играет контекстный, привходящий фактор («времени-места»).

Так, персоналистические формы культуры и культурного бытия стали возможны (санкционируемы социумом) лишь с выходом на историческую арену ранних форм европейского капитализма и его последствиями — социальными, политико-правовыми и культурными. Понятно, что и на предшествующих этапах истории появлялись яркие индивидуальные личности, — пророки, гении и бунтари, которые не вписывались в общепринятые нормы и установления социальной идентичности, поскольку отвергали существующий социальный и культурный порядок во имя собственных идей и замыслов. Но обычный («массовый») человек не мог такого себе позво-

литель, он был вынужден оставаться в рамках социально-культурной идентичности, «данной ему от рождения» — с учетом его сословной и классовой принадлежности, исповедуемой религии, этнического происхождения. Подобная идентичность, — назовем ее «сакрально-вмененная», — не оставляет места для самобытности личности и в этом смысле лишь условно может именоваться персональной.

Однако по ходу времени и по мере развития капитализма и становления индустриального общества сложился новый тип идентичности, которая может быть означена как «корпоративно-трансформативная», имея в виду появление социальных лифтов и вариантов культурного выбора. А в наше время в общем контексте динамики социального бытия, развития средств и форм коммуникации формируется современный модус персональной идентичности, определяемый нами как «коммуникативно-спектральный», выражая и преломляя беспримерную мобильность человека (ментальную, ценностную, профессиональную, культурную, пространственно-временную и поведенческую), а по сути — решающую роль информационных потоков и коммуникативного давления в жизни современного человека.

Однако, означенные типы (модусы) персональной идентичности, на наш взгляд, являют собой скорее «семейства типов», конкретизация которых возможна в тех или иных контекстных условиях, а именно — культурных, профессиональных, социально-политических, экономических. Об этом свидетельствуют и результаты монографического исследования, посвященного проблемам эволюции социальной идентичности [19].

Здесь уместно задаться вопросом «Какое отношение к гуманитарным технологиям имеет все это?». Ответ очевиден — прямое и непосредственное. Ведь персональная идентичность — это некий вариант агрегации и констелляции конкретным индивидом смыслов бытия, форм культуры и социальности, мотиваций к действиям, ценностных позиций и поведенческих схем в конкретно-типических процессах коммуникации, интеракции и деятельности. Это то, чего добиваются (стремятся добиться), применяя ГТ.

Впрочем, подобная констелляция, будучи целостной системой (пусть и спонтанно-изменчивой) имеет собственную структуру. Однако, против ее устойчивого существования (т.е. против устойчивой персональной идентичности) работают едва ли не все сов-

ременные формы и механизмы бытия человека: рынок, Интернет, массовая культура, агрессивный напор политических и рекламных технологий, поскольку они настойчиво предлагают множество заранее выстроенных и подаваемых в красочной форме комбинаций смыслов, ценностей, жизненных ориентиров, т.е. множество идентичностей. В этой ситуации персональная идентичность неизбежно обретает не только множественный, но и абберирующий, мерцательный, крайне неустойчивый характер, внушаемый действием приводящих факторов (малой социальной группой, модой, СМИ, политическими технологиями). Все это, конечно же, должно учитываться в теории и практике гуманитарных технологий.

Разумеется, особенности социальной идентичности эпохи информационной цивилизации не исчерпываются отмеченными моментами, — здесь заслуживают внимания, по меньшей мере, еще два обстоятельства. Во-первых, в современных информационных пространствах доминируют скорее комплексы привлекательно подаваемых символов и знаков «ныне модной» персональной (личной) идентичности всевозможных кумиров, нежели богатое многообразие глубоких и оригинальных смыслов бытия. Во-вторых, роль ныне бытующих информационных потоков (беспрецедентных по насыщенности и многообразию) и информационных технологий в формировании личной идентичности явно амбивалентна, — эти потоки могут как размывать идентичность человека, формируя «абберирующую личность», лишенную принципов и убеждений (а значит — и личностной идентичности), так и сработать на формирование уникальной идентичности образованного и критично мыслящего человека. Здесь все зависит от личных усилий и ценностных позиций индивида.

Но самое главное заключается в том, что идентичность в контексте информационной цивилизации, судя по всему, выступает в роли неких фреймов, т.е. открытых, не конкретизированных в деталях (или слабо конкретизированных) информационно-смысловых структур, присутствующих в культурно-языковом пространстве социума, управляя как коллективными, так и индивидуальными процессами интеракции/коммуникации, т.е. выполняя роль смыслового оператора информационных технологий в социуме, что пока должным образом не осознается (не артикулируется) в процессе создания эффективных ГТ.

4. ГРАНИ ОПЕРАЦИОНАЛЬНОСТИ КАТЕГОРИИ «ИДЕНТИЧНОСТЬ»

(типология как метод раскрытия
смыслового пространства идентичности)

Как известно, цель и предназначение типологии (как метода познания) заключается в упорядочении наличного (заданного) многообразия объектов (вещей, идей, смыслов, знаков) на основе неких идеально-типических построений, моделей, схем, т.е. «типов». Иначе говоря, цель типологии — уложить многообразие в системные идеально-типические построения. При этом, как известно, в зависимости от способа построения, различают два модуля типологии — эмпирическую (когда типы являются результатом обобщения опытных данных) и теоретическую, базирующуюся на мысленном конструировании типов. Особенности идентичности (о них уже отчасти говорилось в предыдущем разделе) таковы, что ее типологизация требует сочетания указанных методов. Особенности идентичности диктуют и набор ключевых критериев ее типологизации. А самая главная особенность идентичности, напомним, состоит в том, что она являет собой (выражает) некую форму определенности и регулярности бытия (и в бытии), а именно — самождественность объекта или его тождественность некоему образцу (типу, модели, образу, парадигме). При этом, что принципиально важно, тип регулярности, фиксируемой и выражаемой идентичностью, отличается от регулярностей, описываемых в законах и закономерностях целым рядом специфических черт, в частности:

- отсутствием жесткой детерминации;
- размытостью (абберацией) отображаемых связей-отношений и широкой подвижностью границ их существования;
- значительной мерой условности отображаемой посредством идентичности регулярности (в частности, эта регулярность может быть конвенциональной, т.е. заданной в виде неких образцов, эталонов, моделей).

Но поскольку речь все же идет о регулярности и формах регулярности бытия (и в бытии), за отправную точку типологизации целесообразно брать именно объектный мир (мир сущностей), т.е. те референты, с которыми идентичность соотносится. При

подходе с таких позиций речь может идти о следующих типах идентичности, а точнее — следующем спектре укрупненных, т.е. «семейственных» типов идентичности, которые могут быть детализированы и конкретизированы внутри (в пределах) каждого семейственного типа:

- социальная (которая включает такие формы идентичности, как: культурная, социетальная, политическая, профессиональная, религиозная, сетевая, клубная, корпоративная, а также идентичности малых групп);
- социоприродная (геополитическая, цивилизационная, гендерная, возрастная, квир-идентичность);
- природная (идентичность рода, вида, экосистемы, географического пространства, популяции, геологического образования, минерала, «темной материи», «темной энергии», сверхновой звезды);
- ментальная (логико-математические конструкции и модели, мода, парадигмы науки и художественного творчества, политико-идеологические нарративы, бренды и др.);
- артефактная (идентичность видов техники, предметов культуры, объектов социальной инфраструктуры и ее элементов);
- виртуальной реальности (импрессионная, коммуникативная).

Приведенная типология (возможно, не исчерпывающая) может стать основой для предметно-ориентированных (культурология, психология, педагогика социология, политология) типологий идентичности. Но главное в данном случае заключается в другом — типология идентичности открывает новые горизонты для педагогических (объяснительных, интерпретативных) практик и технологий. Однако гуманитарно-технологический потенциал идентичности и этим не исчерпывается.

Выше уже затрагивались некоторые грани операциональности идентичности. В частности то обстоятельство, что идентичность выступает как тип социальной информации, а также как форма предикации бытия и способ социального познания. Отмечалось и то, что идентичность играет роль предпосылочного знания, поскольку процесс познания неизбежно включает в себя различные стратегии идентификации, изначально предполагая некие образы объекта познания (образы его идентичности).

Также выше отмечалось, что смысловое содержание категории «идентичность» включает три аспекта — когнитивный, коннотативный и эмотивный. Когнитивный аспект (на что мы ранее обращали основное внимание) выражает тип, форму и меру регулярности бытия; коннотативный — влияние контекста (ситуации, среды) на процесс идентификации; а эмотивный — эмоциональную позицию (симпатии-антипатии, приятие-неприятие, интуиция) идентификатора в отношении референтов, полагаемых за дефиницией «идентичность». Например, когда дефиниция «идентичность» соотносится с миром логики или математики, за ней стоят смыслы и знания высокой однозначности и общности (в форме чисел, схем, моделей, математических функций), идентификация которых носит логизированный, калькулируемый характер и не предполагает эмотивных наслоений. Напротив, когда речь идет об идентичности социального бытия и культурных типов, за процессами идентификации оказывается субъективная, эмоционально окрашенная оптика мировоззренческих позиций и интуиции человека, нередко трансформируя объект идентификации в стереотипы (как негативного, так и позитивного планов).

Однако «идентичность», будучи философско-культурологической категорией, всегда предстает, прежде всего, как способ и форма синтеза знания. В частности, дефиниция «социальная идентичность» обобщает и синтезирует в целостность массивы знания, в которых отразились типы ментальности и социальности, психотипы и формы культуры, поведенческие схемы, ценностные установки и жизненные стратегии людей или социальных групп. При этом идентичность выражает не только признаки объектов (социума, индивида) или связи между ними, но и то, как эти отношения воспринимаются субъектами отношений, превращая, таким образом, эмотивное и коннотативное в неустрашимые аспекты идентичности (о чем уже говорилось выше). К тому же, неуклонно возрастает роль идентичности в естественно-научном познании. Границы функционирования этого понятия в сфере «точных наук» теперь не ограничиваются учениями о биологических видах и экологических системах, геологии и минералогии (как было до недавних пор), — они начинают простираться в квантовую физику, теорию мозга и сознания, что также уже отмечалось. Фактически речь идет о том, что переход логики научного познания от «объективного онтологизма»

(как это было в классической науке) к стратегии «контекстно-конструируемой эпистемологии» (как это происходит настоящее время в рамках в постнеклассической науки) призывает на арену познания когнитивный потенциал идентичности, исключающей обособление и противопоставление объекта и субъекта познания. Это дает основание еще раз подчеркнуть незаменимую роль смыслового, эвристического, методологического и гуманитарно-технологического потенциала категории «идентичность», как в процессах познания, так и в культурной и педагогической практике.

И, наконец, когнитивный потенциал категории «идентичность» оказывается вне всякой конкуренции, когда речь идет о познании такой «ускользающей» сущности как виртуальное. Будучи лишенной субстанциональных оснований, виртуальность может быть описана, осмыслена и репрезентирована разве что на основе конвенционально-маркировочного потенциала категории «идентичность», в частности, на основе типов и форм идентичности акторов виртуального пространства (блогер, постер, модератор, медиум, провайдер, пранкер и др.) или же на основе идентичности практикуемых ими технологий (чат, форум, флэш-моб, электронный платеж, фондовая биржа, электронная библиотека). Таким образом, рассматриваемая дефиниция «идентичность» соотносится практически со всем спектром форм бытия — от логико-математических конструктов и объектов естественнонаучного познания до уникальных и спонтанных форм самощущения человека, что требует учета/отражения в теории и практике гуманитарных (прежде всего — педагогических) технологий.

Но особенности идентичности и этим не исчерпываются. Дело в том, что идентичность, как и любой массив знания, являет собой некое системное образование (системную целостность), отражая системность тех объектов (сущностей), с которыми она (категория «идентичность») соотнесена, т.е. совокупность маркеров, признаков, свойств, связей-отношений. Следовательно, в типологии должен быть учтен также тип (характер) системности идентичности. Здесь может быть два варианта — иерархическая система (которая содержит как доминирующие, так и подчиненные компоненты) и референциальная (в рамках которой все элементы системы равнозначны). Например, социальная идентичность «массового светского человека», будучи крайне сложной и многокомпонентной системой

разновекторных элементов, по всей вероятности, носит референциальный характер (не акцентированный и не окрашенный некоей особой приверженностью). Но она может обретать (и обретает, как показывают факты) иерархичность и «окрашенность-приверженность» при наличии явно доминирующих маркерных элементов в социальной идентичности, каковыми могут быть религиозная, этническая, политическая (политико-идеологическая, как в советское время) компоненты идентичности.

В то же время, едва ли приходится говорить о референциальном характере персональной идентичности религиозного или политического экстремиста. Факты также указывают на иерархичность идентичности большинства молодежных субкультур, — их строй императивно задается «фактором кумира» и поклонения ему или же диктатом моды, породившей данную субкультуру.

Однако трудно себе представить иерархичность культурной идентичности образованного человека светского склада — открытого миру культурных смыслов, ценностей и форм современной цивилизации во всех их проявлениях. Можно полагать также, что референциальными являются и такие формы социальной идентичности, как «профессиональная» и «социетальная» (хотя, как известно, в реальной жизни встречаются «трудоголики» и фанаты своей профессии).

Поскольку идентичность, подчеркнем еще раз, — это система (системная целостность составных элементов — маркеров, фреймов), правомерно распространение на нее известных критериев типологизации систем. В этом смысле уместно говорить о гетерогенных и гомогенных типах идентичности. Например, очевидно, что этническая идентичность, которая включает в себя не только духовно-ментальные формы (язык, психотипы индивида, архетипы культуры, стереотипы поведения), но и маркеры материального характера (хозяйственного быта, расово-биологических признаков и др.) не может не быть гетерогенной. Столь же очевидно, что ментальные типы идентичности (религиозная, культурная, гражданская, например) гомогенны. И, наконец, поскольку в структуре идентичности существенное место занимают контекстные (привходящие) обстоятельства, следует это учесть в типологии. При этом, как показывает анализ, по степени зависимости от контекстного фактора могут быть выделены следующие три типа идентичности:

- контекстно-индифферентная (религиозная идентичность, например);
- контекстно-зависимая (культурная или политическая идентичность);
- контекстно-обусловленная (коммуникативная идентичность).

Но системность идентичности и этим не исчерпывается; открытым остается вопрос о социетальной идентичности, ее роли и месте в общей структуре социальной идентичности, как и вопрос о роли и месте масштабного фактора в системе социальной идентичности. Поясним, о чем идет речь: различение микро-, мезо-, макро- и мега-уровней масштабности, что широко практикуется в социологической науке, пока не стало нормой в методологии идентичности. В силу понятных причин открытым пока остается и вопрос об унификации маркеров социальной идентичности — эти маркеры чрезвычайно подвижны и изменчивы в современном социальном мире. Однако нам представляется, что наиболее известные формы социальной и культурной идентичности (в их числе — этническая) могут быть выражены (описаны) достаточно полно на основе следующего набора типических маркеров (паттернов, фреймов):

- архетипы культуры и социальности (социокоды);
- фреймы-паттерны социального времени-пространства (что явлено в характерных формах социальности и социальных отношений);
- системы культурных форм (их знаково-символический мир);
- проективные интенции социума (традиционализм или инновативность).

Все изложенное до сих пор приводит к заключению, что главным ключом к гуманитарной технологии и ее основой является такая своеобразная, философско-культурологическая категориальная форма как «идентичность».

Ведь цель и предназначение гуманитарных технологий заключаются в том, чтобы сориентировать сознание человека, его предпочтения, действия и выбор «как надо», а по сути — сориентировать человека на выбор из изменчивого и необъятного спектра смыслов, ценностей, социальных ролей, типов и форм социальной и культурной субъектности, видов и форм общения/деятельно-

сти, способов и форм потребления из бесконечного многообразия. И этот выбор возможен лишь посредством идентичности, через ее «прицельную» дифференцирующую и маркирующую оптику.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Малахов В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 78–79.
2. Тхагапсоев Х.Г. Идентичность как философская категория и мера бытия // Философские науки. 2011. № 1 (специальный выпуск). С. 10–25.
3. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 258 с.
4. Павлова О.Н. Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности. М.: Идея-Пресс, 2001. 98 с.
5. Тхагапсоев Х.Г., Гатиатуллина Э.Р. Идентичность: к проблемам методологии // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4 (64). С. 16–23.
6. Левин Г.Д. Категории // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 352–353.
7. Свасьян К.С. Prooemium // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 3–12.
8. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Там же, С. 13–22.
9. Тхагапсоев Х.Г. В поисках новой методологической парадигмы политической науки: принцип идентичности // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 173–181.
10. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Какая модернизация и какой капитализм нужны России? // Вопросы Философии. 2013. № 10. С. 3–12.
11. Пружинин Б.И. Надеюсь, что будет жить // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 66–71.
12. Чернавский Д.С. Синергетика и информация. М.: Наука, 2001. 250 с.
13. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. 432 с.
14. Лебедев А.В. Аристотель // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000. Т.1. С. 173–176.
15. Степанов Ю.С. Предикация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 393–394.
16. Федотова В.Г. Коммуникация // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 368–369.
17. Смирнова Н.М. Феноменология социологическая // Там же, С. 925–926.
18. Маркова Л.А. Физика мозга и мышление // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 161–171.
19. Крылов А.Н. Эволюция идентичностей. М.: НИБ, 2010. 270 с.

III. ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОПЕРАТОР ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В предыдущем разделе философско-культурологическую категорию «идентичность» мы анализировали с позиций ее смыслового, когнитивного и методологического потенциалов. Рассматривали также роль и место знания и информации в гуманитарной технологии. Как выяснилось, ГТ включает в себя процессы дешифровки (декодирования) информации и получения знания таким образом (процессы извлечения знания из информации), но не сводится к этим процессам. Показано также, что идентичность фокусирует и ориентирует сознание человека, его интенции, что принципиально важно для ГТ, поскольку является ее (гуманитарной технологии) целью. Но вопрос о роли и месте идентичности в структуре и процессах ГТ остается открытым, что заставляет нас вновь обратиться к особенностям технологий.

1. ОПЕРАТОР В СИСТЕМЕ ТЕХНОЛОГИИ

Как известно, понимание сути и смысла технологии исторично, т.е. постоянно претерпевает изменения в контексте развития процессов познания и преобразовательной деятельности человека. Так, до недавнего времени технологию соотносили лишь со сферой материального производства. Соответственно, речь, как правило, шла о технологиях сварки металлов, обработки дерева, пошива одежды, сооружения жилища, приготовления пищи и прочих способах производства. Ныне технологии понимаются как сложные реальности, обеспечивающие преобразование и переработку вещества, энергии

и информации, а также как рациональные усилия по накоплению этих ресурсов и их целерациональному применению [1]. В этом контексте дефиниция «технология» соотносится с любой сферой активности человека, любым видом деятельности. Уже стали привычными не только промышленные или аграрные технологии, но и медицинские, управленческие, когнитивные. Однако неизменным остается главный и определяющий структурный признак технологии. А именно: технология всегда строилась и строится как некая совокупность операций (процессов, преобразований, измерений, сравнений), подлежащих реализации в некоей последовательности [2]. Иначе говоря, выполнение системно взаимосвязанных операций по изменению состояния некоего объекта ради достижения неких целей составляет суть технологии. При этом конкретный состав операций и порядок их выполнения задают особые элементы технологии, именуемые «операторами». Именно от них, операторов, их природы и особенностей, зависят все нюансы технологий.

Что же собой представляют эти операторы, каковы их особенности?

Понятно, что сущность и характер оператора зависит от природы технологии, ее назначения. Инженерные технологии, связанные с переработкой вещества, энергии, а также отчужденных форм информации (цифровых, графических), строятся так, что выполнение каждой операции вызывает заранее намеченные и поддающиеся контролю изменения в объекте технологического воздействия (т.е. в «операнде»). Высокая управляемость, что необходима в инженерных технологиях, достигается за счет того, что они строятся на основе строгих, детерминированных, каузальных законов физики, химии, биологии или строгих математических отношений, которые и выступают в роли операторов. Итак: в инженерных технологиях в роли оператора, как правило, выступает научный закон. Иное дело — гуманитарные технологии. Они, увы, не имеют детерминированных оснований, позволяющих вести объект («операнд») и его текущее состояние посредством контролируемых операций к требуемой (желаемой) кондиции. Но означает ли это, что ГТ вовсе лишены организующих начал, т.е. операторов, способных обеспечить развертывание технологий и их процессов к достижению с некоторой вероятностью намеченных автором ГТ целей (замыс-

лов)? Оказывается, нет: гуманитарные технологии также содержат собственных операторов — в качестве такового, как показывает анализ, выступает идентичность.

2. К ПРИНЦИПАМ И МЕХАНИЗМАМ ДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТОРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ИДЕНТИЧНОСТИ В ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ

Как уже подчеркивалось, идентичность относится к числу понятий весьма широкого плана, т.е. к числу философско-культурологических категорий, и на нее могут быть распространены особенности категорий, с вытекающими отсюда методологическими последствиями. Более того, эта дефиниция, как и любая философская категория, обладает такими признаками, что присущи различным формам знания. В частности, идентичность (этническая, скажем) фактически выступая как некая теория, конструирует и синтезирует в целостность знания и представления, в которых отразились типы ментальности и социальности, психотипы и формы культуры, поведенческие схемы и ценностные установки, жизненные стратегии и темпоральности некоей социальной общности. В то же время, идентичность, будучи мерой бытия, выражает форму и тип регулярности (порядка, определенности, аутентичности, «узнаваемости», подобия). И, наконец, идентичность выступает в качестве предпосылочного знания, поскольку процесс социально-гуманитарного познания неустранимым образом включает идентификацию объектов познания, изначально полагая некие образы их идентичности. В связи с этим заметим, что в роли предпосылочного знания обычно выступает такая форма научного знания, как объектная картина мира.

Самое главное, как показывает анализ, идентичность фактически соотносима и соотносится с любой формой бытия, от универсальных и формализованных логико-математических форм (формул, схем, графиков) до уникальных и спонтанных форм самоощущения конкретного человека. К тому же, идентичность вы-

ражает не только черты и признаки объекта или же связи-отношения объектов и субъектов (на что чаще всего обращают внимание), но и то, как эти отношения воспринимаются, оцениваются и интерпретируются субъектами познания и агентами действия. Чаще всего это сводится к само-соотнесению человека с «предстоящей идентичностью» по схеме «свой-чужой», «приемлемо-неприемлемо». Таким образом, идентичность являет собой форму предикации (высказывания) о сущностях любого плана: вещественных, ментально-психических, знаково-символических, объектных и процессных, с которыми это понятие соотносится. Ведь именно знание об идентичностях реальности обеспечивает полноту, целостность и операциональность наших знаний о мире, его объектах, процессах, фрагментах, феноменах.

Любая сущность сопряжена не только и не столько с формой и содержанием, качеством и количеством, пространством и временем, сколько с их целостным единством, определяющим идентичность этой сущности. Иначе говоря — конкретным типом единства формы и содержания, количества и качества, структуры и функции, процессов и тенденций, что и создает самоидентичность (аутентичность) данной сущности (вещи, смысла, идеи, моды, бренда, жанра, парадигмы, традиции, политического течения, культуры, субкультуры и т.д.). Вот здесь и кроется операторный потенциал идентичности. *Точно так же, как обобщенные формы естественно-научного знания (законы, теории) порождают процессы и операционную структуру той или иной инженерной технологии, идентичность (наряду с такими формами гуманитарного знания, как идеальный тип или образ) создает операторную основу для ГТ.* Поясним подробнее, о чем идет речь.

Идентичность, как уже подчеркивалось, являет собой способ отображения формы определенности (узнаваемости, регулярности, аутентичности) бытия, в частности- тождественности вещи, объекта (или же «Я-образа») некоему эталону, модели, норме, заданному образу. В этом смысле оперирование идентичностью сродни оперированию аналогиями, шаблонами (что является самой доступной когнитивной формой и, в то же время, самой простой ГТ).

Однако идентичность как категория имеет и такие особенности, которые не позволяют оперирование ею сводить лишь

к «сличениям аналогов». Следует еще раз напомнить, что смысловое содержание идентичности включает три аспекта — когнитивный, коннотативный и эмотивный. При этом когнитивный аспект выражает форму и тип идентичности, ее внутреннюю смысловую структуру; коннотативный — влияние контекста (ситуации, среды) идентификации; а эмотивный — эмоциональную позицию (симпатии, антипатии, одобрение, отторжение) субъекта-идентификатора. Все это накладывает свой отпечаток на процессы идентификации, а значит — и на ее операторный (операторно-технологический) потенциал.

Например, когда идентичность соотносится с миром логики или математики, за ней, как уже подчеркивалось, стоят смыслы, знания, модели высокой однозначности. Идентификация в этом случае и в самом деле сводится к обычным процедурам сличения с аналогом. Напротив, в системе социального и культурного бытия за категорией «идентичность» оказываются смыслы и знаково-символические формы ментально-психического или культурного мира, как правило, отличающегося высокой неоднозначностью, принципиальной открытостью и спонтанной изменчивостью, требуя рефлексии и герменевтических усилий в целях идентификации объекта. Именно эта сопряженность социальной и культурной идентичности с актами («операциями») идентификации придает операторный потенциал категории идентичность. Получается так: если операторный потенциал физического знания достигается и реализуется за счет его способности редуцироваться к формам инженерно-технического знания, легко переводимого в конкретные технологические процессы и в операции переработки (вещества, энергии и информации) с предсказуемыми последствиями, то операторный потенциал социально-гуманитарного знания и его «перевод» в технологии создается исключительно на основе некоей идентичности позиционирующей и ориентирующей сознание человека интенционально, т.е. прицельно, «как надо». Ведь цель гуманитарных технологий заключается именно в ориентации и фиксации сознания человека (объекта и операнда ГТ) «как надо», «на чем требуется».

Понятно, что в сфере ГТ, в отличие от необычайно обширной области инженерных технологий, не приходится говорить о многообразии вариантов и методов технологических решений. Единственно

возможная форма гуманитарной технологии состоит в адресации сознанию человека (объекту, операнду) знаний, подобранных, организованных, структурированных и транслируемых определенным образом [3]. Гуманитарная технология может достичь своих целей лишь в том случае, если состоялось опознание (идентификация) адресатом (конкретным человеком — объектом, операндом) предъявленных ему посредством ГТ смысловых посылов, идей, образов, и пробужденная готовность позиционироваться и действовать в интенциях ГТ.

В этом смысле, если инженерные технологии производят товары и вещи, то ГТ продуцируют и транслируют спектры или штучные единицы некоей идентичности (смысла, вещи, идеи, процесса, ценностных ориентиров, поведенческих схем, политики, корпоративно-групповой принадлежности, потребительских предпочтений, электорального выбора, моды, бренда, парадигмы, субкультуры).

Заметим — до сих пор мы анализировали наиболее универсальные формы операторов технологий. В отношении инженерных (промышленных, аграрных и др.) технологий в качестве таковых операторов выступают, как известно, каузальные отношения в природной действительности, «схваченные» в законах и принципах науки, а также в «прирученных» человеком природных процессах — электрических, магнитных, лазерных, тепловых, химических и т.д. В мире же гуманитарных технологий универсальным оператором является идентичность, точнее говоря — «идентичность нечто значимого»:

- мотиваций человека;
- его (человека) когнитивных и деятельностных интенций;
- притягательных для человека ценностей, захватывающих его идей и смыслов;
- эффективных поведенческих схем;
- модных или уникальных форм общения и потребления;
- символов новизны мировоззрения, жизнедеятельности, технологий.

Однако реальная ситуация куда сложнее. Так, спектр операторов инженерных технологий не замыкается на законах природы. Например, в качестве операторов инженерных технологий могут выступать не только законы природы и научные принципы, но «измышленные» человеком чертежи (деталей, узлов, конструкций),

компьютерные программы, тексты с описанием технологических операций и, наконец, сам человек. Например, опытный резчик по дереву, как правило, обходится без чертежей и проектов, выступая как виртуозный оператор технологий. Это в какой-то мере относимо и к операторам гуманитарных технологий, т.е. в пространстве ГТ возможны и иные операторы, наряду с идентичностью.

Разумеется, прямые аналогии между инженерными и гуманитарными технологиями лишены оснований — речь может идти разве что о параллелях, которые, впрочем, прослеживаются. В частности, если подходить широко, то в качестве операторов инженерных технологий выступают прагматические ценности (научно-технические знания, изобретения, ноу-хау, компьютерные программы и т.д.). И в качестве же операторов ГТ наряду с идентичностью могут выступать и выступают:

- ценности духовного порядка — от традиций и обычаев до норм формального права, от политических идеологий до этических и эстетических идеалов;
- приемы и методы практической (прикладной) психологии, цель которых, как известно — сориентировать сознание «как надо» (также как и у ГТ).

В ряде исследований именно этические и эстетические принципы рассматриваются в качестве главных оснований (а точнее сказать — операторов) гуманитарных технологий [4].

И еще: если иметь в виду, что цель гуманитарных технологий именно в том и заключается, чтобы сориентировать сознание, поведение и действия «как надо», очевидно, что в качестве оператора ГТ способен выступать фактор личности конкретного человека (его авторитет, способность вызывать к себе доверие, симпатии). Это хорошо известно из педагогической практики и политической истории. Однако «операторная эффективность» яркой личности или влиятельного авторитета, как показывают факты, проявляется не только в педагогике и политике, но и в любой области социального бытия. Особенно в бытии малых групп (корпоративных, этнических, субкультурных), которые в современном изменчивом мире становятся едва ли не главным пространством существования человека.

В ходе анализа мы не раз проводили некие параллели между инженерными и гуманитарными технологиями. Но, разумеется,

это никак не отменяет принципиального и сущностного различия этих видов технологий, что проявляется практически во всем. Так, инженерные технологии очень часто содержат всего лишь одну операцию (сверление, штамповка и т.д.), в то время как подобную простоту в мире гуманитарных технологий и представить себе невозможно, если учитывать, что все, что происходит в сознании человека (именно здесь и разворачиваются процессы и операции ГТ), носит референциальный, т.е. недетерминированный, спонтанный и, конечно же, «поли-операционный» характер. В общем, гуманитарные технологии рассчитаны, по меньшей мере, на следующие «операции»:

- завладеть вниманием человека;
- затронуть («нащупать») его мотивации к активности;
- сформировать интенции его сознания (разумеется — в общем контексте целей той ГТ, что в данный момент адресуется человеку, его сознанию);
- мобилизовать его когнитивные способности;
- создать в сознании человека «момент озарения-открытия» чего-то нового или очень важного для себя;
- и, таким образом, подвести человека к выбору того (или принятию того решения), что изначально было заключено в целевых установках ГТ.

Если учитывать эти обстоятельства (вероятно, не исчерпывающие), очевидна сложность и множественность операционной структуры ГТ. Очевидно и другое — когнитивный, мотивационный и эмоциональный аспекты неустрашимым образом присутствуют и переплетены в гуманитарных технологиях, в их операционной структуре. Вероятно, именно по этой причине идентичность, объединяющая и интегрирующая в себе «когнитивное» и «эмоционально-оценочное» только и способна выступать как операторная основа гуманитарных технологий.

Итак, в гуманитарных технологиях в качестве оператора (управляющего и направляющего начала), как правило, выступает идентичность, а в роли операнда (объекта воздействия) — сознание человека. А итогом и результатом реализации (продуктом) ГТ являются интенции сознания, его настрой и готовность к выбору и действиям.

3. КАК ВОЗМОЖНО ПРОЕКТИРОВАНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Предшествующий этап анализа подводит, так или иначе, к ключевому вопросу всей проблематики гуманитарных технологий — к вопросу проектирования ГТ и управления ими. В то же время, проделанный в нашей работе анализ включает в себе и ответ на этот вопрос.

Понятно, что в плане проектирования ГТ речь может идти лишь о следующих аспектах:

- целях (целевых установках) гуманитарных технологий;
- наборе идентичностей (идей, смыслов, образов), мотивирующих интерес и внимание человека к целям ГТ;
- контекстных условиях применения («запуска») ГТ, поскольку трудно что-либо сказать о «детализированной» операционной структуре гуманитарных технологий, а тем более — о порядке и механизмах их действия. Ведь все, что происходит в сознании человека, увы, пока не имеет исчерпывающего отражения в науках.

Второй важный вопрос проектирования ГТ — это вопрос о реестре (списке) возможных гуманитарных технологий.

Очевидно, что конкретный список ГТ всегда будет открытым, поскольку сам человек и все его устремления, спектр форм его жизнедеятельности носят принципиально открытый и «незавершенный» характер. Однако типические формы (модусы) этих целей, а значит — и возможных модусов ГТ, вытекают из известной пирамиды Маслоу. Ведь тип причинности, который движет человеком, его поведением и действиями — это его внутренние мотивации. В этом контексте можно полагать, что каждый уровень пирамиды Маслоу задает «свой список, свой реестр» ГТ. Но при этом надо принимать во внимание и контекстные условия действия ГТ, чем чрезвычайно активно пользуются создатели гуманитарных технологий (примеры — интригующие видеоряды и захватывающие музыкальные сопровождения к рекламам весьма обыденных и заурядных потребительских товаров и услуг). Подчеркнем для предельной ясности: контекстные условия реализации ГТ, как правило, создаются также проектировщиками и конструкторами ГТ.

Остается лишь прояснить самое главное — как сконструировать ключевой элемент ГТ, а именно — «идентичности нечто», способной затронуть человека.

Мы уже подчеркивали, что смысловые коннотации идентичности неразрывно связаны с контекстом ее бытия и детерминируются этим контекстом. В этом смысле привлекательные видеоряд и музыка к рекламе являются частью средств и усилий, направленных на конструирование ГТ. Но, увы, не существует общих шаблонов конструирования (проектирования) идентичностей, поскольку идентичность всегда соотносена с конкретной сущностью (объектом, предметом, структурой, процессом, идеей, модой, субкультурой, брендом, жанром, парадигмой и т.д.) и выражает ее количественно-качественную, пространственно-временную, структурно-процессную и функциональную определенность, аутентичность.

Соответственно, конструирование или выбор некоей идентичности в качестве оператора ГТ строится в рамках определенного предметного (сущностного или деятельностного) пространства и определенных контекстных условий, которые, подчеркнем еще раз, точным калькуляциям не поддаются. В итоге получается, что проектирование ГТ являет собой скорее плод искусства и интуиции, нежели рациональных расчетов. В этом контексте остается лишь заключить: проектирование гуманитарных технологий не имеет универсальных схемных решений. Каждая гуманитарная технология уникальна, требует вовлечения и задействования не только знаний, но также интуиции и этико-эстетических ресурсов, поскольку в конечном итоге только «магнетизм смыслов и красок» идентичности, выступающей в качестве оператора, и определяет успешность и действенность ГТ. Это проливает свет еще на одну особенность ГТ, на которую мы пока не обращали внимания. А именно: та или иная ГТ, эффективная в некоей конкретной аудитории (целевой группе и ее контекстных условиях), может оказаться недействительной и бесполезной, будучи механически перенесена в другую группу операндов (в контекстные условия ее бытия).

4. ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ИХ ОПЕРАТОРОВ

Гуманитарные технологии, как известно, окружают нас всюду и везде, но, конечно же, главная сфера их существования — повседневность (повседневная социально-культурная коммуникация, бытие в медиа-пространствах). Современный социум, как уже неоднократно подчеркивалось, сильно дифференцирован, а повседневная жизнь человека протекает в малых группах. В итоге обыденное сознание человека, как выясняется, проявляет себя не критично, в доверительно воспринимаемых в «своей» группе и среди «своих» опосредованных формах [5]. А таковыми фактически являются идентичности — имидж, бренд, новизна, мода, мейнстрим, т.е. типы и формы идентичности культурной, социальной, поведенческой, потребительской стратегии. В итоге именно идентичность (которая и есть универсальная форма фиксации «подобия-различия») выступает как ориентир сознания, а точнее, как оператор ГТ и регулятор социальных практик повседневности.

Однако настоящей «ойкуменой» ГТ сегодня является глобальное информационное пространство. Едва ли не все современные формы и механизмы информационного бытия человека (Интернет, социальные сети, массовая культура, потоки политических и рекламных технологий) замкнуты на продуцирование ГТ, постоянно предлагая и навязывая множество заранее выстроенных и подаваемых в красочной форме идентичностей (новизны, моды, ценностей, ориентиров успеха и успешности, героев, кумиров, типов коммуникации, форм и стратегий поведения). В этом русле действует и медиа-арт, который являет собой не только сферу продуцирования идентичности, но и зону смыкания социально-гуманитарных технологий с инженерными (с бытием вещей), превращая манипулирование сознанием человека в глобальное производство глобального рынка массовых форм жизнедеятельности человека, культуры.

На этом общем фоне, как уже подчеркивалось, все чаще высказывается тревога по поводу того, что мы уже вплотную подошли к той ситуации, когда сознанием человека будет управлять «глобальная машина СМИ» [6].

Но здесь, вероятно, уместно еще раз подчеркнуть, что трудно гарантировать успешность и «безотказность» гуманитарных технологий, поскольку акты сознания носят спонтанный, нелинейный, недетерминированный и неоднозначный характер. А значит — гуманитарная технология не может и не должна сводиться к предъявлению человеку рационального описания некоей значимой сущности (смысла, идеи, модели) и ее идентичности, — ГТ непременно должна включать в себя и способы активной и многоплановой мотивации интереса человека к предъявляемой сущности, пробуждая и активируя, таким образом, содержательно-смысловые, конструктивно-творческие, эвристические, этико-эстетические потенциалы человека к выбору предъявляемой посредством ГТ сущности. В этом плане решающую роль в судьбе (успешности — не успешности) гуманитарной технологии в повседневной жизни человека играют такие «ключевые смыслы», как «актуальность», «мейнстрим», «мода», «инновация», «оригинальность». В итоге получается так: потоки и каскады ГТ, которые постоянно обрушиваются повседневно (всюду и везде) на человека, завязаны на операторах типа «идентичности актуальности», «идентичности мейнстрима», «идентичности моды», «идентичности инновации», «идентичности оригинальности», которые умело проецируются на все сферы жизнедеятельности человека — от питания и жилища, семьи и сексуальной культуры до высоких сфер искусства.

И в заключение заметим: хотя сферой преимущественной концентрации ГТ и операторной активности идентичности является медиа-пространство и повседневность человека, не менее значима роль ГТ и операторного потенциала идентичности в сферах образования и социально-гуманитарного познания.

5. К ОСОБЕННОСТЯМ ОПЕРАТОРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Как показывает анализ, когнитивно-гносеологический и гуманитарно-технологический потенциал идентичности позволяют решать в процессах обучения и воспитания самые разнообразные

задачи — от простейших (иллюстративных) до самых сложных, связанных с интерпретацией идей «переднего фронта науки», понимания и восприятия этих идей.

Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к такой распространенной и типичной ситуации, когда учебный процесс (лекция, объяснение) посвящен репрезентации односущностных реальностей, обозначаемых различными понятиями в рамках разных научных и учебных дисциплин. В такой ситуации невозможно обойтись без опоры на категорию «идентичность», ее смысловой и операторный потенциал. Например, понятия «молния» и «электрический разряд» выражают идентичные сущности и процессы (а именно — электрические). Точно так же обстоит дело с такими парами дефиниций как: «теплота — движения атомов», «свет — электромагнитные волны», «идеальный тип — модель», «горение — окисление». Таким образом, через идентичность (ее потенциал) раскрывается тождественность или различие реалий, стоящих за не синонимичными понятиями, расширяя в итоге спектр педагогических технологий [7].

Другой пример — по мере продвижения физики вглубь материального мира все настойчивее встает вопрос «об идентичностях» материи.

Как теперь стало очевидно, наука преуспела в познании лишь одного модуса идентичности материи, а именно — барионной (или кварк-глюонной) формы материи, каковой в нашем Универсуме не более 4-5%. В этом контексте встает фундаментальный вопрос: «Каковы идентичности прочих модусов материи?». Пока речь идет о «темной материи», о которой наука мало что знает и может сказать. Эта ситуация императивно вводит «идентичность» в объяснительный арсенал «ее величества Физики», дополняя по необходимости привычные для физической науки расчетно-математические методы и высокоточные измерения эвристическим потенциалом идентичности, а главное, соотнося «идентичность» с передним фронтом развития физической науки [8].

Здесь впору обратиться к давно сложившимся и закрепившимся в педагогике принципам наглядности, образности и метафоричности. Понятно, что эти принципы всегда ориентировали и ориентируют сознание обучаемого (операнда) «как надо», играя роль гуманитарных технологий. Однако следует заметить, что наглядность, образность

и метафоричность являются собой лишь некие, весьма общие и размытые рамочные принципы, которые явно нуждаются в конкретизации в плане их идентичности. По существу принцип наглядности есть не что иное, как конструирование идентичностей (образов и примеров — геометрических и физических, исторических, культурных), т.е. операторов педагогических технологий. В этом контексте уместно задать вопрос: «Что же принципиально нового привносят в педагогическую практику ГТ, апеллирующие к идентичности?».

Напомним суть и смысл идентичности. Это форма предикации (выражения) структурно-процессной, количественно-качественной пространственно-временной и функциональной определенности вещи (материальной, идеальной, материально-идеальной) и отношений вещей (независимо от их природы). Если исходить из этого определения, идентичность относима практически к любой сущности (природной, социоприродной, духовной, ментальной) в качестве меры ее аутентичности, самотождественности или тождественности образцу (норме, модели, схеме, парадигме, тренду и т.д.). Следовательно, идентичность в данном случае (в педагогических технологиях — лекциях, объяснениях) выражает и репрезентирует не образность как таковую или наглядность вообще, а структурно-смысловую, качественно-количественную и функциональную определенность некоей сущности (вещи, явления, процесса, системы, структуры, идеи, смысла) в ее конкретной целостности, о наглядном представлении которой идет речь.

Иначе говоря, если принципы «наглядность-образность-метафоричность» являются открытыми, расплывчатыми, не структурированными, то идентичность изначально предполагает конструирование распознаваемой (идентифицируемой) структуры, а точнее — формирование в педагогической технологии конгруэнтного состава свойств и признаков сущности, об идентичности которой идет речь (в учебном процессе, лекции, объяснении).

И еще. Принципиально важно учитывать в процессах проектирования ГТ, что идентичность формируется, развивается и функционирует в культурном, технологическом, социальном и познавательном контекстах времени и места, «здесь и сейчас», что уже отмечалось. Соответственно, каждая эпоха отмечена собственными доминантными идеями и лексическими приобретениями, которые так или

иначе затрагивают все сферы социальной и культурной практики, требуя преломления в сфере образования. Так, эпоха Ренессанса привнесла в культуру, философию и сферу образования идеи и принципы гуманизма; эпоха индустриального капитализма — идеи, формы и технологии массового производства и всеобщего образования; а двадцатый век, постоянно преображаемый сполохами технологических революций и охваченный бесконечным многообразием форм индивидуализированного потребления, вызвал к жизни идею переналаживаемого производства оригинальных предметов потребления и «прицельной» компетентностной формы профессионального образования на основе калькулируемых компетенций, что во весь рост ставит вопрос об идентичности компетенции.

Дело в том, что компетентность не сводится и несводима к сумме знаний, поскольку имеет именно деятельностьную, а значит — технологическую природу; иначе говоря, является собой способность к действиям по созданию, развертыванию и реализации действий в заданной ситуации. Иначе говоря, компетентность как аспект деятельности тем и специфична, что она ситуативна, проявляется как действие (технология действий) «здесь и сейчас», в конкретных ситуациях [9]. Именно умение действовать эффективно в условиях как штатной, так и нештатной ситуации и является высшим мерилком компетентности. Следовательно, одним из отправных моментов проектирования образовательных (гуманитарных) технологий является выявление и учет типологий штатных и нештатных ситуаций в рамках той профессиональной деятельности, с которой соотносится компетентность. Иначе говоря, проектирование образовательных технологий изначально предполагает выявление и учет не только требований к компетенции или ее знаниевых аспектов (на чем до сих пор концентрировалось и концентрируется основное внимание стратегов образования), но также выявление и учет спектра возможных (типовых и нештатных) ситуаций действия в рамках данной профессии, т.е. «ситуационной структуры специальности», и их идентичностей. При этом в качестве типов ситуаций, характерных для большинства сфер деятельности, могут быть выделены следующие: «инструментальные», «рецептивные», «эвалютивные», «презентационные», «апеллятивные», «коммуникативные», «интеракционные», «принятие решения» [10].

Так мы вновь и вновь приходим к когнитивному и гуманитарно-технологическому потенциалу идентичности, пытаемся решать различные проблемы образования.

Ныне особенно актуально описание и верификация компетенций на языке и в смысловых коннотациях идентичности. Дело в том, что компетентность (любая) является собой целостную совокупность специализированных (инженерных, медицинских, финансовых и пр.) и гуманитарных технологий, в основе которых лежит оперирование процессами, структурами, условиями, ситуациями, контекстами определенной идентичности. Если учитывать изложенное, в процессах образования идентичность выступает не только как оператор педагогических технологий (что и так очевидно), но и как мера компетенций, формирующих профессиональность человека. Поясним это на конкретных примерах.

Так, компетенции профессионального математика, физика или химика, вероятно, можно описать рационалистически, не прибегая к наглядным образам (и к языку идентичности). Однако уже возникают проблемы, когда мы обращаемся к спектру компетентностей инженера-конструктора, изобретателя, дизайнера. Выразима ли суть изобретателя и его компетенций на основе некоего рационального описания — алгебраически? Едва ли. Также проблематична ситуация с презентацией «багажа компетентностей», когда речь идет об учителе. Здесь впору призвать на помощь холистический образ желаемых компетентностей, т.е. поставить вопрос об «идентичности учителя», о его профессионально-личностной целостности. Ясно, что идентичность «ментор» — не самая желанная. Едва ли вызовет восторги и идентичность «командир». А вот идентичности типа «модератор», «навигатор», «интерлокер», «старший друг», «третейский судья», «философ», «эстет», «эрудит», «стилист», «блогер-предметник», «душа компании» и даже «сорванец» (не говоря уже об их сочетаниях), вероятно, пригодятся современному учителю.

Но очевидно и другое — диктовка подобных компетенций «сверху» (через так называемые ГОСы и их императивные требования) нереальна. В формировании идентичности (личностно-профессиональной целостности) учителя все должна решать академическая свобода и креативность вуза, а также внутрипрофессиональные

стандарты, формулируемые самим сообществом педагогов и педагогической наукой.

Между тем, события в сфере образования пока развиваются так, что чем больше говорится и пишется о «компетентностной парадигме» образования, тем быстрее разбухают «дескрипторы компетенций и компетентностей» [11], сильно напоминающие приснопамятные ЗУНы — знания, умения, навыки, низводящие профессию учителя до тривиального и докучливого транслятора знаний. Не потому ли это происходит, что теоретические принципы гуманитарных технологий, в том числе и технологий формирования компетенций и компетентностей, пока остаются вне центра внимания теоретиков и стратегов образования?

Сфера образования, будучи глобальной системой актуализации, селекции и трансляции социального опыта во всей ее полноте, объективно подвержена влиянию вызовов и трендов эпохи, ее знаковых идей и культурной лексики. Ныне едва ли не знаменем времени стало неуклонное расширение дискурсивного пространства категории «идентичность». Она, объемля широкий спектр эмпирического материала и смысловых ассоциаций (от когнитивно-гносеологических до социально-поведенческих), как нельзя лучше выражает изменчивость и динамизм бытия в эпоху сложных и множественных пересечений культур, всюду и везде погружающих человека в безграничный мир различий (идей, вещей, культур, поведенческих схем и ценностей), превращая, таким образом, акт распознавания по схеме «различие-сходство» (т.е. оперирование идентичностью) в ключевой вопрос адаптации человека к современным условиям бытия. В этом контексте самой массовой формой ГТ является управление социально-культурной идентичностью человека — посредством привлекательного преподнесения (предъявления) таких типов социальности, форм поведения, способов и структур вещного и духовного потребления, с которыми человек готов себя соотнести и отождествить. Именно этим и занимаются в сферах самого массового производства и самого активного применения ГТ — в политике и образовании, лишняя раз демонстрируя операторную эффективность идентичности в конструировании и применении гуманитарных технологий.

6. ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК МЕТОД ПРОЕКТИРОВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Уточним сразу — речь идет о педагогических технологиях «понимания», «объяснения» и «интерпретации», «мотивирования» к выбору и действиям, к само-соотнесению или самоопределению, которые нами отчасти уже затрагивались в предыдущем параграфе.

Гуманитарные технологии, как известно, специфичны тем, что они не детерминированы, не поддаются непосредственному управлению и могут быть выстроены лишь от мотиваций человека — его экзистенциальных потребностей и актуальных запросов, мировоззренческих, поведенческих и ценностных ориентиров. В этом контексте гуманитарные технологии можно понимать как попытку вызвать, отталкиваясь от мотиваций, такой акт действия, поведения или выбора человека (т.е. объекта и операнда ГТ), в котором по каким-то причинам заинтересован автор (или заказчик) гуманитарных технологий. А это осуществимо только в когнитивных и интересубъективных формах социальной коммуникации, т.е. в процессах обращения знания и смыслов в социуме, а точнее — в процессах их восприятия и интерпретации человеком.

Но как уже неоднократно подчеркивалось, успешность ГТ зависит, прежде всего, от конкретной формы знания, положенного в основание технологии. Теоретически (потенциально) любая форма социально-гуманитарного знания пригодна для гуманитарных технологий, поскольку обращена к внутреннему миру человека, к его мотивационным и ценностным установкам. Однако в реальности, как показывает опыт (прежде всего, опыт глобального рынка коммерческой рекламы), пригодными для ГТ оказываются лишь такие формы знания и способы его построения, которые либо несут необычные (парадоксальные, притягательные) смыслы, либо пробуждают в человеке яркие эмоции и острые ощущения (привносят в его существование «моменты озарения», «открытия»), подталкивая его к действиям и выбору, намеренным создателями гуманитарных технологий.

Операторное действие категории «идентичность» отчасти строится именно на этих принципах: умело поданные необычные формы

и типы идентичности «активируют» человека и подводят его к таким действиям и такому выбору, которые заранее запланированы в ГТ. Соответственно, проектирование гуманитарных (педагогических, в частности) технологий в этом смысле сводится к созданию, конструированию и легитимации идентичностей (предметов, процессов, связей-отношений, смыслов, жанров, дидактических единиц, тематических проблем, инновационных трендов, моды, товаров).

Однако у отношений идентичности и ГТ есть и другой аспект, а именно, типология идентичности. Дело в том, что типологизация идентичности сама по себе способна выявить новые ракурсы этих отношений, поскольку идентичность, будучи мерой тождества (порядка и регулярности), являет собой конкретную количественно-качественную, пространственно-временную, структурно-процессную и функциональную определенность объекта, предмета. Уже по этой причине типологизация идентичности (идей, образов, смыслов, жанров, ситуаций, компетенций) одновременно порождает и способ проектирования гуманитарных технологий. Более того — подобный способ создания ГТ является едва ли не главным в сфере педагогики. Примеры тому уже приводились, но мы намерены расширить их круг в рамках данного параграфа. Однако для этого надо вновь вернуться к типологии идентичности и к ее особенностям.

Как известно, цель и предназначение любой типологии заключается в упорядочении наличного (заданного) многообразия объектов (вещей, идей, смыслов, знаков) на основе неких идеально-типических построений, моделей, схем, т.е. «типов». При этом в зависимости от способа построения различают два модуса типологии — эмпирическую (типы в этом случае являются результатом обобщения опытных данных) и теоретическую, базирующуюся на мысленном конструировании типов как идеальных объектов. Особенности идентичности (о них уже говорилось) таковы, что ее типологизация требует сочетания указанных методов; эти же особенности диктуют и набор ключевых критериев построения типологии. А главная особенность идентичности состоит в том, что она являет собой некую форму определенности и регулярности бытия (и в бытии), а именно — самотождественность объекта или его тождественность некоему образцу (типу, модели, образу). При этом, тип регулярности, фиксируемой идентичностью, отличается от прочих

(скажем — от симметрии, от закона или количественной закономерности) набором следующих специфических черт: отсутствием жесткой детерминации, размытостью (абберацией) отображаемых связей-отношений и широкой подвижностью границ их существования, а также значительной мерой условности отображаемой регулярности, поскольку идентичность нечто может быть задана, означена конвенционально — в типах, моделях, образцах, стереотипах.

К тому же, идентичность, будучи категорией, т.е. формой предикации (описания, выражения, репрезентации) бытия, соотносена с конкретными референтами.

С учетом этих обстоятельств за отправную точку типологизации резонно брать объектный мир (мир референтов), с которым понятие «идентичность» соотносится. Тогда речь может (и должна) идти о следующих типах идентичности:

- социальная (которая включает такие формы идентичности, как: социетальная, политическая, культурная, профессиональная, религиозная, сетевая, клубная, корпоративная, а также идентичности малых групп);
- социоприродная (геополитическая, цивилизационная, гендерная, возрастная, квир-идентичность);
- природная (идентичность рода, вида, экосистемы, географического пространства, популяции, геологического образования, минерала, «темной материи», «темной энергии», сверхновой звезды);
- ментальная (логико-математические конструкции и модели, мода, парадигмы науки и художественного творчества, политико-идеологические нарративы, бренды и др.);
- артефактная (идентичность видов техники, предметов культуры, объектов социальной инфраструктуры и ее элементов);
- виртуальной реальности (импрессионная, коммуникативная).

Получается так, что типология идентичности фактически создает новый фундамент для педагогических технологий — для формирования дидактических единиц и объяснительных принципов в рамках той или иной предметной дисциплины или межпредметных областей познания. При этом, как выясняется, объяснительные схемы и принципы, порождаемые типологизацией идентичности, порой существенным образом расходятся с общепринятыми, расхожими.

Например, в сложившейся дискурсивной практике понятие «идентичность» соотносится лишь с социальными феноменами — с культурой, этносом, политикой, религией, с малыми группами и субкультурами. А такие типы идентичности как природная и социоприродная, пока вообще не находят применения в когнитивной сфере и образовательной практике (т.е. в педагогических технологиях), в то время как идентификация, т.е. проявление и удостоверение идентичности минерала, кристалла, экологической системы всегда были и остаются актуальным предметом (и не простой проблемой) научного познания и процесса обучения.

А что касается проблемы «идентичность материи», она становится одной из ключевых в современной физике, хотя категория «идентичность» пока еще не стала частью научного языка физики и методики ее преподавания.

И еще — в лексике культурологии и педагогики пока нет такой дефиниции как «форма ментальной идентичности», хотя установление идентичности жанра художественного творчества (прозы, поэзии, песни, танца) или прояснение идентичности становящейся парадигмы образования — это широко практикуемые формы и способы познания и педагогического дискурса, а значит — формы (варианты) гуманитарных технологий.

В целом же, в реальной действительности доминирует многообразие объектов природы, социально-природного (общество, этнос) и ментального (теория, научная парадигма, мода) миров, требуя адекватного понимания, убедительного объяснения и корректной интерпретации, а точнее — включения в арсенал методов научного познания и педагогической практики, и педагогических технологий. Но это возможно только посредством маркирующего и идентифицирующего потенциала философско-культурологической категории «идентичность».

А пока, увы, едва ли не в рамках каждой науки встречаются серьезные ошибки, связанные с игнорированием типологии идентичности в качестве основания когнитивных и педагогических технологий. Например, в дискурсах культурологии, социологии и политологии к формам социальной идентичности, — наряду с политической, культурной, религиозной и субкультурной, — почему-то относят геополитическую, цивилизационную, этниче-

скую, гендерную и возрастную формы идентичности. Достаточно обратиться к приведенной типологии идентичности, чтобы убедиться, что это — грубая ошибка. На самом деле геополитическая, цивилизационная, этническая, гендерная и возрастная формы идентичности относятся к социо-природному типу идентичности, поскольку за перечисленными формами идентичности в качестве референта стоят не только механизмы и формы социальных связей-отношений, но природные факторы. Ведь в основании социальных форм идентичности лежат только факторы ментального и символического характера (плана), в то время как основанием для идентификации этноса, цивилизации или же гендерной идентичности (т.е. социально-природных форм идентичности) служат не только факторы ментально-символического плана, но и природно-биологического характера.

Таким образом, процесс разработки системной типологии идентичности порождает новые когнитивные, познавательные, объяснительные механизмы и формы педагогических технологий, расширяя, таким образом, арсенал методов научного познания и педагогической деятельности.

Спектр педагогических технологий, который может быть выстроен (спроектирован) с опорой на приведенную типологию идентичности, разумеется, не исчерпывается приведенными примерами. В этом плане особенно актуально обращение к потенциалу типологии идентичности при конструировании педагогических (т.е. объяснительных, интерпретационных, иллюстративных, аргументативных) технологий, когда речь идет о ментальных, артефактных, виртуальных и социетальных формах сущности, поскольку они отличаются многообразием и тонкостью граней, требуя опоры на дифференцирующий арсенал маркеров, паттернов и фреймов, выражающих идентичность указанных сущностей.

Однако потенциал типологии идентичности в порождении педагогических технологий и этим не исчерпывается.

Как уже отмечалось, идентичность, как и любой объект познания, являет собой некое системное образование (целостную совокупность) признаков, свойств, связей-отношений, паттернов, фреймов и пр. Соответственно, в ее типологии, помимо уже указанных, должен быть учтен также и тип системности иден-

тичности, т.е. ее иерархичность или референциальность. А это, в свою очередь, открывает новые когнитивные и гуманитарно-технологические горизонты и ресурсы, новые спектры педагогических технологий, которые пока в наших дискурсах о ГТ вообще не затрагиваются. Например, есть все основания полагать, что социальная идентичность «массового человека», будучи крайне сложной и многокомпонентной системой разнородных элементов (маркеров, паттернов, фреймов), скорее, носит референциальный характер. А значит, и управлять ею возможно не методами «прямого давления», а посредством изменения (корректировки) базовых факторов, оказывающих влияние на социальную идентичность (т.е. посредством изменений социально-политических, экономических, правовых и культурных условий жизни человека). Между тем, у нас пока широко распространены идеи, унаследованные из советского прошлого и всерьез уповающие на прямые властные воздействия (или же на принуждающее воздействие нормативного арсенала религии, морали, образовательных учреждений) на социум и человека в целях формирования социальной идентичности. В этом плане особенно активна политология, наступательно продвигающая идеи и технологии конструирования, в частности, национальной идентичности — при том, заметим, что конструктивистская решимость явно превалирует над степенью научной проясненности данной проблемы [12]. Так, в книге, посвященной вопросам формирования российской национальной идентичности и адресованной широкой педагогической аудитории, не только обойден весь комплекс вопросов о структуре и системности социальной идентичности, но напористо проводится и своеобразная идея о путях ее формирования, которую можно понимать так: при наличии государства и твердой руки власти из любого конгломерата (социального, этнического и культурного) родится нация [13]. Ошибочность и опасность подобных позиций очевидна.

И еще. Коль скоро идентичность — это система (системная целостность), правомерно, распространение на нее и общепринятых критериев типологизации систем. В этом смысле правомерно выделение, например, гетерогенного и гомогенного типов идентичности. Тогда станет очевидным еще одно обстоятельство, еще одна грань рассматриваемых сущностей. В частности, то обстоя-

тельство, что этническая идентичность, которая включает в себя не только духовно-ментальные формы (язык, психотипы индивида, архетипы культуры, стереотипы поведения), но и факторы материально-вещественного плана (расово-биологические, хозяйственно-экономические, артефактные) является гетерогенной, в то время как ментальные типы идентичности (религиозная или политическая, например) гомогенны. Из этого следует принципиально важное для науки и образования заключение: реальные соотношения типов и форм социальной идентичности куда сложнее, чем это сегодня подается в учебниках, монографиях и в современных социологических и политологических дискурсах. Так, проблема методов конструирования педагогических технологий оборачивается в проблему качества образования и эффективности методов научно-гуманитарного познания.

Все это лишь подтверждает исходный тезис данного параграфа — рациональное усилие по развитию типологии идентичности порождает новые когнитивные и педагогические технологии, позволяющие глубже проникнуть в суть познаваемых объектов, преодолевая заодно устаревшие научные представления и педагогические приемы.

Обратимся к примерам — в порядке иллюстрации к этому тезису. Так, в социологии распространено представление, что социальная (коллективная) идентичность и персональная (личностная) идентичность находятся в неких уровневых отношениях, т.е. якобы этническая, региональная и национальная формы социальной идентичности образуют «слоеный пирог» [14]. Из подобных представлений делается и другой вывод — вывод о том, что типы коллективной и персональной социальной идентичности якобы взаимно друг друга определяют. Но если учитывать референциальный характер идентичности, а также очевидные различия в субстанциональных основаниях персональной (она всегда гетерогенна) и коллективной (как правило, гомогенной), понятно, что эти формы идентичности едва ли могут находиться в уровневых отношениях в виде «слоеного пирога», а тем более — определять друг друга однозначно. Здесь, судя по всему, имеют место далеко не однозначные и не детерминированные отношения референциально-динамического характера.

Однако когнитивный и гуманитарно-технологический потенциал типологии идентичности и этим не исчерпывается — необходимо учесть также влияние контекстного фактора, поскольку он в структуре идентичности занимает существенное место. При этом, как показано на предшествующих этапах анализа, по характеру (степени) зависимости от контекстного фактора могут быть выделены следующие типы социальной идентичности:

- контекстно-индифферентная (религиозная, например);
- контекстно-зависимая (культурная идентичность);
- контекстно-обусловленная (коммуникативная идентичность).

Эти детали и нюансы пока, увы, остаются за пределами гуманитарного познания (культурологического тоже) и педагогического процесса, а также их объяснительных схем, принципов, технологий.

Уже приведенный, разумеется, не претендующий на исчерпывающий характер анализ, показывает, что оперирование категорией «идентичность», в частности — типологизация идентичности, открывает принципиально новые формы и механизмы объяснения, понимания и интерпретации реальной социально-культурной действительности, новые подходы к дидактической организации учебного материала.

Подобная «продуктивность» категории идентичность в системе гуманитарных технологий обусловлена не только ее операциональностью (в частности, обширностью ее типологии), но и тем, что смысловое поле идентичности соотносено с процессами референций психических процессов, культурных смыслов и семиотических форм в когнитивной деятельности человека, а также в интересующих отношениях людей (в том числе, и в педагогических процессах).

И в заключение. Педагогические технологии особенно характерны тем, что именно в них структура ГТ представлена в наиболее полной форме, поскольку они включают:

- развертку знаний (знаний педагога, в частности) в фреймы, пакеты и ряды знаково-символической информации (в речь, презентации, дидактические единицы);
- трансляцию сформированного набора (под тему, проблему) информации обучаемому (целевой аудитории);

- акцентирование в ходе этой трансляции внимания обучаемого или целевой аудитории на узловые смыслы и идеи транслируемого знания означиванием (подачей) их идентичности;
- само-соотнесение обучаемого с идентичностями предъявленных смыслов и идей;
- «выбор приемлемого» (смыслов, идей, знаний, стратегий поведения и действий и включение их в систему своих знаний и компетенций).

Однако не все ГТ имеют подобную многосоставную структуру. В частности, наиболее распространенный тип ГТ, — рекламные технологии, — обходятся, как правило, трансляцией эффективно сформированного набора информации целевой аудитории с акцентированием внимания целевой (или же массовой) аудитории на «идентичность нечто» (рекламируемой вещи, идеи, выбора) и на исключительный характер этой идентичности.

Педагогическая технология (ПТ) отличается от прочих форм ГТ еще одним принципиально важным обстоятельством — она базируется на коммуникации нормативного типа, непременно предполагающего солидарность и общность коммуницирующих, что, так или иначе, содействует продвижению целей и установок ПТ. А политические и рекламные технологии, напротив, замкнуты на коммуникацию инструментального типа, ориентированного на ничем не ограничиваемую манипуляцию сознанием объекта технологии — индивида, целевой группы или же массовой аудитории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ракитов А.И. Прологомены к идее технологии // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 3-15.
2. Розин В.М. Технология // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 65.
3. Юдин Б.Г. Наука и жизнь в контексте современных технологий // Человек. 2005. № 6. С. 6-27.
4. Валицкая А.П. Нравственно-эстетические универсалии культуры и гуманитарные технологии // Вестник Герценовского университета. 2008. № 3. С. 41-49.

5. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. 432 с.
6. Нариньяни А.С. Между эволюцией и современными технологиями: человек ближайшего будущего // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 3-18.
7. Емелин В.А. Самоидентификация как познание: к логическому и социально-психологическому контексту ментальных самопрезентаций // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 165-180.
8. Тхагапосев Х.Г. Идентичность как философская категория и мера социального бытия // Философские науки. 2011. № 1 (специальный выпуск). С. 10-26.
9. Шкурко А.В. Анализ ситуаций и проблема компетентности // Эпистемология и философия науки. 2007. № 1, С. 112-123.
10. Тхагапосев Х.Г. Компетентностное образование: к проблеме воплощения // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 71-76.
11. Роботова А.С. Об особенностях современного научно-педагогического дискурса // Высшее образование в России. 2011. № 7. С. 9-19.
12. Малинова О.Ю. Конструирование идентичности: возможности и ограничения // Pro et Contra. 2007. № 3 (37). С. 60-65.
13. Тишков В.А. Российский народ. М.: Просвещение, 2010. 191 с.
14. Жаде З.А., Куква Е.С., Шадже А.Ю. Многоуровневая идентичность. Майкоп: Качество, 2006. 245 с.
- 15.

IV. КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССАХ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Итак, гуманитарная технология являет собой «игру» выстроенную на отношениях знания, знаково-символической формы информации и операторного потенциала категории «идентичность». При этом ГТ непременно включает в себя саму массовую форму когнитивной технологии, а именно: извлечение знания из потоков информации, но не сводится к этому, поскольку включает еще ряд процессов, в том числе — операторное действие «идентичности нечто» на сознание человека. В этом контексте встает вопрос о роли и месте идентичности в познавательных процессах.

Прояснению этого вопроса посвящен данный раздел дискурса, хотя он в той или иной форме затрагивался уже неоднократно. В частности, мы уже подчеркивали, что любой познающий субъект, приступая к изучению некоего объекта, заранее предполагает общий образ этого объекта и состава его свойств, т.е. его идентичность. Но дело в том, что на эту роль, т.е. на роль пред-посылочного знания, заключающего в себе некий общий образ объекта познания претендует и такая форма научного знания как «объектная картина мира» (картина физического или социального мира, возможно — «картина мира культуры»). Чем же тогда идентичность характерна, принципиально отличается от «картины мира», выступая как форма пред-посылочного знания?

Мы уже обращали внимание на то обстоятельство, что идентичность в повседневности человека выступает как фильтр и селектор обыденно-практического знания. Но переносимо ли это на мир научного знания и процессы научного познания? Этим вопросам посвящен данный раздел.

Когнитивный аспект, как известно, в ГТ присутствует всегда, что называется — неустрашимым образом, хотя роль и значимость

этого аспекта в той или иной гуманитарной технологии, разумеется, зависит от типа и формы ГТ, а также от целей и сферы ее применения. Обратимся к примерам. Несколько упрощая ситуацию можно утверждать: когнитивная нагруженность большинства политических технологий скорее минимальна, поскольку их цель заключается в том, чтобы выдать узкие классовые и корпоративные интересы за общенациональные и привлечь в поддержку «побольше электората». Напротив, для педагогических технологий когнитивная эффективность является идеалом, она должна быть максимально высокой. А что касается научного познания, когнитивный аспект ГТ является доминантным и самодовлеющим. В этом смысле соотношение когнитивного потенциала идентичности с процессами социально-гуманитарного познания (т.е. выяснение роли и места категории «идентичность» в научном познании), можно рассматривать и как самостоятельную научно-методологическую проблему, и как аспект проблематики ГТ, неразрывно связанных с процессами познания.

Научное знание, как известно, универсально в том смысле, что оно, независимо от предметности (конкретного предметного содержания) строится на основе относительно небольшого круга универсальных форм — «понятие», «научный факт», «научная проблема» «гипотеза», «закон», «теория», «научная картина мира (объектного мира)», «парадигма», «ризома», «нарратив». Но дело в том, что большинство из перечисленных форм существования научного знания исторически сложилось в рамках естествознания и наиболее адекватным образом выражает когнитивные и эпистемологические потребности «точных наук».

В этом смысле неудивительно, что в гуманитарных науках перечисленные универсальные формы существования знания приходится дополнять целым рядом специфических форм — «миф», «образ», «тип», «концепт» и пр. В этом ряду явно напрашивается и такая форма предикации бытия как «идентичность», объединяющая и интегрирующая в себе «когнитивное» и «ценностное», объективное и субъективное.

Мы намерены это продемонстрировать, прежде всего, на примерах культурологии (культурологического познания), которая весьма интенсивно развивается в постсоветской России, испытывая все «проблемы роста» (методологические — прежде всего).

1. О КОГНИТИВНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ «НЕДОСТАТОЧНОСТИ» КУЛЬТУРОЛОГИИ

Поскольку путь к теоретическому познанию объекта любой природы (а культурология, разумеется, претендует на статус теоретической науки), как известно, пролегает через абстрагирование, идеализацию и формализацию этого объекта, культурологическое познание тоже в меру сил и возможностей следует по этому общему пути. При этом на арене культурологии доминируют два варианта формализации культуры, соответственно — два типа ее концептуализации:

- культура как совокупность над-биологических форм активности и результат этой активности, что восходит к идеям Л. Уайта и Э.С. Маркаряна [1], получившим обоснование в рамках системно-деятельностной теории культуры М.С. Кагана [2], а в последние годы интенсивно разрабатывается в системно-синергетических и культурно-цивилизационных теориях В.С. Степина [3];
- культура как информационно-семиотическая система, что восходит к идеям А. Моля и А.С. Кармина [4].

Если иметь в виду, что цель абстрагирования и формализации в процессах познания состоит в такой схематизации объекта, которая позволила бы использовать эффективные методы научного познания на данном историческом этапе развития науки, очевидна перспективность информационно-семиотической модели культуры. Она, что принципиально важно, не противоречит деятельностной теории и способна содержательно ее дополнить (ведь деятельность невозможна без информационного обеспечения, а бытие информации — вне деятельности человека).

Однако становление (формирование) культурологической науки, в том числе и информационно-семиотической теории культуры, имеет ряд аспектов, в числе которых: вопросы формирования языка (научной лексики) и спектра идеальных объектов и форм, т.е. когнитивно-гносеологического арсенала. Увы, здесь проблем много, и надо искать пути их решения.

Обратимся, прежде всего, к языку дефиниций современной отечественной культурологии — в нем аккумулированы формы, спо-

собы, механизмы и когнитивные средства культурологического познания.

Кто хоть в какой-то мере знаком с весьма внушительным массивом культурологических текстов, родившихся в последние десятилетия, без труда обнаружит в языке нашей российской культурологии целый ряд слабо стыкующихся языковых систем и наслоений, принадлежащих разным историческим эпохам и научно-философским парадигмам. В их числе — метафизический язык классической философии, эзотерический язык русской софиологии, метафорический язык искусствознания, натуралистический язык позитивистской методологии научного познания и, конечно же, язык постмодернизма — «деконструкций» всего и вся в культуре и бытии человека.

Более того, часть наших культурологов, по сути, работая в режиме «догоняющей модернизации», использует языки былых парадигм европейской культурологии — структурализма, функционализма, культурной антропологии, символического интеракционизма и др.

Обрисованная ситуация языковой, а значит — и когнитивной бессистемности российской культурологии отчасти имеет причины «внешнего порядка»: сложность объекта по имени «культура», методологический плюрализм в современной науке, историчность культурологического познания и неизбежно вытекающие отсюда «когнитивные напластования».

Однако, когда речь идет о науке и научном познании, язык перестает быть чем-то внешним, произвольным и «вспомогательным» по отношению к знанию и методам его выработки. Напротив, язык науки определяет (конструирует) характер производимых знаний, направленность познания, а также возможные формы организации и построения знания. Соответственно, он (язык науки) должен быть подчинен неким нормативным требованиям.

Но самое главное в том, что именно язык науки служит intersубъективным основанием профессиональной деятельности научного сообщества, а значит — он должен быть ориентирован на формирование общего intersубъективного основания коммуникации научного сообщества (российских культурологов). В науке в целом, как известно, это достигается, прежде всего, за счет использования универсального языка математики, а также формирования и раз-

вития целого ряда функционально специализированных когнитивных средств, так называемых языков науки [5]. Речь, в частности, идет о таких языках, как ассерторический (язык утвердительных суждений, понятий, терминов, категорий), процедурный (язык измерений, сравнений, ранжирования, классификации), модальный (язык отношений, концептов, моделей), эретический (язык постановки задач, формулирования проблем), эвристический (язык метафор и аналогий) и аксиологический (язык оценочных позиций и ценностных мер).

Справедливости ради заметим, что в арсенале культурологии содержатся некие формы и варианты почти всех приведенных языков науки; особенно развит язык метафор и аксиологии. В итоге получается такое «языковое пространство», где фактически параллельно обитают эмоционально-метафорический язык импровизационной герменевтики искусствоведения, эзотерический язык отечественной софиологии и язык «деконструкции всех смыслов и форм» постмодернизма, что едва ли создает общие и надежные интерессубъективные основания для рациональной и аргументированной коммуникации научного сообщества культурологов, а значит — и успешного развития культурологической науки.

В обрисованном контексте вполне очевидно, что развитие культурологии означает, прежде всего, формирование и развитие ее когнитивных средств и специализированного языка. Но поскольку речь идет об информационно-семиотической теории культуры, серьезного внимания заслуживают, — прежде всего, — когнитивные формы и познавательные конструкты, способные агрегировать и синтезировать смыслы теории информации с формами и механизмами бытия культуры. К числу таких когнитивно-гносеологических форм относится идентичность.

2. ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОГНИТИВНОЙ СИСТЕМЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Категория «идентичность», как показано на предшествующих этапах нашего анализа, соотносима с любой формой бытия — от универсальных и формализованных логико-математических форм (конструкций), до уникальных культурных феноменов и спонтанных форм самоощущения конкретного человека. Но при этом идентичность обретает конкретное, типизирующее и индивидуализирующее содержание, лишь только будучи соотнесена с той или иной предметной сферой бытия, культуры и познания. Так, касаясь объектных миров (природных, социально-культурных, ментальных), идентичность выражает ту целостную совокупность признаков, черт и граней, что создает и выражает типическую индивидуальность данного конкретного объекта. Касаясь же сложнейших сфер внутреннего мира человека, социальных отношений, культуры и психических процессов, отражает и репрезентирует уникально-типизирующие черты «внутреннего само-стояния» человека посредством их внешних символизаций. К тому же, идентичность, выражает не только (и не столько) черты, признаки, связи-отношения объектов и субъектов, но и то, как все это воспринимается и интерпретируется субъектами познания.

Таким образом, идентичность как когнитивная форма фактически агрегирует и синтезирует означающее и означаемое, символизируемое и символизирующее, субъектное и интерессубъективное, что более всего характерно именно для смыслов культуры и культурологического знания.

Однако самая главная особенность идентичности, как когнитивной формы, состоит в том, что она (идентичность) являет собой форму определенности и регулярности бытия (и в бытии) — меру бытия. При этом тип регулярности, фиксируемой идентичностью, отличается от прочих (скажем — от закона) рядом специфических черт: отсутствием жесткой детерминации, т.е. размытостью (абerrацией) отображаемых связей-отношений и широкой подвижностью границ их существования, а также значительной мерой условности отображаемой регулярности (в неких конвенционально

заданных образцах, примерах, эталонах, моделях). В этом смысле идентичность как форма выражения регулярности, можно сказать, идеальна, когда речь идет об объектах (референтах), которые содержат моменты как устойчивости, так и изменчивости, что весьма характерно для социального и культурного бытия.

Например, социальная идентичность, будучи системной совокупностью социетальной, культурной, профессиональной, политической, религиозной и прочих форм идентичности, выражает, прежде всего, спонтанно изменчивое единство необъятного спектра социальных ролей, типов социальной и культурной субъектности, видов и форм общения и деятельности, в которые погружен человек. Однако социальная идентичность включает в себя и такие весьма устойчивые компоненты как этничность, расовые, половозрастные и гендерные признаки (маркеры, паттерны). Но это сложное сочетание «схватывается» и отображается в категории «социальная идентичность». Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к приведенной выше типологии идентичности, в рамках которой семейственный тип «социальная идентичность» синтезирует в себе множество измерений человека.

Что касается культурной идентичности человека, она, судя по фактам, практически лишена неизменных и статичных аспектов (компонентов).

Так, если подходить с позиции информационно-семиотической теории, культурная идентичность может (и должна) отображать не что иное, как формы проявления в жизни человека механизмов и способов бытия информации, т.е. калейдоскоп смыслов и фреймов (когнитивных структур, пакетов социальной информации и информационно-коммуникативных отношений в социальных сетях, в повседневности) и вереницу паттернов, т.е. принципов, образцов, моделей и схем поведения, транслируемых в бесконечных информационных потоках. Поясним, как это понимать.

Дело в том, что термин «фрейм» используется не только в теории информации, но и в лингвистике, где под фреймом понимают языковые структуры, «управляющие коллективными и индивидуальными процессами понимания и коммуникации» [6], т.е. ту самую условную социальную информацию, к формам которой относится и идентичность. Таким образом, категория идентичность оказыва-

ется непосредственно соотнесенной с бытием человека не только с позиции теории социальной информации, но и в рамках представлений лингвистической науки, являющей собой один из ключевых аспектов теоретической культурологии (в частности, в форме лингвокультурологии — в ее идеях, принципах, представлениях).

В свою очередь, дефиниция «паттерн» и его смыслы соотнесены с психологией и антропологией [7]. Если учитывать эти обстоятельства, «идентичность» как когнитивная форма «прокладывает мосты» между социологией (формами и способами социального бытия), культурологией (формами субъектности в культуре), психологией и теорией информации, выражая как нельзя лучше коммуникативно-интеракционную природу социально-гуманитарного познания. Но самое главное заключается в том, что учет изложенных обстоятельств открывает путь к расширению и наращиванию научно-лексического арсенала культурологии, а значит — путь к росту ее когнитивно-методологического потенциала, а в конечном итоге — к развитию культурологической науки. Далее мы проиллюстрируем это на конкретных примерах.

3. ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СПОСОБ И МЕХАНИЗМ ПОЗНАНИЯ СУБЪЕКТА КУЛЬТУРЫ

До сих пор нами не затрагивался вопрос о субъекте культуры, в то время как любая гуманитарная наука (культурология тоже) является, прежде всего, учением о субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношениях.

По сложившейся традиции социальный субъект (в том числе и субъект культуры) ассоциируется с активно-деятельным началом (деятельностью). Соответственно, социальную идентичность, как правило, увязывают с различными формами деятельности (менеджера, фермера, политолога, аниматора, музыканта). Однако, когда речь идет о субъектности человека в культуре, ситуация иная. Здесь явно просматривается два типа субъекта: деятельно-творческий (субъектность «творца» культуры) и агентивно-акторский

(субъектность «потребителя» культуры). Понятно, что субъектом культуры в классическом понимании является лишь та небольшая часть социума, которая творит культуру — создает новые культурные смыслы, ценности, нормы, формы, уникальные артефакты. Основная же масса людей с культурой пребывает, главным образом, в агентивных и акторских отношениях, предполагающих скорее пользование ею (культурой) и владение ее формами или их потребление, что находит отражение в культурной идентичности человека и ее возможных модусах. Как это понимать?

Как уже подчеркивалось, началом и истоком, порождающим тип социальной идентичности, является субъект, а точнее — атрибутивные характеристики и вектор активности субъекта, а также пространство приложения этой активности. Именно на этом основании выделяют такие типы социальной идентичности, как этническая, политическая, религиозная, профессиональная, социетальная, гражданская и т.д. Но когда речь идет о культурной идентичности, субъектность, как уже отмечалось, является порождающим началом только в отношении «субъекта-деятеля», т.е. художника, литератора, музыканта, архитектора, актера, деятеля кино/тетра/музея, являющих типы или модусы (типические формы) культурной идентичности.

Что касается культурной идентичности «рядового» и «массового» человека, она может быть определена (и определяется в реальности) лишь с предикатом, фиксирующим отсутствие у него объектной детерминации деятельности. В итоге мы имеем такие типы культурной идентичности, как «знаток», «любитель», «поклонник», «фанат» (культуры, музыки, театра, кино, живописи и чего еще угодно), которые описываются, как видим, не в логике деятельности, а в логике когнитивистики, а точнее — в логике и дискурсе идентификации вектора ориентации «агент и актор в культуре» [8]. Так, подход через призму идентичности позволяет детальнее, дифференцированно отражать реально сущий спектр субъектности человека в культуре, по отношению к культуре.

Продemonстрированная выше функциональная значимость категории «идентичность» в объяснительной системе социально-гуманитарных наук (в политологии, социологии, культурологии) обусловлена тем, что смысловое поле категории «идентичность» соотносено, как уже неоднократно подчеркивалось, с процессами

когнитивной референции психических процессов, культурных смыслов и семиотических форм, т.е. с процессами «облачения» мыслей и чувств в конкретные культурные формы и феномены.

В этом контексте апеллирование к формам культуры (к культурным формам) и их соотношение с идентичностью может и должно стать способом повышения функциональности категории идентичность в процессах культурологического познания. Но необходимо сначала уточнить, что такое «культурная форма», поскольку здесь существуют разночтения.

4. КУЛЬТУРНАЯ ФОРМА КАК МЕРА КУЛЬТУРЫ И ПРИНЦИП ЕЕ ПОЗНАНИЯ

Уточним еще раз: речь идет об информационно-семиотической теории, которая интерпретирует культуру как информационную сторону социального бытия, выражающую лишь один из аспектов жизнедеятельности человека, а именно — информационный (наряду с биологическим, социальным, научно-технологическим аспектами), и о методологическом арсенале этой теории. С этих исходных позиций будет анализироваться смысловое содержание дефиниции «культурная форма».

Заметим, категория «культурная форма» не нова; она используется в культурологических дискурсах давно, хотя, как показывает анализ, ее смысл и когнитивно-методологический статус пока еще не очерчены и не отрефлектированы должным образом, а апелляции к ней носят скорее спекулятивно-философский (мол «любой сущности присуща своя форма бытия»), а порой — и явно метафорический характер. Как попытку исправить эту ситуацию можно понимать усилия А.С. Кармина, направленные на конкретизацию идеи «культурная форма» [4, с. 203].

Однако предложенная им «физико-геометрическая модель», в рамках которой культурная форма предстает как трехмерная комбинация «знание — ценности — регулятивы», не получила развития в силу несоответствия типу и характеру сложности культуры.

Но, разумеется, это не отменяет правомерности идеи Кармина строить теорию культуры, отталкиваясь от понятийного конструкта и объяснительного принципа «культурная форма». Ведь любая теория являет собой систему конструктов мысли — абстракций, идеализаций, идей, схем, принципов, моделей, идеальных типов и объяснительных механизмов, что относится и к теории культуры. Проблема в данном случае заключается в том, что понимать под культурной формой, какой смысл вкладывать в это понятие (от чего и зависят когнитивные функции этого понятия в рамках культурологической науки).

Если подходить с формальных позиций, все здесь выглядит просто: культурная форма суть способ явления («внешняя оболочка») культуры, информационного бытия социума. Однако такое абстрактно-обобщенное понимание культурной формы неприемлемо по той причине, что лишено главного свойства познавательного конструкта — операциональности. Операциональность, уточним, в данном случае нами понимается как способность дефиниции дедуцироваться к реальным сущностям, стоящим за понятием «культурная форма» в качестве неких референтов. В этом плане модель А.С. Кармина, полагающая, что культурная форма суть комбинация трех элементов культуры (знания, ценностей и регулятивов), увы, являет собой крайность другого рода — редукционизм. Как преодолеть эти крайности и придать операциональность дефиниции «культурная форма»? Это возможно, как далее будет показано, если задействовать когнитивный и методологический потенциал идентичности.

Чтобы претендовать на когнитивный статус, понятие «культурная форма» должно, прежде всего, соотносываться с сущностью и специфическими особенностями самой культуры. А главная ее специфика, как известно, заключается в том, что «культурное» не сводится целиком к информации и к ее процессности (к «информационному») — в нем неустранимо присутствуют также психическое и социальное. Иначе говоря, все, что мы относим к культуре, рождается, функционирует и постоянно корректируется в зыбком и «ничейном» (в плане научного познания) «пространстве смежности» психологии, теории сознания, когнитивистики, теории информации, социологии, антропологии и общей теории систем (на генерализацию которого и претендует культурология в самом широком понимании «культуры»). Соответственно, при

конструировании понятия «культурная форма» должны быть приняты во внимание современные идеи и представления указанных наук. А это, в свою очередь, с необходимостью предполагает соотнесение смыслового поля понятия «культурная форма» с чрезвычайно сложными процессами референций психических процессов, информационных феноменов, семиотических систем, форм социальности (коммуникации, интеракции, познания и деятельности). Речь, таким образом, идет об отражении (репрезентации) процессов трансформации информационных потоков в мысли и чувства, а затем — «облачения» этих мыслей и чувств в семиотические формы и, наконец, о введении последних в мир социальных связей и действий, т.е. в интересубъективный оборот.

Если принять эту позицию, любая попытка сформировать, предложить, обосновать понятие «культурная форма» приводит к необходимости учета означенных выше (разумеется, пунктирно, в самых общих чертах) обширных горизонтов современных наук о человеке. Первый шаг в этом направлении — это детализация современных представлений теории сознания, когнитивистики, теории информации и теории систем, а также психологии, социологии, антропологии, культурологии.

Начнем с представлений о сознании и социальности, к которым, так или иначе, восходит все «культурное» (а значит — и смыслы культурной формы).

Наука, увы, пока еще далека от разгадки тайн сознания и его механизмов, особенно в плане перехода от физических процессов к знаково-символическим отношениям [9]. Однако активно разрабатываются такие трактовки сознания, которые напрямую соотнесены с сутью культуры и феноменом социальности, а именно — учения, интерпретирующие сознание как «многообразие различий, их различения, идентификации различенного» [10]. При этом подчеркивается, что в корреляции с миром сущих (с объективным миром) сознание преобразует различенное и идентифицированное в серии подвижных смысловых и ценностных иерархий, определяющих содержание индивидуального и интересубъективного опыта. Итак, как полагает современная наука, именно смысловые иерархии, определяющие, идентифицирующие, презентующие, систематизирующие и регулирующие социальный опыт, и являют собой культуру. Одна-

ко требует прояснения и другой аспект культурной формы, а именно: как «культурное» соотносится с «социальным» и социальностью.

У нас (в российской гуманитаристике), увы, все еще укоренено понимание социальности как коллективности. Однако в современной социологии (феноменологической, в частности) социальность понимается совсем иначе — как интерсубъективная смысловая структура, а точнее — как фабрика по производству смыслов и обмену смысловыми значениям в актах коммуникации и интеракции людей [11]. Иначе говоря, социальность возможна (социальность предстает и бытует) лишь как творение смыслов, т.е. творение культуры. В этом плане мы разделяем позицию тех культурологов, которые видят за культурой систему принципов «смыслообразования» и продуктов этого «смыслообразования» [12].

Хотя данное определение носит чрезмерно общий характер и по этой причине, увы, лишено операциональности, все же оно интересно и перспективно тем, что делает упор именно на смысл, соотнося с культурой «тайну рождения и бытия смысла». А смысл, как известно, являет собой меру отнесенности реальности и ее проявлений (процессов, фактов и знаков) к человеку. Соответственно, смысл обнаруживается и реально бытует лишь в общении (коммуникации) и деятельности человека, фундируя любые социальные действия. В учете изложенных обстоятельств кроется ключ к сути и смыслу культурной формы, а значит — и к методологии схематизации и интерпретации культуры на основе когнитивного потенциала дефиниции «культурная форма». При этом необходимо учитывать и информационную (информационно-семиотическую) сущность культуры.

Современная теория информации, как известно, весьма развита, а ее идеи, представления и понятийные конструкты проникают (или уже проникли) едва ли не во все социально-гуманитарные науки — в лингвистику и когнитивные науки, прежде всего. Характерен в этом плане термин «фрейм», что в информатике означает некий пакет информации, а в когнитивных науках манифестирует целый ряд смыслов: «когнитивная структура», «матрица возможных интерпретаций», «схема репрезентации объекта». Не отстает и лингвистика, которая трактует фрейм как лингвокультурный код или «не тематизированные структуры, свойственные данному языковому сообществу и управляющие как коллективными, так

и индивидуальными процессами понимания и коммуникации» [6, с. 37–41]. К тому же, фреймом (конкретным типом фрейма) может быть любая условная социальная информация, которая (как уже отмечалось), существует в виде системных кодов, операциональных символов и знаков, т.е. — в форме естественных языков, ритуалов, норм традиций, поведенческих моделей, обеспечивая возможность интерпретации текущей информации [13].

Но и всего этого недостаточно для прояснения сути культурной формы. Подходы к определению того, что есть «культурная форма», должны учитывать еще одно обстоятельство. Дело в том, что бытие смыслов в потоках социальной информации (а это возможно лишь на основе форм культуры) не является и не может быть самоцелью — оно сопряжено с фундированием действий человека: когнитивных, коммуникативных, экспрессивных, адаптивных, творческих и др. Таким образом, мы наталкиваемся на очередную специфику культуры — на психологический аспект ее бытия, иначе говоря — на завязанность культуры на мир эмоций, чувств, настроений, побудительных мотивов человека к действиям, без чего и сами действия лишены смысла или невозможны вовсе.

И еще одна деталь — культурная форма, претендующая быть когнитивной (познавательной) единицей культурологи, должна отражать двойственность культуры, одновременно являющей собой сложную информационно-семиотическую систему и мир психо-поведенческих форм.

Если учитывать все это, становится очевидно, что культурная форма может существовать лишь на основе фреймов (единиц социальной информации) и паттернов (элементарных мер психо-поведенческой активности человека). Таким образом культурная форма может быть определена как минимальный комплекс информационных фреймов и психо-поведенческих паттернов, характеризующийся собственной идентичностью, т.е. способностью поддаваться идентификации, а значит — к интерсубъективному бытию и к трансляции от человека к человеку.

Иначе говоря, культурная форма являет собой далее не делимый элемент («атом») культуры, который имеет собственную идентичность, обеспечивая таким образом, различение и различенность составных частей и элементов культуры и культурного бытия.

И самое главное — конституирующим основанием культурной формы является именно идентичность: ее смысловая, структурно-функциональная и психо-эмоциональная определенность (аутентичность).

Вот здесь мы подошли к главному вопросу — об операциональности предложенного определения культурной формы. Ведь любой конструкт познания оправдан лишь в той мере, в какой он продуктивен в процессах выработки знания и его применения, т.е. выводит на закономерности, порождает новые объяснительные механизмы, позволяет строить эффективные типологии и классификации, раскрывает технологический потенциал знания. Что можно сказать в этом плане в отношении познавательного конструкта «культурная форма»? Но, прежде чем перейдем к рассмотрению этого вопроса, заметим, что культурная форма понимается как «атом культуры» не только нами (см. работы А.Я. Флиера). Дело лишь в том, как понимается структура этого атома, и предполагается ли таковая структура вообще, без чего словосочетание «атом культуры», а значит и «культурная форма» превращается в метафору, лишаясь операциональности.

5. КУЛЬТУРНАЯ ФОРМА КАК ОСНОВА ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Для начала внесем ясность в типологию культурных форм. Идея «культурная форма» изначально предполагает ее элементарность (неделимость), а значит — остается лишь один критерий ее типологизации: функциональное назначение, функциональная направленность, векторность. Соответственно (т.е. по характеру выполняемой функции), можно выделить следующие типы культурных форм:

- эмотивные (формы выражения эмоций, «культуры экспрессий»);
- эготивные (формы культурной репрезентации Я и самоидентификации);
- коммуникативные (естественные языки, прочий символический мир);

- когнитивные (знание, формы и способы познания);
- регулятивные (социальные ценности, нормы, роли);
- медитативные (психотехника, обряды, ритуалы) [14].

Таков ряд (возможно, не исчерпывающий) простейших составных элементов, на основе которых способны строиться и бытовать (бытуют) реальные феномены культуры. И наоборот — любой феномен культуры, так или иначе, может быть редуцирован к указанным культурным формам (к «атомам культуры») и к их комбинациям, что, на наш взгляд, открывают принципиально новые горизонты развития научно фундированной теории культуры (культурологической науки), соответственно — новые когнитивные и эпистемологические перспективы для этой науки.

Однако главное в данном случае в другом — в приведенных типических модусах культурной формы, как нетрудно заметить, предстают составные элементы гуманитарных технологий, лишняя раз указывая и напоминая, что гуманитарные технологии вплетены во все формы активности человека, а когнитивный аспект (когнитивные формы) неустрашимым образом присутствует в большинстве гуманитарных технологий. В этом смысле любой мало-мальски обстоятельный дискурс в сфере познания выводит на проблематику гуманитарных технологий, а значит — и любые попытки развивать гуманитарные технологии неизбежно будут ставить нас перед новыми познавательными задачами, что пока не получило должного осознания в гуманитарных науках и соответствующего внимания на дискурсивной арене в отношении гуманитарных технологий.

И в заключение параграфа подчеркнем: особо пристального внимания, на наш взгляд, заслуживает то обстоятельство, что каждая культурная форма может стать основой для формирования определенного типа педагогической технологии (коммуникативной, интерпретационной, иллюстрационной, объяснительной, организационной) или основой педагогической стратегии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исакова Н.В. Культурологическое знание как система: основные этапы формирования // Мир культуры и культурология (выпуск I). СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 16-26.
2. Межуев В.М. Из истории отечественной культурологии: культура как деятельность // Там же, С. 117-131.
3. Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т 2. С. 341-347.
4. Кармин А.С. Культурология. СПб.: Лань, 2001. 830 с.
5. Гусев С.С. Язык науки // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 1197-1198.
6. Колшанский В.Г. Контекстная семантика. М.: ЛКИ, 2007. 155 с.
7. Павлова О.Н. Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности. М.: Идея-Пресс, 2001. 38 с.
8. Тхагапсоев Х.Г. Идентичность в когнитивно-эпистемической системе культурологи // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 21-27.
9. Маркова Л.А. Физика мозга и мышление // Вопросы философии 2010. №3. С. 161-171.
10. Молчанов В.И. Сознание // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 887-891.
11. Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М.: Канон+, 2009. 400 с.
12. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. 376 с.
13. Чернавский Д.С. Синергетика и информация. М.: Наука, 2001. 250 с.
14. Тхагапсоев Х.Г. Культурная форма как теоретический конструкт и мера культуры // Вопросы культурологии. 2012. №5. С. 10-15.

V. НЕПОЛНОТА ДИСКУРСА КАК ФОРМА И МЕРА ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

1. СКОЛЬКО ТЕХНОЛОГИЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЯХ?

В целом много говорится и пишется о педагогических технологиях. При этом основной упор дискурсов сводится к идее эффективности (плодотворности) ГТ в сфере образования и описанию подкрепляющих эту идею примеров [2–4]. В то же время, вне этих дискурсов остаются ключевые методологические вопросы, а в итоге пока так и не выявлены даже спектр и системная типология педагогических технологий, как и не проявлена внутренняя структура этих технологий. Ведь если бы речь шла об инженерной технологии, в первую очередь и в обязательном порядке потребовалось бы именно прояснение ее структуры — из каких операций она состоит и в какой последовательности эти операции включаются в технологический процесс. Инженерные технологии, как известно, детально систематизированы на основе четких критериев, хотя здесь встречаются не только относительно простые «моно-сущностные» технологии, легко разложимые на элементарные операции, но также и сложные, многооперационные. Например, «технология металлообработки» в инженерии означает целое семейство технологий, которые при необходимости детализируются и выстраиваются на основе конкретных критериев «принцип действия», «базовые процессы», «операторы», «целевое назначение» в цепи и спектры простых технологий вроде прокатки, штамповки, сварки, сверления. В то же время, когда мы говорим «педагогические технологии» (ПТ), нет подобной четко формализованной номенклатуры операций, поскольку за номинацией ПТ одновременно оказываются и целевое назначение технологии (когнитивное), и принцип ее действия (когнитивный), требуя настоящего искусства детализации на основе неких, не всегда формализуемых, критериев и подходов (например — включение в педагогический процесс игровых сюжетов, приемов).

Подчеркнем (как уже не раз бывало), что проведение неких параллелей между гуманитарными и инженерными технологиями не является и не может быть доказательным аргументом в пользу переноса логики инженерных технологий на ГТ (тем более — на педагогические).

Речь, разумеется, идет не о философско-спекулятивной теории истины, которая соотнесена со всем массивом знаний, а по-сему понимает истину как бесконечный, принципиально незавершимый процесс движения к полной адекватности наших знаний о реальной действительности. Философская теория истины, разумеется, не может (и не должна) соотноситься с технологией по той причине, что дискурс технологий конечен и конкретен, поскольку исчерпывающим образом отражен в технологических картах и маршрутах, чертежах и инструкциях (если, конечно, речь не идет о гуманитарных технологиях). А что касается гуманитарных технологий, то их неполнота может иметь онтологическую причину — ведь пространством бытия и функционирования этих технологий является сознание человека, механизмы и процессы которого открыты, принципиально не завершимы и пока далеки от прояснения с позиции наук [1].

Можно было бы на этом и поставить точку, поскольку проблемы изучения сознания, разумеется, не входят в конкретные цели и задачи данной работы. Однако та неполнота дискурса ГТ, с которой мы сталкиваемся на каждом шагу, обращаясь к ГТ, как показывает анализ, в значительной мере порождена причинами «внешнего» порядка (методологическими, прежде всего). В этом плане особенно характерна ситуация с педагогическими технологиями, а точнее — с их теоретико-методологическим обеспечением, о чем речь пойдет ниже.

Однако вполне очевидно, что и за номинацией «педагогические технологии» стоит некий спектр составных операций, приемов и процессов, требуя конкретизации и детализации. Такие попытки, впрочем, предпринимаются [5], но они, почему-то опираются только на один критерий — когнитивные функции технологии. Иначе говоря, из целого семейства процессов педагогических технологий почему-то чаще всего выделяются в виде относительно самостоятельных «составных элементов» только когнитивные процессы: понимание, интерпретация, объяснение.

Между тем, обширная практика гуманитарных технологий убедительно свидетельствует о том, что для создания эффективных ГТ явно недостаточно одних рационально-когнитивных компонентов (логических операций, процессов различения, выявления общего) воздействий на сознание — необходимы также эмоциональные ощущения и краски, акцентированное апеллирование к «Я» человека (к операнду ГТ).

Вот здесь мы вновь оказываемся в сложном мире феноменов сознания, о которых шла речь в предыдущем параграфе. Но при всех сложностях сознания и механизмов его бытия, как показывает анализ, в рамках современных представлений науки могут быть выделены следующие типические акты (феномены) сознания:

- эмотивные (эмоции, характер и формы эмоций);
- эготивные (формы Я-репрезентации/самоидентификации, т.к. процесс познания включает соотнесение человеком самого себя с миром);
- коммуникативные (речевая деятельность, апеллирование к символическому миру, реакции на элементы символического мира);
- когнитивные (формы познания, способы мышления);
- регулятивные (ценностные установки и предпочтения);
- медитативные (реакция на психотехнические воздействия и на особенности информационно-коммуникативной среды, в рамках которого действует ГТ).

Таков, соответственно, и ряд простейших составных элементов, которые имеют отношение к ГТ и ПТ. Это отчасти находит отражение в существующих дискурсах ГТ — коммуникативные, когнитивные и регулятивные процессы (технологии) в той или иной

форме признаются в качестве типических форм гуманитарных технологий и их составных элементов. Однако проблема заключается в том, что реальные ГТ представляют собой разнообразные комбинации и синтез практически всех указанных элементарных форм («операций»). Это особенно ярко прослеживается на примерах наиболее разработанных и массовых типов ГТ, а именно — на примерах рекламы потребительских товаров и услуг. В частности, их видеоряды и звуковые сопровождения, так или иначе, апеллируют ко всем указанным феноменам сознания — к эмоциям и амбициям человека, к его когнитивной культуре, экзистенциальным потребностям, потребностям любви и признания и т.д. Но при этом общий строй рекламы всегда оставляет некую недосказанность, некую «непроясненность», фиксируя в сознании и навязывая ему искусно созданную «кричащую тайну». Так, незавершенность вообще — мысли, идеи, сообщения, события, образа, т.е. «недопроявленность идентичности нечто» и созданная таким образом интрига выступает как один из самых действенных элементов и механизмов гуманитарных технологий.

В итоге даже бесхитростные рекламы массовых товаров являют собой целый комплекс (блок, комбинации или семейства) гуманитарных технологий — визуальных, речевых, музыкальных, психотерапевтических и некой интриги, а точнее — «интриги и драмы невыявленной идентичности». Именно их совместное спонтанное, референциально-динамическое действие на сознание в конечном итоге и ориентирует (или не ориентирует) человека «как надо», обеспечивая успех ГТ.

Все это относится и к педагогическим технологиям, которые, разумеется, являют собой переплетение когнитивных, коммуникативных, эготивных, эмотивных и регулятивных технологий. Соответственно, дальнейшая конкретизация и типизация педагогических технологий должна строиться на основе конкретных критериев (как и в инженерии) и «составных технологий, цепей технологических приемов». В качестве критериев типизации и профилирования ПТ могут быть приняты «целевое назначение», «предметная ориентация», «тип педагогической ситуации» (штатная, нештатная, форс-мажорная), «средовой фактор» — многоэтнический состав целевой аудитории, например. Тем более, что предметно ориентированные

педагогические технологии давно заявили о себе как относительно самостоятельные технологические области (пространства), именуясь «частные методики преподавания».

Здесь мы вновь «натываемся» на очередную причину неполноты и противоречивости дискурса педагогических технологий.

Дело в том, что сама педагогическая наука продолжает существовать как эклектическое сочленение различных парадигм, в том числе — и трудно совместимых с идеей «педагогические технологии», явно требуя переосмысления ряда аспектов педагогической науки в общем контексте современной парадигмы социально-гуманитарной науки и современной практики управления образованием.

Например, если образование переходит на идеи и принципы компетентностного (т.е. проективного и расчетно-калькуляционного) подхода, очевидно, что педагогика обязана становиться «технологической наукой» и должна заботиться о собственном технологическом оснащении. Однако очевидно и другое: спектр педагогических технологий не может и не должен исчерпываться «рациональными методиками», как уже не раз подчеркивалось. Здесь не обойтись без «технологий ролевых амплу педагога» типа: «модератор», «навигатор», «интерлокер», «старший друг», «третейский судья», «философ», «эстет», «эрудит», «стилист», «блоггер-предметник», «душа компании», «сорванец» и др. Так на арену гуманитарной технологии (в данном случае — педагогической) в очередной раз выходит идентичность. На сей раз в ГТ «призывается» тип личностной идентичности учителя, более того — ГТ завязывается на тип идентичности личности педагога. А личностная идентичность, всегда носит «вечно достраивающийся, незавершенный и незавершенный характер», вновь и вновь подтверждая, что незавершенность в той или иной форме, в той или иной степени присуща практически любой ГТ.

И еще. Как нам представляется, и имиджевые технологии в сфере педагогической деятельности также имеют свои особенности и в этом смысле могут и должны претендовать на статус некоего типа (или формы) педагогических технологий, не говоря уже о технологиях воспитания, которые нами не затрагиваются и за которыми стоят огромные спектры «составных», «операционных» элементов ПТ.

Но все же принципиальная неполнота гуманитарных технологий (их смыслов и процессов) может быть обусловлена, как уже отмечалось, и причинами фундаментального порядка, связанными, прежде всего, с самим объектом гуманитарных технологий, с сознанием и спонтанностью его процессов, а также — с особенностями социально-гуманитарного знания, которое постоянно корректируется в процессах функционирования, в актах интер-субъективного обмена людей смыслами, постоянно уточняясь и корректируясь.

В этом контексте процесс продуцирования ГТ бесконечен, а их успешное функционирование (в механизмах власти, культуры, образования, психотерапии) является ключевым аспектом социально-культурного бытия, обеспечивающим целостность социума, нормативность социальных и культурных процессов, политико-административное управление и самоуправление в социуме. И этот процесс всегда открыт и в принципе незавершен, как открыты и незавершенны все процессы бытия человека.

2. СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КАК ИНДУСТРИЯ И РЫНОК ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Как уже подчеркивалось, практически нет особых (непроницаемых) границ между гуманитарными и социальными технологиями — принято их различать на основе довольно условного критерия — по характеру объекта. Если в качестве объекта (операнда) ГТ выступает индивид, мы имеем дело с гуманитарной технологией, а если в таковой роли оказывается коллектив (учебная группа, социум, открытая аудитория), то ту же самую гуманитарную технологию, что мы минуту назад адресовали индивиду, придется именовать социальной технологией. Но поскольку учебный процесс всегда обращен к «открытой аудитории», педагогические технологии могут рассматриваться и как социальные. Вероятно, гуманитарными технологиями в строгом смысле термина могут рассматриваться разве что технологии, практикуемые психотерапевтами и психоаналитиками.

Если учитывать эти обстоятельства, ГТ должны рассматриваться, изучаться, осмысляться также в соотношении с социальными технологиями. Последние специфичны тем, что они могут строиться не только в форме прямого и непосредственного воздействия на сознание человека, но в форме косвенного и опосредованного воздействия. В частности — с помощью и на основе социальных и экономических проектов, преобразовывающих социальную среду, задающих новые координаты и целевые ориентиры развития социума, культуры и таким образом, адресующихся не только политике (к политическим средствам и механизмам), не только экономике и к ее средствам, но и к культуре (культурологии). В отечественной культурологии осознается это обстоятельство, хотя вопрос почему-то ставится только об экспертной форме участия культурологии в социальных проектах и их культурологической экспертизе, чего явно недостаточно.

Ведь управление социальными процессами, вероятно, можно отнести к числу самых сложных занятий человека — здесь требуется тонкое сочетание интуитивных оценок и выверенных прогнозов, что, в свою очередь означает умелое сочетание политических и экономических, культурных, юридических и морально-этических механизмов воздействия на социум, человека и на множество социальных групп.

Понятно, что формы и методы социального управления могут рассчитывать на эффективность лишь в том случае, если они адекватны социальным процессам и его закономерностям, актуальным вызовам места и времени, а также учитывают в должной мере специфику культурной среды. Если не вдаваться в детали, можно констатировать, что механизмы и формы управленческого действия в ретроспекции (в истории) трансформировались от форм силового принуждения — к экономическому, от экономического принуждения к нормативно-юридическому регулированию социальных отношений, а ныне — к различным формам самоуправления социума. На современном этапе истории, формы, принципы и механизмы социального управления вновь претерпевают радикальные изменения в общем контексте становления информационного общества, общества «знаний» [6].

Целенаправленное информационное воздействие на человека и социум (на основе различных идеологий, культурных норм,

механизмов пропаганды, включая распространение мифов и нагнетание страхов) всегда было неотъемлемой частью механизмов социального управления. Однако в условиях информационно-технологических революций последних десятилетий, которые уже привели к возникновению и быстрому развитию сетевого общества, к интеграции разнообразных средств коммуникации, а главное — к становлению интерактивной культуры общения, на первый план в арсеналах средств управления выходит именно информационное воздействие на социум и человека. При этом институциональной основой и механизмом воздействия становится, прежде всего, социальный проект.

Понятно, что проект как некое организующее начало всегда сопутствовал деятельности человека — технологической, культурной, управленческой. Но в наше время, в рамках новой экзистенциальной антропологии и культуры «еНото», т.е. в общем контексте современных форм социально-культурного бытия проект обретает универсальность и тотальность, поскольку именно проект теперь осознается как базовый механизм преодоления (разрешения) любых противоречий социального бытия, а также как главенствующий способ вызвать к жизни нечто новое [7]. В условиях же становящегося информационного общества, формирующейся нетократии («сетевого бытия») и разыгрывания «гибридных форм войны» когда:

- самым активным ресурсом общества становится информация;
- доминирующей формой социальности — жизнь в малых группах;
- главной мерой культуры — различия и многообразие, — самой массовой формой социального бытия и социальной активности человека становится именно социальный проект (многообразие социального проекта), который строится на основе некоей новой или социально-значимой идеи, а также на базе информационно-сетевых структур (порталов, сайтов, блогов и т.д.).

В этом смысле практически все современные формы и структуры общества и гражданской активности, от движения феминизма и антиглобализма до лиги защитников животных и бесчисленных субкультурных организаций молодежи; от ре-актуализации

классической оперы и формирования новейших форм авангардной культуры или культуры «андеграунда», являют собой не что иное, как формы и типы социального (социально-культурного) проекта и конкуренции социальных проектов.

Детализация номенклатуры и типажа социальных проектов нашего времени — это отдельная проблема, которая скорее относится к ведомству социологической науки. Нас же (в рамках целей и задач данного анализа) интересует лишь роль и место ГТ в бытии социальных проектов.

В этом контексте напомним — в социальной философии и социологической науке функционирование социальных проектов описываются на основе категорий «хабитуализация», «типизация» и «легитимизация» [8; 9]. При этом типизация, будучи способом структурирования бытия, предполагает схватывание и отражение элементов бытия на основе обобщения и абстрагирования сущностных свойств бытующих элементов или же мысленного конструирования так называемых «идеальных типов» (моделей), которые позволяют описывать структуру и процессы культуры, текущей жизнедеятельности человека. Конечная цель типизации — это представить социальную и культурную действительность как некое множество значимых социальных и культурных типов («инноватора», «диктатора», «ретрограда», «блогера», «культурного героя», «креативного творца», «основателя моды» и даже «метросексуала»).

Таким образом, типизация являет собой механизм (один из механизмов) действия социального проекта (косвенного, опосредованного).

Легитимизация, в свою очередь, означает социальное (общественное) одобрение и поддержку новому, что приходит в жизнь социума и человека — в форме идей, в виде норм и правил или тех же социальных типов, о которых выше говорилось. В этом смысле легитимизация выступает и как цель и как средство социального проекта. И, наконец, хабитуализация — это введение в повседневный обиход (в привычки, традицию) продуктов проекта (тех же новых идей, норм и правил социального и культурного поведения, новых структур социальной организации и т.д.). А вместе, в совокупности все указанные механизмы бытия социального проекта являют собой не что иное, как гуманитарные технологии. В этом

смысле социальный проект и действия человека в его рамках можно понимать и как способ создания и тиражирования (т.е. как индустрию) гуманитарных технологий. К тому же, социальное бытие эпохи «еНото» и нетократии (то бишь наше время) характерно тем, что в макросоциальных процессах роль гражданской самоорганизации и саморегулирования начинает превалировать над внешним управлением, т.е. принуждающим управленческим воздействием власти на социум. В этом контексте ориентиром форм и целей самоорганизации людей, векторов их активности и действий, как правило, становятся, прежде всего, социальные проекты, выдвигаемые креативными личностями или в малых группах. Это ныне наблюдается всюду и везде — продуцируемые креативными людьми (или группами) идеи, социальные и культурные типажи, а также выдвигаемые ими стандарты хабитуализации и легитимизации горизонтов культурно-цивилизационного развития, фактически определяют все происходящее в обществе (политике, экономике, культуре, образовании).

Иначе говоря, сегодня наше социально-культурное бытие предстает как процесс свободного обмена людей (авторов социальных проектов, лидеров «сетевых дискурсов» и форумов) сконструированными ими же проектами (т.е. культурными и социальными типажам, модами, формами потребления и поведенческими стратегиями), т.е. как рынок гуманитарных технологий, что являет собой серьезный вызов в адрес культурологической науки. Но пока логика и структура культурологии строятся так, что эта наука практически не соотносена с теорией и практикой гуманитарных технологий.

Неприемлемость подобной ситуации становится очевидной, если обратиться в глобальное информационное и сетевое пространство, которое ныне становится ареной принципиально нового типа войны — «гибридной». Ее главным оружием, как известно, является именно информационное воздействие на сознание человека (т.е. гуманитарные и социальные, в частности — политические технологии).

Понятно, что «ГТ для гибридной войны» (в которой нас вынуждают участвовать реалии современности) могут быть выстроены на основе самых различных типов и форм социально-гуманитарного знания: психологических, политологических, социологических,

финансово-экономических. Однако, судя по всему, наиболее действенными в этой «войне» могут быть гуманитарные технологии, созданные культурологией на основе ресурсов культуры, проникающих вглубь сознания. Об этом как нельзя лучше свидетельствует полит-технологический эффект концерта классической музыки на арене только что освобожденной Пальмиры.

И главное в данном случае: если ресурсы психологии и политологии, к сожалению, творят преимущественно ГТ тревоги, страха, недоверия, вражды и розни, то культурологические ГТ (на основе ресурсов культуры и искусства) созидают и отстраивают дух и пространство умиротворения, единения и морального поступка во имя жизни, мира и согласия. Именно так воспринят мировым сообществом концерт в Пальмире. Так, идентичность информации и знаний, положенных в основание ГТ (их смысловое содержание, аксиологические измерения, эмоциональные окраски), определяют идентичность и возможности гуманитарных технологий (их цели, характер воздействия на человека, гуманность/анти-гуманность последствий их применения), вновь и вновь отводя идентичности роль навигатора сознания и оператора ГТ.

Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с особенностями социально-гуманитарного знания — они, в отличие от естественно-научного знания, всегда ценностно нагружены и эмоционально окрашены, а главное — не выразимы в однозначных и формализованных законах (наподобие законов Ома, Фарадея или Ньютона). Это обстоятельство с особой остротой ставит вопрос о формах организации и построения социально-гуманитарного знания, удобных или наиболее пригодных для создания ГТ. В отношении естественно-научного знания такая постановка просто неуместна, поскольку законы и принципы той же физики или химии непосредственно (напрямую) кладутся в основание соответствующих инженерных технологий.

Например, для надежной организации технологии электрообеспечения жилья (освещения, отопления) человеку достаточно знать закон Ома и производить простейшие арифметические вычисления на его основе. Напротив, когда речь идет о гуманитарных технологиях, знания необходимые для ее организации приходится агрегировать и выстраивать особым образом — в форме образов,

социальных и культурных типов, позитивных или негативных стереотипов, идентичностей «нечто» (идей, смыслов, моды, потребления, поведенческой стратегии и т.д.). И, как показывает анализ, наибольшим технологическим потенциалом обладает такая форма гуманитарного знания, которая выражает (презентует, манифестирует) некое открытое и лабильное «облако смыслов-идей». В этом плане особенно характерны такие псевдо-теоретические формы как теорема Томаса («ситуации, определяемые или определенные людьми как реальные, реальны по своим последствиям») и «окно Овертона» («невозможное возможно — это только вопрос тактики и техники действий»).

Именно эти две формы псевдо-теоретической агрегации социально-гуманитарного знания, а точнее их технологическое воплощение, чаще всего используются в современных «информационных и гибридных формах». В порядке иллюстрации приведем широко известные примеры. Это — «информационные цунами по поводу...» (коррупции, оффшорных скандалов, прав и свобод секс-меньшинств т.д.), создаваемые в соцсетях; «виртуальные союзы и фронты борьбы» с тем-то и с кем-то, «за» и «против»; конструирование и организация «умной толпы», которая может трансформироваться в «рассерженный социум» — в «цветную революцию», «евромайдан», «народный бунт».

Все это — обыденность нашей жизни, «фон повседневности», «хроника с фронтов информационной или гибридной войны», за которыми, кажется, почти незамеченным остается главное. А именно: тенденции к нарастанию масштабов влияния актора виртуального пространства и конструктора ГТ на реалии социально-культурного бытия, которые чреваты опасными рисками, поскольку работают не только на развитие «сетевой демократии», «свободы» и «политического креатива» (что принято громко подчеркивать), но и на культивирование информационного терроризма, «электронного тоталитаризма», на парализацию международного права, а в конечном итоге — на дискредитацию идей и ценностей неудобного и устранение его из «дискурсивной арены» (мировой политики, глобальной экономики, глобальных финансовых систем). Еще совсем недавно подобные вопросы решались на полях грозных битв, ныне — это прерогатива и власть гуманитарных технологий [10].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Маркова Л.А. Физика мозга и мышление // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 161–171.
2. Соломин В.П. Гуманитарные технологии как инновация в образовании // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 4. С. 124–127.
3. Гончаров С.А. От теории коммуникации и герменевтики к гуманитарным технологиям // Актуальные вопросы современного университетского образования. Материалы X Российско-Американской научно-практической конференции (2007 г.). СПб., 2007. С. 26–33.
4. Роботова А.С. Об особенностях современного научно-педагогического дискурса // Высшее образование в России. 2011. № 7. С. 9–19.
5. Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике / Сборник научных статей под редакцией Н.В. Бордовской. СПб., 2008. 237 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
7. Розин В.М. Технология // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 65.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
9. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
10. Тхагапсоев Х.Г. Социальное пространство-время: проблема трансформации // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 202–211.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, гуманитарные технологии, все чаще обретающие в реалиях ныне бытующей информационной эпохи форму «грозного оружия времени», неотделимы от социальных (в том числе политических) технологий и от их обширных арсеналов, что выводит «самую междисциплинарную науку» — культурологию на арену проектирования образов настоящего и будущего.

Ведь в контексте конкуренции стран и культур за влияние на глобальной арене, которая неуклонно обостряется, ныне за «проектами настоящего и будущего» в качестве целей и ориентиров стоят не только производственно-экономические, технико-технологические и социально-прагматические факторы (скажем, доходы на душу населения, направления технологического прогресса, доминирование на рынках, качество образования и здравоохранения), но и «культурные измерения будущего»:

- многообразие и общий дизайн креативных идентичностей политического и культурного самоопределения человека здесь и сейчас (т.е. в той или иной стране), в близком и отдаленном будущем;
- спектр форм потребления и горизонтов культурного будущего;
- интеллектуальный уровень социально-культурной практики страны и ее информационного обеспечения;
- масштабы и уровень вовлечения виртуального в социальное и культурное бытие человека и социума.

Но эти обстоятельства пока, увы, остаются в основном за пределами «оптики» отечественной культурологии и вне пространства ее теоретической и прикладной активности.

Отчасти это объясняется особенностями истории нашей культурологии, восходящей к 90-м годам. Начиная свое активное развитие в ту пору, культурология как наука и учебная дисциплина могла сложиться, разве что, размежеваясь с советским марксизмом и преодолевая его методологию, в том числе — его утопический и насильствующий проективизм, а значит — бытуя как «позитивная наука» описания и систематизации фактов, событий и феноменов, повествование о них. Так и случилось — современная российская культурология пока действует преимущественно в традициях классической науки и ее нарративного дискурса.

Но дело в том, что мировая социально-гуманитарная наука, начиная еще с 70-80-х годов минувшего века, переходит к целевым ориентирам, методам познания и объяснительным принципам постклассической науки. А это означает, что объектами ее внимания становятся не только и не столько «устойчивые структуры», — нормы, формы, жанры, типы, — как этого требует классическая наука, сколько спонтанные и быстротечные «процессы-изменения», рекурсивные структуры, акторы абберирующей идентичности, взрыв субкультур, феномены виртуальной реальности и архитектура социальных сетей, описание и интерпретация которых требует опоры на новые методологические принципы, когнитивные арсеналы, научную лексику. В силу этих обстоятельств в языке постклассической науки прочное место занимает арсенал таких категорий как «процессность», «нелинейность», «эмерджентность», «диссипативность», «синергия», «идентичность», «информация», «интерсубъективность», «коммуникативность», «рекурсия» и др.

К этому надо добавить и то обстоятельство, что в методологии науки ныне неразрывно сочетаются конструктивизм и проективность, единство субъекта и объекта познания, синтез разнородных знаний и познавательных практик.

И особую роль в этом новом, схематично очерченном нами когнитивно-методологическом арсенале современной социально-гу-

манитарной науки, играет категория «идентичность», ориентированная:

- на отражение и идентификацию граней того невероятно высокого уровня сложности и динамизма бытия, что ныне открылось перед человеком и наукой;
- на формирование динамично-лабильных «облаков» идей, смыслов культур, артефактов, стилей, а также стратегий активности, коммуникации и интеракции человека, что более всего характерно для современного мира;
- на интеграцию и синтез разнородных знаний.

Остается лишь подчеркнуть еще раз, что отечественная культурология пока отстает в этом маневре наук от классической парадигмы созерцательно-академического и нарративного существования к постклассической парадигме проективной активности; от научной культуры «наблюдения, описания, интерпретации» к культуре рационально-конструктивистской методологии познания и «технологизации знания».

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Аккультурация — процесс взаимовлияния культур, в результате чего культура одного народа полностью или частично воспринимает культуру другого народа. Аккультурация рассматривается как многообразие процессов ассимиляции и этнической консолидации. Термин впервые был использован американскими культурантропологами в 1930-х гг.

Артефакт (от лат. artefactum — искусственно сделанный) — предмет, изготовленный человеком. Представляет собой интерпретативное воплощение какой-либо культурной формы в конкретном материальном продукте, поведенческом акте, художественном произведении, информационном сообщении или оценочном суждении.

Виртуальная реальность — термин виртуальность возник в классической механике XVII веке как обозначение некоторого математического эксперимента совершаемого преднамеренно, но стесненного объективной реальностью, в частности наложенными ограничениями и, внешними связями. Данное понятие содержит двойственный смысл — мнимость, «кажимость» и истинность. В настоящее время «виртуальная реальность» трактуется как искусственно созданная компьютерными средствами среда, в которую можно проникать, меняя ее изнутри, наблюдая трансформации и испытывая при этом реальные ощущения. «Попав в этот новый тип аудиовизуальной реальности, можно вступать в контакты не только с другими людьми, но и искусственными персонажами» (И.Б. Маньковская).

Гештальт (нем. gestalt — образ, форма, структура) — понятие для обозначения пристрастно-наглядных форм воспринимаемых феноменов, в том числе культурно-цивилизационных типов как целого.

Глобализация (от лат. globus — шар) социокультурная — это процесс непрерывной унификации образов и стилей жизни человека, символов национальной и этнической культуры, универсализации транснациональных правил и норм поведения. Речь идет о развитии «глобальной коммуникационной культуры», глобальной информационной инфраструктуры (мультимедиа и Интернет), утилитаризации ценностей и «фабрикации» образов локальных культур. Процесс социокультурной глобализации проявляется в различных областях, носит диалектический характер и предполагает как процесс делокализации, так и релокализации культурных пространств в общемировом масштабе.

Гуманитарные технологии — это технологии, направленные на человека. Под гуманитарными технологиями подразумевается «систематизация, соорганизация и упорядочивание в пространстве и времени компонентов целенаправленной коллективной деятельности на основе современного гуманитарного знания» (П.Г. Щедровицкий).

В широком смысле гуманитарные технологии понимаются как средство организации социальной деятельности и социального взаимодействия человека с окружающим миром, позволяющего выразить свое личностное отношение к действительности и самому регулировать характер своих отношений с миром, это взаимодействие человека с природой с техникой, информацией, людьми, самим собой и т.п. Это технологии, обусловленные и обуславливающие «разрешающие» возможности человека (М. Мамардашвили).

Технологии, призванные воздействовать на человека, опираются особым образом на организованные знания и знаково-символическую информацию. Гуманитарные технологии функционируют в логике и структурах поведения и деятельности — в мотивационной, целевой и деятельностно-алгоритмических, поведенческих и коммуникативных формах активности человека. Гуманитарные знания становятся технологиями лишь опосредованно через пространство и ткань intersubъективности и intersubъективных отношений.

Основу гуманитарных технологий составляют процессы приема и декодирования адресных пакетов информации. Эти технологии предстают не только как способ бытия знания о человеке, но и как форма отношения знания к конкретным условиям его жизнедеятельности, включая социокультурный контекст и широкий спектр психологических факторов, в том числе — уровень активности и мотивированности объекта гуманитарных технологий.

Особенностью гуманитарных технологий является то, что они возможны только в форме intersubъективных отношений коммуникатора и коммуниканта. Для того, чтобы организованная информация воздействовала

на человека, необходимо подключение такого компонента гуманитарных технологий, как идентичность с ее дифференцирующим, маркирующим и верификационным потенциалом.

Диссипация (от лат. *dissipatio* — рассеяние) — этим термином обозначаются открытые нелинейные системы, процессы рассеяния или размытия энергии, превращение ее в менее организованные формы в результате процессов диффузии, трения и т.п. Диссипативная система — «может существовать при условии постоянного обмена со средой, в общем случае веществом, энергией и информацией. Посредством этого обмена она поддерживает свою упорядоченность (говоря физическим языком, низкую энтропию) за счет усиления беспорядка во внешней среде. Любое общество представляет собой диссипативную систему, причем с периодически сменяемыми себеподобными элементами, ибо диссипативная структура (социальный режим) здесь в определенных пределах существует независимо от смены поколений. Развитие диссипативной структуры есть рост степени синтеза порядка и хаоса, обусловленный стремлением к максимальной устойчивости» (В.П. Бранский, С.Д. Пожарский).

Идентичность (от лат. *idem* — тот же самый) — тождественность, совпадение чего-нибудь с чем-нибудь. Проблема идентичности в философии существовала издавна и трактовалась в рамках мифологического, а затем теоцентристского сознания; человек и его сущность не отделялись от всеобъемлющего Божественного замысла, Творец и творение были тождественны. В традициях метафизики от Аристотеля до наших дней идентичность понималась как характеристика бытия, более фундаментальная, чем различие. В XX веке в европейской философии происходит фундаментальный поворот в интерпретации социальных и психологических процессов от тождества к различию. Акцент в осмыслении проблемы идентичности переносится на процесс самопознания личности и сопрягается с разработкой различных аспектов «Я-концепции». Исследование идентичности привело к выделению двух уровней этого феномена. С одной стороны — это проблема целостности и самоидентичности личности (интровертный аспект), с другой стороны — анализировался социокультурный уровень идентичности, связанный с осмыслением человеком себя в контексте социальных и культурных процессов и взаимоотношений (экстравертивный аспект). «Общества, — полагают исследователи, — обладают историями, в процессе которых возникают идентичности; но эти истории, однако, творятся людьми, наделенными специфическими идентичностями» (П. Бергер, Т. Лукман).

Идентичность обусловлена стремлением к обретению тождества с окружающим миром, которое достигается в замещенных формах (языковой,

религиозной, политической и другими общностями) посредством интеграции в культурно-символическое пространство локальных образований.

Анализ феномена идентичности и многообразия его значений с позиций современной философии и культурологии позволяют сделать вывод о том, что идентичность являет собой некую меру бытия и форму выражения вещественных, ментально-психических и знаково-символических объектов. Это мера определенности и форма предикации структурно-процессной количественно-качественной и пространственно-временной определенности и самоидентичности вещи (материальной, идеальной, материально-идеальной) и отношений вещей. Идентичность выступает как способ фокусирования и ориентирования сознания человека, его интенции, она выполняет роль навигатора сознания.

Интертекст — это результат диалога между авторами различных текстов (устных, письменных, визуальных и др.) и его реципиентами — интерпретаторами. Каждая интерпретация направлена на как можно более точное соответствие оригиналу, который является носителем первичного текста. Интертекст-диалог является процессом, в ходе которого в новых интерпретациях «эхом отзываются предшествующие тексты» (У. Эко).

Информация (от лат. *informatio* — разъяснение, изложение) — первоначально смысл слова «информация» трактовался как нечто присущее только человеческому сознанию и общению — знания, сведения, известия. Затем смысл его расширился и обобщался. В теории познания информация — одно из всеобщих свойств материи, заключающееся в способности адекватно отражать одним реальным объектом другие реальные объекты, а сам факт отражения одного объекта в другом означал присутствие в нем информации об отраженном объекте. Информация имеет онтологическую природу; стоит в ряду таких фундаментальных понятий как материя, пространство, время, система, процесс; выражает такие особенности реальной действительности как структурность, изменчивость, разнообразие и порядок. Кроме информации как неотъемлемой части природы, есть информация, созданная человеком, это знаково-символическая информация.

Особенностью понятия «информация» является его универсальность, оно используется во всех без исключения сферах человеческой деятельности. По области возникновения различаются: механическая информация, как явление неодушевленной природы; биологическая, которая отражает процессы животного и растительного мира; социальная, которая характеризует процессы человеческого общества. По способу передачи и восприятия различаются такие связи информации, как визуальная, аудиальная, тактильная, органолептическая (запах и вкусы), а также машинная.

Когнитивные технологии (от лат. *cognitio* — знание, познание) — это информационные технологии, специально ориентированные на развитие интеллектуальных способностей человека, его воображения и мышления. Это технологии, работающие с познанием человека, оценивающие его внимание, отмечающие его состояние, следящие за работой мозга и пытающиеся «понять самого человека». Один из простых примеров — это технологии, отслеживающие и анализирующие движение зрачков и мимики лица — «следящая камера», когда специальный прибор отслеживает эмоции на лице человека во время разговора и сообщает об «истинных чувствах» говорящего или слушающего. Так, изучая реакцию головного мозга человека на различные предметы потребления, можно успешно продавать именно те, на которые люди будут реагировать наиболее позитивно и эмоционально. В системе гуманитарных технологий когнитивные процессы присутствуют как их неотъемлемая часть, они используются как для перевода знаний в форму информации, так и для извлечения знания из информации.

Коммуникация (от лат. *communis* — общаюсь, связываю) — фундаментальная категория философии К. Ясперса, которая выявляет ценностно-смысловой характер общения между людьми. Коммуникация — универсальное условие человеческого бытия. Оно настолько характерно для него, что «все, что есть человек и что есть для человека ... обретается в коммуникации» (К. Ясперс). Коммуникация — процесс взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности (индивидами, группами, организациями и т.п.) с целью передачи или обмена информацией посредством принятых в данной культуре знаковых систем (языков, приемов и средств их использования). Социокультурная коммуникация выступает как один из базовых механизмов социокультурного процесса, обеспечивая саму возможность формирования социальных связей, управления совместной жизнедеятельностью людей, накопление и трансляцию социального опыта.

Конвергентные технологии (от лат. *convergens* — сходящийся) — сближение с чем-либо. В биологии — возникновение сходства в строении и функциях у относительно далеких по происхождению групп организмов в процессе эволюции; в этнографии — определение сходных или одинаковых, но независимо друг от друга возникающих явлений в культуре разных народов. В современной науке конвергентные технологии («большая четверка») определяют как интегрирующие в себе процессы и механизмы инженерно-технических, биологических, информационных, когнитивных и гуманитарных технологий (НБИКС — нано-био-информационно-когнитивно-социально-гуманитарные). Несмотря на то, что конвергентные технологии — это область исследования естественных наук, их развитие

в долгосрочной перспективе может привести к изменению жизненного мира человека. Исследования, направленные на конвергенцию современных технологий с «конструкциями живой природы», развиваются в НИЦ «Курчатовский институт» — под руководством проф. М.В. Ковальчука. Конвергентные технологии синтезируются в модусе междисциплинарных подходов, поэтому они могут проявлять себя в таких формах междисциплинарных дискурсов как культурология, политология, педагогика.

Мультикультурализм — феномен гетерогенного многообразия автономных этнических культур в пределах единого культур-цивилизационного комплекса.

Нарратив (англ. и фр. *narrative* — рассказ, повествование) — наррация или повествование, рассказ, сказ — подоснова иерархии языков культур; она говорит как бы от имени истины; универсальный метод социально-гуманитарного знания как «метаповествование», то есть семиотического упорядочивания вещей и событий в хронотопе, пронизанном единым логосом и смыслом, его выражение в целостном виде.

Парадигма (от греч. *paradeigma* — образец, пример) — понятие, введенное в научный оборот Т. Куном в книге «Структура научных революций» (1962). Это «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений». По сути, «научная парадигма» представляет собой систему устойчивых идей и исследовательских практик, которые делают науку однообразной на протяжении некоторого периода времени. Так, в период господства той или иной парадигмы ученые объединены одной научной картиной мира или господствующей теорией, они имеют схожее образование и обучались по одним учебникам, их интересует одинаковый круг проблем, решая которые, ученые исходят из одних теоретико-методологических установок и исследовательских практик. Иначе говоря, в контексте определенной «научной парадигмы» образование, мышление и экспериментальная деятельность всех ученых объединяется системой схожих признаков, которые можно обозначить как «парадигму».

Парадигма культурная — система представлений человека о мире и о самом себе, проявляющаяся во всем многообразии смыслов, идеалов, идей, ценностей и ментальных особенностей, принимаемых, разделяемых и реализуемых представителями той или иной культуры в контексте устойчивых способов деятельности, культурных практик и стереотипов поведения.

Паттерн (англ. *pattern* от лат. *patronus* — узор, образец, «модель, шаблон») — в контексте системно-синергетических исследований — принцип организации любой системы, проявляемый в конфигурации взаимосвязей

ее элементов и определяющий сущностные характеристики этой системы. Неовещественные паттерны выявить достаточно трудно; их обнаружение возможно путем сопоставления однопорядковых систем, которое позволяет выявить общие принципы их структурно-организационного и функционального единства. Паттерны встречаются как в природных системах (пчелиные соты, волны, дюны, коралловые полипы, снежинки и т.п.), так и в социокультурной среде (шаблоны поведения, привычки, стереотипы, программные решения и т.п.).

Педагогическая технология — один из широко распространенных видов гуманитарных технологий. В документах ЮНЕСКО педагогическая технология трактуется как системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействия, ставящий своей задачей оптимизацию форм образования.

Значение термина «технология» применительно к профессионально-педагогической деятельности преподавателей *раскрывается в двух основных выражениях:*

- логически упорядоченная и воспроизводимая система действий педагога, направленная на достижение образовательной цели, а также ее отражение в форме описания цикла выполняемых операций в логике реализации цели и ведущего метода или алгоритмического предписания, адекватного структуре этого метода, выполнение которого гарантирует достижение поставленной цели;
- особый тип знаний о научно-системном, гарантированном и воспроизводимом способе достижения образовательной цели в процессе профессиональной деятельности преподавателей (Н.В. Бордовская).

Глубинный смысл применения современных технологий в образовательной практике состоит: во-первых, в отходе от экспромтов и переходе к предварительному проектированию действий преподавателя и действий студентов в образовательном процессе; во-вторых, в диагностическом, измеряемом целеполагании на уровне учебной дисциплины, учебного занятия и всех форм взаимодействия преподавателя со студентами; в-третьих, в научно-обоснованной разработке системы действий преподавателя в виде четкой последовательности его действий с определенным инструментарием на каждом этапе реализации своего педагогического проекта в образовательном процессе; в-четвертых, в объективном контроле качества своей деятельности и деятельности студентов в решении образовательных задач.

В настоящее время в качестве гуманитарных технологий в вузе используются технологии, которые являются ориентирующими, стимулирующими, помогающими, сопровождающими, обеспечивающими, корректирующими, терапевтическими и т.д. Особенно актуальны технологии обеспечения мотивированности, осознанности и действенности образовательной деятельности студентов, технологии сопровождения первокурсников, обеспечения процесса индивидуализации обучения студентов. Педагогические технологии *различаются по классификационным группам*, которые систематизированы по разным основаниям: уровню применения; по научной концепции; по характеру содержания и структуре; по типу организации образовательной деятельности; по типу ориентации на личностные структуры и т.д.

Наиболее распространенными являются такие конкретные педагогические технологии как традиционная педагогическая технология, технологии личностно-ориентированного образования, технология поддержки ребенка, педагогика сотрудничества, гуманно-личностная технология Ш.А. Амонашвили, игровые технологии.

Проектирование гуманитарных, в том числе педагогических, технологий сегодня связывается с созданием, конструированием и легитимацией идентичностей (предметов, процессов, отношений, смыслов, жанров, тематических проблем, инновационных трендов, моды, товаров и др.). В соответствии с этим предлагается за основу выбрать типологию идентичностей: социальных, природных, социетальных, ментальных, артефактных, визуальных. Типология идентичностей создает новый фундамент для развития педагогических технологий, позволяющих проникнуть в суть познаваемых объектов, преодолевая устаревшие научные представления и педагогические приемы.

Перформанс (от англ. performance — исполнение, представление) — публичное создание артефакта по принципу синтеза искусства и неискусства, не требующее специальных профессиональных знаний и не претендующее на долговечность. Один из ключевых феноменов искусства постмодернизма. Отличается от театра отсутствием пространственно-временных границ и ролей. Нацелен на расширение сознания публики, более активное включение ее в непосредственный творческий акт.

Прогресс культурно-цивилизационный — совершенствование смыслового ядра, содержания, структуры и видов культурно-цивилизационной деятельности как развитие творческого и репродуктивного потенциала человечества.

Рекламные технологии — часть системы Public Relations (PR). Public Relations — это вид деятельности, с помощью которого осуществляется информационное воздействие на массовое сознание, на общественность.

Существенной чертой PR-компаний является объединение планирования и организации тех или иных шагов, а затем исследование эффективности их воздействия на определенную аудиторию. PR-технологии используются для достижения максимального эффекта воздействия на людей. Этот тип технологий классифицируется на внешние и внутренние, тактические и стратегические; кроме этой условной классификации, они различаются по ставящимся целям и задачам, реализуются в форматах публичных выступлений, пресс-конференций, презентаций, проведение акций, составление рекламных статей, буклетов, пресс-релизов, репортажей, в использовании фото, видео и печатных материалов.

Рекламодатели США и Японии, начиная с 70-х годов XX века, предложили инновационную рекламу, которая по степени эффективности во много раз превосходила традиционные способы рекламирования. Инновационная реклама строится на использовании в промоакциях новейших компьютерных технологий и нестандартных способов подачи информации. Одной из наиболее эффективных видов рекламы стала видеореклама с ее новыми разновидностями, функционирующая в местах массового присутствия людей.

Рекламные технологии способствуют продвижению различных «новых продуктов» деятельности на рынок товаров и услуг. Структура рекламных технологий предполагает: технологию продвижения «нового продукта» в социокультурной сфере; разработку рекламного продукта для конкретной организации; стратегии внедрения «нового продукта»; методы продвижения товаров и услуг и др. Рекламный продукт должен в той или иной форме передавать информацию потенциальному покупателю, способную вызвать позитивную установку на приобретение товара или услуги. Важнейшим этапом на пути наполнения рекламы смыслом, является принятие ответственного решения о том, какую именно информацию необходимо донести до потенциального потребителя.

Семиотика, или семиология (от греч. *semeion* — знак, признак) — общее название комплекса научных теорий, изучающих различные свойства знаковых систем как способов коммуникации между людьми посредством знаков или языка. Выступает наукой, изучающей семиозис культуры через жизнь знаков.

Синергетика (от греч. *synergeia* — содействие, соучастие, сотрудничество) — учение о процессах самоорганизации в природе и обществе. Синергетика, по С.П. Курдюмову, это «теория эволюции, самоорганизации сложных систем мира». Ее предметом являются механизмы спонтанного образования и сохранения сложных систем, особенно находящихся в отношении устойчивого неравновесия со средой. В сферу внимания синергетики входят

нелинейные эффекты эволюции систем любого типа, кризисы и бифуркации — неустойчивые фазы существования, предполагающие множественность сценария дальнейшего развития. «За 20 лет своего существования совершила широкую методологическую и мировоззренческую экспансию. С позиций теории самоорганизации теперь интерпретируются самые разные явления — от рождения Вселенной до практического менеджмента, от законов познания до законов урбанистики» (В.В. Василькова).

Система (от греч. *systema* — целое, составленное из частей; соединение) — это взаимосвязанное множество. Понятие «множество» означает, что система состоит из более или менее широкого числа элементов, а понятие «взаимосвязанное» — что эти элементы не являются простой суммой, конгломератом существующих объектов, но образуют некое их единство, порождаемое их взаимосвязью, благодаря которой возникает целое — новый объект, отличающийся от всех его составных частей своими свойствами и функциями; в этом смысле говорят, что «целое больше, чем совокупность составляющих его частей», так как качество определяется не только его составом и тем, как связаны его части, — то есть его *структурой*. Теоретико-системное движение в науке стало широко развиваться после опубликования Л. Берталанфи в 1950-е годы книги «Общая теория систем».

Социальная технология — это понятие было введено в научный оборот К. Поппером в 1957 году в работе «Нищета историзма». Объектом социальной технологии он рассматривает социальный институт, в качестве которого могут выступать государство, политика, наука, образование и т. д. Термин «социальный институт» охватывает широкий круг социальных явлений, который трактуется им как средство и только как средство для достижения определенных целей. В концепции К. Поппера функция социальной технологии состоит в определении достижимости целей преобразования, либо управления социальным объектом, а также выявлении возможных неблагоприятных последствий вызванных реализацией цели.

Сегодня социальная технология рассматривается как деятельность; область знания о законах, закономерностях и средствах управления социальными институтами и процессами; инструмент проектирования, преобразования, управления социальным объектом. Социальная технология понимается как средство, инструмент, система методов, обеспечивающих перенос достижений науки в практику. Социальная технология также рассматривается как инновационный метод или система методов оценки и использования социальных объектов, а также способ реализации социальных объектов.

Технология (от греч. *techne* — искусство, мастерство, умение) — совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния свойств, формы сырья, материала, осуществляемых в процессе произ-

водства продуктов; научная дисциплина, изучающая физические, химические и другие закономерности, действующие в технологических процессах. В 60-е годы XX века в качестве важнейшей отрасли техники, важнейшей технологией были поняты техника и *технология организации социальных процессов*. Переоценка роли организации социальных процессов по сравнению с ролью орудий труда в истории человечества — одно из важнейших *открытий XX века*. С этого времени понятие «технология» в трудах западных социологов используется преимущественно в значении управления социальными процессами, управления людьми (Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества.). В настоящее время понятие «технология» соотносится с любым видом деятельности и любой сферой знания. Технология связывается с познанием и применением знания в различных социокультурных практиках. Она понимается как интеллектуальные усилия и деятельность, направленные на освоение, преобразование и «переконструирование» реальной действительности. В мире технологий различаются *три вида технологий*: во-первых, инженерные технологии, связанные с переработкой и трансформацией вещества и энергии; во-вторых, информационные технологии, оперирующие информацией в отчужденных цифровых формах; в-третьих, гуманитарные технологии, призванные воздействовать на сознание человека и опирающиеся на особые структуры гуманитарного знания и знаково-символическую информацию.

Трансформация (от лат. *transformatio* — превращение) — внутренняя перестройка природных и социальных систем в соответствии с имманентно присущими им законам, системное, преимущественно эволюционное преобразование природных и культурно-цивилизационных комплексов. Трансформационный процесс в социальных системах не сводится к реформам «сверху», охватывает все основные структуры. Его ход и исход в решающей степени зависят от действия больших социальных групп; отсюда — принципиальная неоднозначность окончательного исхода процесса.

Универсалии (от лат. *universalis* — общий) — предельно общее понятие, которое в символической форме выражают невидимые и неосязаемые, но реальные и фундаментальные смысловые связи и приоритетные ценности прошлого, настоящего и будущего человеческой деятельности. «Мировоззренческие универсалии — это категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта» (В.С. Степин).

Эпистема (от греч. *episteme* — знание) — общее пространство знания, способ фиксации «бытия порядка», скрытая от непосредственного наблюдения сеть отношений между «словами» и «вещами», на основе которых строятся свойственные той или иной эпохе коды восприятия, практики познания, и порождаются отдельные идеи и концепции. Эпистемология — раздел философии, в котором изучаются проблемы природы познания, отношения знания к реальности, исследуются всеобщие предпосылки познавательного процесса, выявляются условия его истинности.

ЛИТЕРАТУРА

ТЕХНОЛОГИИ — ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

1. Амонашвили Ш.А. Размышления о гуманной педагогике / Ш. А. Амонашвили. — М.: Изд. Дом Ш. Амонашвили, 1996. — 496 с.
2. Борисов Б.Л. Технологии рекламы и PR: учебное пособие для вузов / Б.Л. Борисов. — М.: Фаир-Пресс, 2004. — 617, [1] с.
3. Бражник Е.И., Мартыненко Л.Г. Педагогические технологии оценивания в современных университетах Франции и России: монография / РГПУ. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. — 131 с.
4. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по педагогическим специальностям / И.Г. Захарова. — 3-е изд., стер. — М.: Академия, 2007. — 187, [2] с.
5. Котлер Ф. Новые маркетинговые технологии: методики создания гениальных идей: пер. с англ. / Ф. Котлер, Ф. Триас де Без. — СПб.: Нева, 2004. — 191 с.
6. Кузнецов П.А. Копирайтинг & спичрайтинг: эффективные рекламные и PR-технологии / П.А. Кузнецов. — М.: Дашков и К, 2012. — 258, [1] с.
7. Леонов И.В. «Миры» макроистории: идеи, паттерны, гештальты: Монография / И.В. Леонов. — СПб.: Астерион, 2013. — 210 с.
8. Лисовская Н.Б., Трощинина Е.А. Психолого-педагогические технологии формирования карьерной готовности выпускника вуза: учебно-методическое пособие / РГПУ. — СПб.: Перспектива, 2013. — 87 с.
9. Логинова Е.А. Педагогические стратегии и технологии в обучении студентов вузов // Образовательные технологии в коррекционном процессе: сб. науч.-метод. тр. с междунар. участием. — СПб., 2013. — С. 20-24.
10. Ломакина Т.Ю. Педагогические технологии в профессиональных учебных заведениях: [монография] / Т.Ю. Ломакина, М.Г. Сергеева. — М.: Academia, 2008. — 287 с.

11. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация: Выступления и доклады. — СПб.: Изд. группа «Лениздат», «Команда А», 2014. — 384 с.
12. Нестеров А.В., Трапицын С.Ю., Тимченко В.В. Информационные педагогические технологии: учеб.-метод. Пособие / РГПУ. — СПб.: Книжный дом, 2003. — 337 с.
13. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: [учебное пособие для студентов педагогических вузов] / Е.С. Полат и др.; под ред. д.п.н., проф. Е.С. Полат. — 3-е изд., стер. — М.: Академия, 2008. — 268, [1] с.
14. Панфилова А.П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение: учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования. — М.: Академия, 2012. — 192 с.
15. Педагогические технологии: вопросы теории и практики внедрения: справочник для студентов / авт.-сост. А.В. Винева; под общ. ред. И.А. Стеценко. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. — 253, [1] с.
16. Писарева Е.В. Интегрированные маркетинговые коммуникации: современные технологии, стратегии, инструментарий (теория и практика): учебное пособие / Е.В. Писарева. — М.: Ваш полиграфический партнер, 2014. — 281 с.
17. Рабош В.А. Синергетика устойчивости: философский анализ / РГПУ. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. — 246 с.
18. Реклама и PR в России. Современное состояние и перспективы развития: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции, 12 февраля 2015 года / С.-Петерб. гос. гуманитар. ун-т профсоюзов. — СПб.: СПбГУП, 2015. — 185, [1] с.
19. Селевко Г.К. Традиционная педагогическая технология и ее гуманистическая модернизация / Г.К. Селевко. — М.: НИИ школьных технологий, 2005. — 142, [1] с.
20. Селевко Г.К. Альтернативные педагогические технологии / Г.К. Селевко. — М.: НИИ школьных технологий, 2005. — 219 с.
21. Сластенин В.А. Личностно ориентированные технологии профессионально-педагогического образования // Сибирский педагогический журнал. — 2008. — № 1. — С. 49-74.
22. Сластенин В.А., Беловолов В.А., Ильенко Е.В. Личностно ориентированное обучение в процессе профессиональной подготовки специалиста // Сибирский педагогический журнал. — 2008. — № 11 — С. 117-130.
23. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: монография / [И.В. Докучаева, Н.И. Захарова, О.А. Захарова и др.]; Центр развития научного сотрудничества. — Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2013. — 245 с.
24. Степин В.С. Цивилизация и культура. — СПб.: СПбГУП, 2011. — 408 с.
25. Суворов Н.Н. Ментальные технологии в развитии творческого мышления и воображения // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2015. — № 1. — С. 152-156.

26. Суртаева Н.Н. Современные педагогические технологии в науке и практике // Специфика педагогического образования в регионах России. — 2012. — № 1. — С. 15–21.
27. Терентьева Н.А. Игровые музыкально-педагогические технологии // Вестник Северо-Западного отделения РАО: Образование и культура Северо-Запада России. — СПб., 1998. — Вып. 3. — С. 235–239.
28. Технологии бренд-конструирования национального образа России: монография: в 2 т. / Ю.В. Шленов, В.А. Мясоедова, С.С. Алексеева [и др.]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Рос. гос. ун-т инновац. технологий и предпринимательства», Каф. «Упр. и интегрирован. маркетинговые коммуникации». — Москва: Российский государственный университет инновационных технологий и предпринимательства, 2013.
29. Тучалаев С.Т. Новые педагогические технологии: монография / С.Т. Тучалаев; ФГБОУ ВПО «Дагестанский гос. пед. ун-т», Дагестанский науч. центр Российской акад. образования. — Махачкала: Алерх, 2015. — 171 с.
30. Тхагапсоев Х.Г. Университет в современной России: технология как стратегический горизонт? // Высшее образование в России. — 2011. — № 4. — С. 58–61.
31. Шелонаев С.И. Технологии репутационного менеджмента: творческая элита: Научно-методические материалы / С.И. Шелонаев. — СПб.: Книжный Дом, 2007. — 212 с.
32. Шерстнёва Н.А. Педагогическая технология: понятие, сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — № 10 (часть 3). — С. 114–117.
33. PR: современные технологии: учебное пособие / [С.Л. Бровко и др.; под ред. Л.В. Володиной]; С.-Петерб. ин-т внешнеэкон. связей, экономики и права, О-во «Знание» СПб. и Ленингр. обл. — СПб.: ИВЭСЭП, 2008. — 261, [1] с.

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

34. Беляева Л.Н. Гуманитарные технологии vs гуманитарные науки в аспекте подготовки современного специалиста // Вестник Герценовского университета / РГПУ. — СПб., 2008. — № 1 (51). — С. 3–8.
35. Бордовская Н.В. Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике: теория и методология проектирования: Учеб. Пособие / Н.В. Бордовская — СПб.: Книжный дом, 2007. — 408 с.
36. Бордовский Г.А. Гуманитарный технолог: от идеи к воплощению // Вестник Герценовского университета / РГПУ. — СПб., 2007. — № 10 (48). — С. 3–5.

37. Бордовский Г.А. Модернизация педагогического образования и гуманитарные технологии // Модернизация подготовки педагогических кадров в условиях перехода на уровневое образование: материалы пленума УМО по направлениям пед. образования, 18–21 февр. 2008 г. — СПб., 2008. — С. 7–8.
38. Валицкая А.П. Аксиология личности и гуманитарные технологии // Технологии управления репутацией: учеб.-метод. комплекс: эксперим. учеб.-метод. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по направлениям пед. образования / РГПУ. — СПб., 2007. — С. 9–18.
39. Гончаров С.А. Гуманитарные технологии в образовании и социальной сфере // Вестник Герценовского университета / РГПУ. — СПб., 2008. — № 5 (55). — С. 9–15.
40. Громова Л.А. Гуманитарные технологии формирования управленческой культуры // Технологии формирования корпоративной культуры: учеб.-метод. комплекс: эксперим. учеб.-метод. пособие для науч.-пед. работников и студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по направлениям пед. образования / РГПУ. — СПб., 2008. — С. 78–143.
41. Гуманитарные технологии в образовании: монография: [в 3 ч./ Н.Е. Белоглазова, Б.Ю. Бурдина, Е.А. Великанова и др.]; под ред. Т.И. Шукшиной; М-во образования и науки РФ, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Морд. гос. пед. ин-т им. М.Е. Евсевьева», Науч.-образоват. центр «Гуманитар. науки и образование». — Саранск: ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт», 2011.
42. Гуманитарные технологии в современном мире: сборник научных трудов IV всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 22–24 мая 2015 года / [сост.: к.филол.н., доц. Гончарова Л.М.]. — Калининград: [б. и.], 2015. — 204 с.
43. Гуманитарные технологии и политический процесс в России: Сборник статей / СПб. гос. ун-т; Под ред. Л.В. Сморгунова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. — 223 с.
44. Гуманитарные технологии и рынок труда: метод. сб.: эксперим. учеб.-метод. пособие для руководителей и науч.-пед. работников вузов / В.Г. Зарубин, С.Б. Быстрянец, А.М. Калугина, С.Г. Кошкина, О.К. Крокинская, Н.А. Мартыанова, Н.В. Немирова, П.В. Станкевич; РГПУ. — СПб.: Акад. исслед. культуры, 2008. — 228 с.
45. Гуманитарные технологии: обновление содержания и технологий образования: учеб.-метод. материалы для общеобразоват. учреждений: учеб.-метод. пособие для работников образоват. Учреждений / Р.У. Богданова, В.Г. Болотова, Т.Г. Галактионова, М.А. Горюнова, О.Н. Шилова; сост. С.А. Писарева; РГПУ. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. — 302 с.

46. Гуманитарные технологии: обновление содержания и технологий образования: учеб.-метод. материалы для системы повышения квалификации пед. кадров: учеб.-метод. пособие для работников образоват. Учреждений / Е.Н. Глубокова, Н.Н. Суртаева, И.А. Хоменко, Н.А. Щедрцова; сост. С.А. Писарева; РГПУ. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. — Ч. 2: Учебно-методические материалы для освоения гуманитарного технологического знания. — 231 с.
47. «Гуманитарные технологии» в системе понятий инновационной образовательной программы университета // Философско-культурологические основания и структура содержания современного гуманитарного образования [Мосолова Л.М., Барышников М.Н., Валицкая А.П. Воронцов А.В. и др.]: Учеб. пособие. — СПб: Книжный дом, 2008. — С. 29–43.
48. Интеграционные процессы и гуманитарные технологии: междисциплинарный аспект исследования научного образования в европейских университетах: Научно-методические материалы / В.И. Богословский, В.В. Лаптев, С.А. Писарева, А.П. Тряпицына. — СПб.: Книжный Дом, 2007. — 272 с.
49. Интеграция научной, прикладной, социокультурной составляющих подготовки студентов естественнонаучных и математических специальностей средствами гуманитарных технологий: Методическое пособие / В.В. Барабанов, Е.В. Баранова, И.К. Елизарова и др. — СПб.: Книжный Дом, 2007. — 268 с.
50. Казаков М.А. Гуманитарные технологии — культурный лифт качества системных процессов и изменений // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». — 2013. — № 3. — С. 49–55.
51. Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии: Научно-методические материалы / Н.И. Басовская, Е.П. Буторина, Т.Ю. Красовицкая и др. — СПб.: Книжный Дом, 2007. — 524 с.
52. Конева А.В. Парадигма современности и феномен гуманитарных технологий // Вестник Герценовского университета / РГПУ. — СПб., 2009. — № 1 (63). — С. 9–13.
53. Кравцов А.О. Гуманитарные технологии проектирования воспитательной системы современной школы: монография / РГПУ, каф. упр. образованием. — СПб.: Петрополис, 2009. — 135 с.
54. Митин А.Е., Филиппова С.О. Гуманитарные технологии: обоснование основных положений применения в образовании // Знание. Понимание. Умение. — 2013. — № 3. — С. 255–262.
55. Мосолова Л.М. Гуманитарные знания и технология в пространстве современной культуры // Гуманитарные технологии в высшем профессиональном образовании: науч.-метод. материалы для подгот. преподавателей высш. шк.: для руководителей и науч.-пед. работников высш. учеб. Заведений / Е.Н. Глубокова, И.Э. Кондракова, Л.М. Мо-

- солова, Т.Н. Носкова, Т.Б. Павлова, С.А. Писарева, А.П. Тряпицына, А.В. Тумалев, Е.А. Тумалева; РГПУ. — СПб., 2008. — С. 35–68.
56. Науки о культуре в перспективе «Digital Humanities»: Материалы межвуз. конф. 3–5 октября 2013 г., Санкт-Петербург / Под. ред. Л.В. Никифоровой, Н.В. Никифоровой. — СПб.: Астерион, 2013. — 600 с.
57. Никифорова Л.В. Гуманитарные технологии в системе понятий инновационной образовательной программы // Вестник Герценовского университета / РГПУ. — СПб., 2008. — № 11 (61). — С. 17–24.
58. Никифорова Н.В. Понятие технологии и проблемы национальной идентичности: американская школа технологической истории культуры // Концепты культуры и концептосфера культуры: Коллективная монография / Под. ред. Л.В. Никифоровой, А.В. Коневой. — СПб., 2011. — С. 345–354.
59. Новая технократическая волна на Западе: [Сб. ст. : Переводы] / АН СССР, Ин-т философии, Науч. совет при Президиуме АН СССР по филос. и социал. пробл. науки и техники; Сост. и вступ. ст. [с. 3–31] П.С. Гуревича. — М.: Прогресс, 1986. — 450, [1] с.
60. Проектирование в образовательном процессе вуза: гуманитарные технологии : науч.-метод. Пособие / Н.Ф. Радионова, И.А. Бочкарева, И.В. Гладкая, А.Г. Гогоберидзе, Н.П. Колесник, С.В. Ривкина, А.В. Платонова; РГПУ. — СПб.: Книжный Дом, 2008. — 191 с.
61. Роботова А.С. Гуманитарность и гуманитарные технологии // Вестник Герценовского университета / РГПУ. — СПб., 2008. — № 5 (55). — С. 15–20.
62. Романенко И.Б. Образовательные и гуманитарные технологии переходного общества // Образовательные стратегии переходного периода: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. — СПб., 2008. — С. 38–45.
63. Содержание и структура современного гуманитарного образования: Научно-методические материалы / Под. ред. Л.М. Мосоловой. — СПб.: Книжный Дом, 2008. — 120 с.
64. Соломин В.П., Верещагина Н.О., Митин А.Е. Гуманитарные технологии как новая форма функционирования гуманитарного знания // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. — СПб., 2011. — № 132. — С. 198–208.
65. Соломин В.П., Гелих О.Я. Гуманитарные технологии и управленческий глобализм // Социокультурные процессы и глобализация: материалы Междунар. конф. «Глобальный мир: гуманитарный кризис или момент развития», апр. 2008 г. — СПб., 2008. — С. 301–310.
66. Султанов К.В., Воскресенский А.А. Гуманитарные технологии: на пути к единому образовательному пространству // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — СПб., 2012. — № 4 (25). — С. 212–216.
67. Тхагапсоев Х.Г. Идентичность как оператор гуманитарных технологий // Вестник Герценовского университета / РГПУ. — СПб., 2011. — № 9 (95). — С. 58–67.

68. Тхагапсоев Х.Г. К философско-культурологическим измерениям гуманитарных технологий // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2008. — № 3 — С. 104–118.
69. Федоров Ю.М. Онтологические формы и функции технологии // Очерки философии техники: Учебное пособие / Под ред. Манько Ю.В. / СПбГУТД. — СПб., 2000. — 206 с.
70. Цыганов В.В. Адаптивные механизмы и высокие гуманитарные технологии: теория гуманитарных систем / В.В. Цыганов. — Москва: Академический проект Альма матер, 2012. — 346 с.
71. Юдин Б.Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям (окончание) // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 4 — С. 104–110.
72. Huges T.P. Human-Built World: How to Think about Technology and Culture — Chicago: The University of Chicago press, 2004. — 223 p.
73. Marx L. The Machine in the Garden: Technology and the Pastoral Ideal in America / Leo Marx. — Repr. — London etc: Oxford univ. press, 1973. — [4], 392 p.
74. Oldenzael R. Signifying Semantics for a History of Technology // Technology and Cultural. Vol. 47. — 2006. — № 3. — P. 477–485.
75. Pursell C. Technologies as Cultural Practice and Production // Technology and Cultural. Vol. 51. — 2010. — № 3. — P. 715–722.
76. The Society for the History of Technology: A Brief History // Technology and Cultural. Vol. 1. — 1959. — № 1. — P. 106–108.

ИДЕНТИЧНОСТЬ

77. Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
78. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. — М.: Логос, 2003. — 350 с.
79. Глобализация и столкновение идентичностей. Международная интернет-конференция 24 февраля — 14 марта 2003: Сб. материалов / Под ред. А. Журавского, К. Костюка. — М., 2003. — 440 с.
80. Глотц П. Европейская идентичность // Идеи европеизма во II пол. XX в. — М., 2000. — С. 36–41.
81. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. — 2004. — № 10. — С. 27–30.
82. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты / М.В. Заковоротная. — Ростов-на-Д.: СКНЦВШ, 1999. — 261 с.
83. Малахов В. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. — 1998. — № 2. — С. 43–53.

84. Малыгина И.В. В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности. Монография. — М.: МГУКИ, 2005. — 282 с.
85. Малыгина И.В. Динамика российской идентичности // Быть русским... Коллективная монография. — М.: МГУКИ, 2005. — С. 5–52.
86. Мид Дж. От жеста к символу. Интернализированные другие и самость. Аз и Я // Американская социологическая мысль: Тексты. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С. 215–237.
87. Ставропольский Ю.М. Модели этнокультурной идентичности в современной американской психологии // Вопросы психологии. — 2003. — № 6. — С. 112–121.
88. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука, 2003. — 544 с.
89. Тхагапсоев Х.Г. Идентичность как философская категория и мера социального бытия // Философские науки. — 2011. — № 1 (специальный выпуск). — С. 10–25.
90. Тхагапсоев Х.Г. Категория «идентичность» в системе гуманитарной методологии // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. — 2011. — № 15 (77). — С. 71–78.
91. Тхакахов В.Х. Российская идентичность: ресурсы этнического предпринимательства // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2015. — № 4 (37). — С. 80–86.
92. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; Пер. с англ. А. Башкирова. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. — 635, [5] с.
93. Хесли В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. — 1994. — № 10. — С. 112–123.
94. Хобсбаум Э.Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. — М, 2002. — С. 332–346.
95. Хюбнер К. Нация: От забвения к возрождению / К. Хюбнер; [Пер. с нем. А.Ю. Антоновского] Рос. акад. наук, Ин-т философии. Центр по изуч. нем. философии и социол. — М.: Канон+, 2001. — 399 с.
96. Шпилов А.В. Опозиция «мы» и «они» в социокультурном развитии. Ч. I. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2004. — 480 с.
97. Элиас Н. Изменение баланса между «Я» и «Мы» // Элиас Н. Общество индивидов. — М.: Праксис, 2001. — С. 274–275.
98. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. — М.: Прогресс, 1996. — 340, [2] с.

Научное издание

Тхагапсоев Хажисмель Гисович —
доктор философских наук, профессор кафедры философии
Кабардино-Балкарского государственного университета;

Мосолова Любовь Михайловна —
доктор искусствоведения, профессор, зав. кафедрой теории и исто-
рии культуры института философии человека
РГПУ им. А.И. Герцена;

Леонов Иван Владимирович —
доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры
Санкт-Петербургского института культуры;

Соловьева Вайда Линасовна —
кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры
института философии человека РГПУ им. А.И. Герцена

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК НАВИГАТОР СОЗНАНИЯ

Монография

Отпечатано в ЦНИТ «АСТЕРИОН»
Заказ № 100. Подписано в печать 17.08.2016 г. Бумага офсетная
Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Объем 10,6 п.л. Тираж 500 (из 1-300) экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,
тел. /факс (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70
asterion@asterion.ru

